

Демьянчук Кристина

Ведьмин долг

Кристина Демьянчук

Ведьмин долг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70202776

SelfPub; 2024

Аннотация

Кто же знал, что большая часть моих родственников окажется проклятой нечистью, а я сама – ведьмой? – Все, кроме меня. И отныне мне придётся не только выживать с новыми способностями, но ещё и противостоять варварским устоям тёмных магов, чтобы спасти близких мне людей и исполнить свой истинный ведьмин долг.

Содержание

Глава 1. «Как всё начиналось»	4
Глава 2. «Зря он это сделал...»	23
Глава 3. «Побег»	42
Глава 4. «Ведьма»	55
Глава 5. «Он нашёл меня»	76
Глава 6. «Первый урок ворожбы»	100
Глава 7. «Да пребудет с нами Господь!»	118
Глава 8. «Умение сдерживаться»	129
Глава 9. «Отдых»	151
Глава 10. «Тучи сгущаются»	160
Глава 11. «Путь»	192
Глава 12. «Время пришло»	202
Эпилог	220

Кристина Демьянчук

Ведьмин долг

Глава 1. «Как всё начиналось»

Жизнь – это мозаика из наших слов и действий. Будущее – это последствия того, что было сделано, и того, что мы так и не смогли осуществить. Мы сами выбираем свою судьбу, но каждый наш выбор имеет определённую цену. И иногда мы не можем её заплатить: нам не позволяют средства или даже сама совесть. Но есть те, кто готов переступить её, и заставить это сделать других. Что ж, я не из робкого десятка! Посмотрим, что будет со мной...

Мне было семнадцать – почти восемнадцать – когда всё это началось. В то время было тяжело осознать то, что мне скоро придётся съехать от родителей, начать собственную жизнь, найти подработку, что уж говорить о принятии моей новой *особенности*?

В тот, на удивление, жаркий апрельский день я шла вместе с Верой, моей лучшей и единственной подружкой, из школы в Дом культуры, где мы с ней занимались вокалом. Не то чтобы у нас был талант, да и тогда вообще о подготовке ЕГЭ надо было думать, но это занятие помогало нам отвлечься, оно давало понимание, что мы способны на что-то большее,

чем эти надоевшие всем экзамены. И, кто бы что ни говорил, у людей должны быть увлечения помимо работы и учёбы, пустяковые, но греющие душу.

Мы болтали о том, о сём: обсуждали фильмы, контрольные, которые только отвлекали от подготовки к экзаменам. Тот день был самым обычным, в какой-то степени скучным, но спокойным, что, наверное, каждый одиннадцатиклассник посчитает плюсом. Однако это умиротворение кто-то просто обязан был нарушить, как же без страданий? Так вот, нарушителем спокойствия выступил никто иной как Вячеслав Веткин, парень с оперным голосом и невероятными вокальными данными, а также невыносимый задира и насмешник. Он был звездой нашего ансамбля, учился в девятом классе, был отличником и любимцем учителей, гордостью родителей. Но все дети и подростки, в обществе которых он появлялся хотя бы один раз, могли с уверенностью заявить, что не желали бы его встречать никогда в жизни. Он постоянно влезал в чужие разговоры, вставлял едкие реплики, бьющие по самому больному, пускал нелепые слухи и комментировал то, что приличные люди не станут обсуждать.

У тебя вскочил малюсенький прыщ на носу? – Берегись! Через день весь район будет говорить о твоей, якобы, опухоли на пол лица! И, как он только успевал вредить всем и идеально учиться одновременно? Вероятно, за такую многофункциональность его все ненавидели гораздо больше, чем за приставучесть.

– Вот зараза! – громко ругнулась я, тняя подругу за плечи вверх. Я еле успела поймать её, когда нас, задумавшихся, сильно толкнул пронёсшийся мимо Вячеслав. Мои тёмные густые брови, похоже, чересчур сильно нахмурились, из-за чего Вера утешающе приобняла меня за плечи.

– Не сердись ты так! Чем больше мы обращаем на него внимания, тем сильнее он доволен! – здраво рассудила рыжая, светлая, в отличие от меня, подруга. Я прекрасно понимала её точку зрения, но смириться с этим не могла. Все вокруг были на нервах из-за приближающихся экзаменов, что невольно передавалось и мне. Стыдно было вымещать злость на родителей и Вере, поэтому Вячеслав был просто обязан поплатиться за моё испорченное настроение.

– Сегодня могли бы и пораньше прийти, Людмила и Вера, – презрительно фыркнула Елена Эдуардовна. То, что мы зашли следом за Вячеславом, её никак не волновало. Вины были мы.

– Мы только что из школы, – не смогла сдержаться я. – И мы уже предупреждали вас, что уроки заканчиваются в тридцать, идти сюда двадцать минут, а учителя ещё нас часто задерживают после уроков, чтобы донести какую-то информацию, – раздражённо отозвалась я, испепеляя взглядом спину педагога.

– Тон не повышай. С матерью своей будешь так разговаривать, – как об стенку горох! Как же мне хотелось в тот момент швырнуть ей в голову пюпитр! Но меня вовремя остановила

Вера. В нашем дуэте она всегда была сдерживающим фактором, я же была всепожирающим пламенем, которое невозможно остановить – так нас описывала ещё Роза Владимировна. Изначально она руководила нашим коллективом, но жизнь ушла из неё ещё в июне прошлого года, а так как терять такое большое количество людей было бы неразумным, нам просто нашли нового педагога. К слову, вместе с Еленой Эдуардовной пришёл и Вячеслав. Её звёздочка.

– О-о, не-ет. Мама итак знает всю эту информацию, а вот тебе её надо лучше донести, – с чистой ненавистью прошипела я себе под нос, сжимая кулаки. И как только земля таких людей носит?!

– Не обращай внимания на неё! Она не уверена в себе, вот и придирается ко всем, чтобы возвыситься за чужой счёт, – пыталась успокоить меня Вера. – Возможно, её мать в детстве так же третировала, как и она нас сейчас. Сжался над ней и перестань прислушиваться к её агрессии.

– Все по местам! – закричала дирижёр. Как всегда, пропустив верные, но очевидные напутствия подружки мимо ушей, я встала в ряд к альтам, в то время как она пристроилась к первым сопрано.

В течение всей репетиции Вера периодически оборачивалась на меня, прикусывая губу. Похоже, видок у меня был ещё тот: я хоть и смуглая, но яростной красноте это не мешало опалить моё лицо, заставляя окружающих буквально обжигаться от одного только взгляда на меня. Ко всему это-

му я ещё и постоянно дёргалась, когда Вячеслав брал самые высокие ноты. Он, может, и пел добротнo, попадал во все ноты, быстро запоминал новые произведения, но его голос был просто отвратительным! Он будто бы упивался своей надменностью и противностью, что сказывалось на его, так сказать, репертуаре. У меня и без этого в последнее время в хоре звенело в ушах, а после того, как Вячеслав вернулся с больничного, мне просто хотелось плакать и обмотать уши поролоном. И, видимо, не мне одной. Ещё одна девочка-альт, Василиса, в конце репетиции, когда Вячеслав просто ходил вдоль рядов и «выпендривался», беря то ля, то си второй октавы, не выдержала и сморщилась, как изюм. И, стоило ей снять запотевшие очки, чтобы протереть их, «звёздочка» пронёсся мимо, сбивая её. Естественно, очки полетели со сцены, причём по закону подлости – не на ковёр. Оправа разлетелась, стёкла треснули – и кто за это будет платить? Хорошие очки – это дорого, скажу я вам! А домой, как ей добираться? Практически вслепую? И только я хотела озвучить всё это Вячеславу и заодно его покровительнице Эдуардовне, меня за предплечье тронула Вера со словами: – Нам надо помочь ей, – она кивнула на Василису, дрожащими руками пытающуюся собрать все части оправы воедино. Я сочувственно вздохнула и согласно качнула головой.

– Не стоит так привязываться к вещам, – накрыв ладони Василисы с остатками очков своими, сказала я.

– А к людям стоит? – всхлипнула та. Её состояние было

понятно, но, к чему она клонит?

– Ты это про Вячеслава, что ли? – неверующе высказала я свою догадку. Затянувшееся молчание послужило нам с Верой ответом. – И кто же он тебе?

– Троюродный и, по совместительству, сводный брат. Когда мои родители умерли, – послышался ещё один смачный всхлип. – Тётя и дядя взяли меня к себе. Он издевается надо мной, а я даже никому пожаловаться не могу! Они же выбросят меня, если я это сделаю!

– Родственник-манипулятор, значит. Мне это знакомо, – выдавила из себя я и посмотрела на Вячеслава с ещё большей ненавистью, чем раньше. Теперь это было чем-то личным, желанием указать ему его истинное место так, как я никогда не смогу сделать со своим «Вячеславом». И я чувствовала кончиками пальцев и перекатывающимися от резкого дыхания мышцами, что у меня есть на это силы и мне не будет стыдно оттого, что я воспользуюсь своим преимуществом против более слабого соперника. Зло же кто-то должен наказывать, разве нет? И почему бы не использовать его же методы?

Вера, продолжавшая успокаивать Василису, не заметила моего ухода. Его не заметил и весело насвистывающий себе песенку под нос Вячеслав. Закинув на плечо рюкзак, он вышел из здания и направился в сторону своего дома; я двинулась следом. Пройдя пару серых пятиэтажек, я значительно приблизилась к нему, одним рваным движением схватила за

шкирку и утащила за угол. Почти подняв щуплого низкого паренька над землёй, я прижала его к грязной сырой стене одной рукой, грозно шипя:

– Ты задолжал этому миру парочку извинений. Как насчёт расплаты? – я упивалась тем, что просто могу вот так вот держать его за воротник и *быть сильнее*. Это приносило мне настолько пьянящее наслаждение, что я в какой-то момент начала побаиваться сам себя.

– Извиняться перед такой грязью, как ты? Да я лучше душу дьяволу продам! – несмотря охвативший его страх, едко огрызнулся Вячеслав.

– О-о, нет! Я-то, как раз, меньше всего хочу слышать твой премерзкий голос! Ты должен извиниться перед всеми, кого задирали, и список, дорогой мой, составлять будешь сам. А я уж потружусь и проверю, не упустил ли ты кого, – опасно передвигая цепкую ладонь к шее юноши, рычала я.

– Да вы все ничтожества, созданные молиться о том, чтобы такие, как я хотя бы ноги об вас вытерли! – вдруг закричал он, и я поняла, что мне пора уходить, иначе негодяем выставят уже меня.

– Немедленно возьми свои слова назад, идиот!

– Ни за что! – он хотел плюнуть мне в лицо, но промахнулся, попав в землю.

– Да чтоб у тебя рот от твоих слов сгнил, – яростно отчеканила я, напоследок вцепившись ногтями в углы его губ. Вячеслав сел прямо на асфальт, прикрыв ладонью рот и бо-

лезненно скривившись. Актёр! Не так уж сильно я его и потрепала.

По дороге домой мне удалось прийти в себя и успокоиться. Невзирая на то, что я считала свой поступок вполне справедливым по отношению к Вячеславу, внутри осталось ощущение чего-то липкого и неприятного, словно я испачкалась и стала *грязной*. Ха, звёздочка обрадовался бы, услышав мои мысли.

По привычке перепрыгивая ступени, я несколько раз чуть не упала, но кое-как смогла подняться на шестой этаж. Однако, когда дверной замок начал двоиться и расплываться разные стороны, не давая вставить ключ, я решила позвонить в дверь, надеясь, что родители вернулись с работы. И мне повезло. Открыла мама, и она явно заметила моё состояние. Мама помогла мне снять портфель и ветровку, после чего усадила на диван и дала крепкого чаю с сахаром.

– Ты приболела, мотылёк?

– Будто все силы выкачали, – хрипло ответила я и прикрыла глаза, грея руки об горячую чашку.

– Ты слишком много на себя берёшь. Нужно ведь отдыхать хоть иногда, – заботливо убирая со лба мои волосы, молвила мама. – Не ходи завтра в школу. Все нужные темы ты уже прошла, можно дальше самостоятельно готовиться.

– Я не могу, я обещала прийти и принести маркеры для создания стенгазеты, – со стоном выдавила из себя я, хватаясь одной рукой за голову, будто это сможет остановить миг-

рень.

– Тогда ложись спать пораньше. Я напишу записку, чтобы у тебя не спрашивали домашнее задание, – сказала мама, чмокнула меня в лоб и ушла выполнять выше сказанное. Я, в свою очередь, допила чай, приняла душ и легла спать.

Правильно говорят, что дома стены лечат, а мой отец всегда к этому добавляет, что здоровый сон закрепляет результат. Я проснулась бодрая и почти весёлая: настроение омрачали воспоминания о вчерашних событиях и осознание того, что нужно быстро собираться и идти в школу. Да ещё и первым уроком был тот, на который идти не хотелось совсем, причём не из-за самого предмета.

– Чего такая хмурая? – ворчливо поинтересовался за завтраком отец, почти полностью погружённый в свой смартфон.

– Да так, – максимально склонившись над тарелкой и спрятавшись за волосами, буркнула я, будто мне всё равно. На самом же деле мне просто не хотелось говорить о причине своего недовольства, т. к. это бесполезно, и мне не помогут.

– Ну-ка рассказывай: не обижают ли тебя одноклассники? – с неким осознанием в голосе протянула мама.

– Мы в своё время всё сами решали и ничего, как-то стали людьми, – вставил отец, презрительно фыркая.

– Особенно ты, – недовольно хмыкнула мать ему в ответ. Я мысленно закатила глаза.

– Что-что?

– Так что? Не обижает ли кто? – проигнорировав мужа, повторила вопрос мама.

– Просто учительница по предмету, который никто не сдаёт, решила нас всякими громоздкими заданиями загрузить, – покусывая губы, призналась я. – А мы итак к ЕГЭ еле успеваем готовиться, а тут ещё она со своей ерундой...

– Раз даёт задания, значит, надо их делать, – резко убирая смартфон, грозно начал отец. – Посмотрите на них: малолетки смеют осуждать учителя за выполнение его обязанностей! Ещё и сами ничего делать не хотят! Что за предмет, быстро сказала!

– ОБЖ... – скрипнув зубами, выдавила я. Под столом медленно сжимались и разжимались мои кулаки.

– Чтоб сегодня же передо мной лежало выполненное домашнее задание по ОБЖ, и если мне что-то не понравится, ты у меня его десять раз переписывать будешь, поняла?! – крайне повысив голос, ругался отец. Его лицо исказила гневная гримаса, но мне больше хотелось не спрятаться от неё, а плюнуть.

– До вечера, – делано равнодушно кинула я, показательно закатывая глаза, чтоб не думал, что можно так надо мною издеваться. Кому-то это покажется наглым, но я к нему на работу не нанималась, чтоб он мной помыкал, как будто я у него не иначе как миллион украла.

Закинув на плечо рюкзак, прыгнула в кроссовки, схватила с полки ключи и под непрекращающийся ор отца выбежала

из квартиры.

Наша школа была старой и, в какой-то степени, жуткой. Но для меня это скорее было плюсом: забавно было иногда представлять, что я сижу и мучусь не над уроками, а над планом побега из замка с привидениями или чудовищами. Не то чтобы не нравились фильмы ужасов, больше привлекало фэнтези и истории, основанные на старинных сказках с мрачным подтекстом. Всё-таки раньше сказки создавались не для развлечения, а для поучения. «Не ходи, сынок, в лес, там водится нечисть», – а на деле там водились жестокие разбойники, которые были не прочь продать очередного ребёнка в рабство или просто убить.

В общем, в школе я могла легко погрузиться в свои мысли и не обращать внимание на не очень-то приятную обстановку в виде вечно орущих и толкающихся детей и подростков, из-за чего я, наверное, и не заметила самого главного, точнее, не придавала тому значения. Вячеслав учился в той же гимназии, что и я, но его не было видно, хотя я несколько раз проходила мимо его класса. Впрочем, мне было глубоко плевать на этого недочеловека вплоть до того момента, пока он не начинал доставать меня и моих друзей, знакомых. Однако его родителям, как и сотруднику полиции, очень даже было до него дело.

Широкоплечий лейтенант Быков, постоянно поправляя фуражку, разговаривал с моей классной руководительницей, когда я увидела его. Варвара Олеговна послала за мной нашу

старосту, Галю, и та настойчиво продолжала толкать меня в сторону двух разговаривающих взрослых несмотря на то, что я чуть ли не превратилась в каменную статую от шока и испуга и вросла ногами в пол. Кое-как взяв себя в руки, я подошла к лейтенанту и Варваре Олеговне ближе, и Быков, наконец, посмотрел на меня. Он не выглядел злым, но было видно, что, в случае чего, поблажек не будет. Если честно, я не сразу поняла, о чём и что он начал мне говорить, в голове лишь крутилась навязчивая и тревожная догадка:

«Вячеслав и его родители написали на меня заявление в полицию!»

Да уж, теперь я не чувствовала себя такой же сильной, как вчера. Теперь мне было страшно. Когда к школе подъехали еле отпросившиеся с работы родители, мы все вместе поехали в участок. И, как я и думала, там нас ждали Вячеслав и его мама. Мать звёздочки с периодичностью в несколько секунд утирала слёзы с лица и истерично всхлипывала. А вот её сын, в кои-то веки, сидел молча, и этому было отнюдь не утешающее объяснение. Все его губы и область вокруг рта были покрыты гнилостными корочками зелено-жёлтого цвета, отдалённо напоминающими кожу бородатой жабы или варана. Особенно пострадали углы его губ, которые я вчера и трогала, там чешуйки багровели и бугрились. Поверх был намазан толстый слой какой-то заживляющей мази или крема. Я невольно посмотрела на свои руки: если это я его чем-то заразила, почему тогда у меня такого нет? Мои движения

не скрылись от орлиных глаз лейтенанта, но он невозмутимо отвернулся.

Я посмотрела на мать: всю дорогу она молчала. Несколько раз, конечно, она открывала рот, дабы что-то сказать, но тут же закрывала, не подобрав нужных слов. Отец же пытался пошутить над этой ситуацией, мол, на их счастье, придётся не отпускать меня в общежитие в будущем университете, а оставить дома и контролировать. Однако его юмор никто не оценил, а я была слишком подавлена, чтоб как-то поддержать его настрой. Но перед тем как меня ввели в допросную, где уже сидели психолог и следователь, родители неожиданно схватили меня за плечи и отвели в сторону.

– Главное не волнуйся и помни, что ты нам всегда рассказывала про этого хулигана, – сморщившись, мама кивнула в сторону Вячеслава.

– И покажи им, что ты ничего не делала с ним. Если ты будешь сама уверена в своей правде, то и они поверят, – наивно улыбнулся папа. На моём же лице отразилась паника, после которой щёки опалил невероятный стыд. Я-то знаю, что я что-то да сделала, пусть я всё ещё не жалела об этом несмотря на то, что всё это вылилось в такую ситуацию.

Напрягшись от кончиков пальцев до головы, я твёрдо шагнула в допросную. И в зеркало не надо было глядеться, дабы понять, что выглядела я весьма туманно и испуганно. Психолог тут же поспешила улыбнуться мне, а следователь, наоборот, посмотрел свысока и насмешливо искривил губы. Будто

бы всё уже было доказано. Что ж, считай, вызов принят, мой дорогой.

– Людмила Тихоновна Потворская?

– Да, – кивнула я. Голос не был хриплым, но мне явно не помешал бы стакан воды. Психолог пододвинула ко мне стоящий на другой стороне стола стаканчик, но я не осмелилась его выпить. – А вы?.. – притворно смело обратилась я к следователю.

– Это неважно, – растягивая гласные, ответил тот.

– Это просто вежливость, – безэмоционально парировала я. Мужчина изогнул бровь и ехидно бросил:

– Игорь Витальевич, – он сложил в стопку ранее рассматриваемые документы и полностью переключил своё внимание на неё. – Но это вам никак не поможет.

– Игорь Витальевич, я бы попросила! Я запрещаю вам давить на ребёнка, позвольте ей почувствовать, что мы, взрослые, в любом случае, на её стороне и поможем ей решить образовавшийся конфликт, – с возмущением вклинилась в разговор психолог, пытаясь усмирить следователя. – Людмила, меня зовут Анастасия. Я очень рада нашему знакомству, – она доброжелательно улыбнулась и протянула руку.

– Взаимно, – еле слышно ответила я, пожимая её ладонь. Её слова почти никак не успокоили меня, но помогли взять себя в руки.

– Итак, вам, Людмила Тихоновна Потворская, предъявляются обвинения в неправомерных действиях в отношении

Вячеслава Григорьевича Веткина. Скажите, вы применяли физическую силу к Вячеславу? – следователь закатил глаза на слова психолога и включил «деловой режим».

– Нет, – твёрдо ответила я. Сложно было сказать, было ли это правдой. Да, я припечатала его к стенке, но не била же! В общем, двоякая ситуация.

– Вы использовали какие-то химические средства при контакте с ним?

– В смысле? – недоумённо нахмурилась я.

– Вы кислоту или раствор какой-нибудь ему в лицо вмазывали? Или в еду подмешивала, а? – он не выдержал, вскопчил на ноги и опёрся руками о стол, наклоняясь ко мне. Честно сказать, мне одновременно захотелось рассмеяться от несдержанности следователя и испуганно убежать оттуда.

– Игорь Витальевич! – вновь осадил его психолог, рукой толкая на стул. Он сел и исподлобья посмотрел на меня, скрещивая руки.

– Нет, – повторила я и тяжело вздохнула. Следователя мои ответы явно не убедили, и я «с дуру» решила подтвердить свои слова более развёрнуто: – Я не разбираюсь в химии! Что я могла ему подмешать? Крысиный яд? – довольно экспрессивно молвила я. Этот И.В. на это уж слишком довольно усмехнулся.

– Говорите, в ядах разбираетесь? – он щёлкнул ручкой и стал что-то увлечённо записывать в одном из своих многочисленных листочков.

– Нет же! Я ничего ему не сделала! Ни-че-го! Это он мне жизнь всё это время портил своими оскорблениями! – запаниковав, я выплеснула наружу то, что стоило бы держать при себе. Или, по крайней мере, выдать не в такой агрессивной форме.

– О-о! А вот и мотив подъехал! – ощерился следователь. Я готова была взвыть от такой неудачи. Я не верила в судьбу, но кто-то словно решил её мне подпортить, но не в моих правилах было пускать всё на самотёк. Я начала быстро анализировать речь следователя, его поведение и возможные мотивы, выбрав его в качестве потенциального врага.

– Ну? Чего замолчала? – спустя минут пять спросил Игорь Витальевич, почёсывая нос. Взгляд упал на его серебряное обручальное кольцо.

«Я замолчала, а следовало бы вам», – подумала я, а вслух сказала:

– Мне не ясны предъявленные обвинения.

– Как же? Всё предельно ясно...

– Вы обвинили меня в том, что я избила и отравила Вячеслава, но не сказали, были найдены побои на его теле, и не предъявили соответствующих доказательств. Вы также не предъявили результаты анализов, доказывающие факт внешнего воздействия. А, если оно и есть, вдруг у него просто аллергия началась или произошёл химический ожог из-за нового стирального порошка для одежды? – кое-как, но я смогла связно выразить свою позицию и подозрения. Возможно,

не надо было говорить свои предположения о причине недуга звёздочки, ведь он может впоследствии использовать их против меня же, но сделанного не воротишь.

Терпеливо выслушав меня, следователь громко щёлкнул ручкой и отложил её в сторону. Затем он встал с совершенно серьёзным и даже твёрдым лицом и опустил жалюзи на зеркале Гезелла, чтобы нас перестали видеть мои родители и остальные полицейские, и выключил микрофон, чтобы нас перестали слышать. Вот теперь я действительно была в ужасе. Кажется, сегодня я побью все свои рекорды по выбросу адреналина, ибо... ох, что ещё можно сказать о сложившейся ситуации?

Вернувшись к столу, И.В. заговорил без ехидства:

– Если ты дашь *противоядие*, то мы тебя отпустим и больше никогда не потревожим.

– Какое противоядие? Что... – не успела я договорить, как меня перебила Анастасия, заставив вздрогнуть. А я и забыла, что она здесь.

– Игорь, прекрати, – без официоза сказала психолог, устало прикрыв глаза рукой.

– Я тебе говорю, что мы ничем ему не поможем! – он громко стукнул по столу, а когда понял, что это было достаточно близко ко мне, отшатнулся. Что-то я не пойму, он меня тоже боится?..

– Прошёл всего один день, и мазь, выписанная врачами, начала ему помогать, – упрямо продолжала Анастасия. Я пе-

реводила удивлённый взгляд с лица следователя на лицо психолога.

– Она лишь подавила симптомы! А через два месяца это станет необратимо! Я сам видел, как *это* бывает! – истерично бросил Игорь, размахивая руками. Послышались настоячивые стуки в дверь и голоса родителей.

– Что вы оба несёте? Причём здесь я? Я реально ничего с ним не делала! – не выдержала я и встала из-за стола. Так я казалась себе менее уязвимой.

– Если ты не вернёшь всё назад, я тебя сам, лично, заколочу в осиновый гроб и утоплю в святой воде, тварь ты безбожная! – закричал следователь и, видимо, потеряв всякий страх от отчаяния, потянула ко мне рукой, чтобы схватить, но я отпрыгнула и прикрылась стулом.

– Да вы ненормальный! – в ответ заверещала я. Сзади слышался спасательный треск выбитой двери.

– Остановите это немедленно! – громогласно изрёк мой отец, в считанные минуты хватая следователя за грудки и встряхивая. Тот поглядел на папу ошалелым взглядом, потом посмотрел прямо мне в глаза, его зрачки расширились до предела, глаза закатились и он лишился чувств, так и повиснув на моём отце.

Чуть позже, когда мы с родителями покинули то ужасное место, я вслух пыталась успокоить себя:

– Да он просто наркоман какой-то. Надышался и начал нести всякий бред. Он же не иначе как под веществами по-

верил рассказням зв... Вячеслава...

– Люда, хватит, – не повышая голоса, но хлёстко и почти ошутимо больно сказала мама, развернувшись. До этого я шла позади родителей. Я непонимающе захлопала ресницами и ртом, не зная, что ответить на такое.

– Неужели вы?..

– Дома поговорим, – отрезал отец и сел в подъехавшее такси вместе с матерью. Немного поколебавшись, я запрыгнула следом. Тяжело вздохнув, я отвернулась от взрослых, стараясь сосредоточить всё своё внимание на мутном виде из окна. Нужно было максимально расслабиться, успокоиться и придумать тысячу и одну оправданий, т. к. дома ждал очень серьёзный разговор.

Глава 2. «Зря он это сделал...»

Я так и не поняла в тот вечер после допроса, что от меня хотели услышать родители и что они сами пытались донести до меня. Они говорили какими-то загадками, не заканчивали предложения, видимо, ожидая, что я сделаю это за них. Но мне тогда не было дела до чтения моралей, голова разболелась не на шутку, и слишком часто появляющаяся мигрень начинала порядком волновать. Я почти не помню каких-то конкретных фраз, но конец нашего диалога, боюсь, останется навсегда в моей голове:

«– Ты же должна понимать, что не имеешь права трогать постороннего человека, тем более, за лицо! Это просто противно, Люда! – в очередной раз пыталась достучаться до меня мама. Я устало потёрла виски и проигнорировала то, что она повторяет, наверное, раз в десятый.

– Тебе почти восемнадцать лет. Нужно же как-то уметь сдерживать себя! Мы с мамой разве учили тебя подобному? Разве мы учили тебя насилию или позволяли себе бить тебя?.. – буквально задыхался от возмущения отец. И, скажу честно, зря он решил выразиться именно так. Потому что от его слов в голову полезли непрошенные воспоминания, играющие отнюдь не на пользу ему и матери, что, похоже, они оба осознали спустя секунду. Но я уже успела вспыхнуть.

– Зато вы позволили бить меня другим, – утробно проры-

чала я, смело, почти нагло посмотрев на них свысока. И, к моему удивлению, они не стали отпираться, а лишь уязвлённо вздрогнули и вжались в диван, почти перестав дышать, когда я окинула их жгучим взором и убежала к себе в комнату».

Медленно встав с кровати, я похрустела косточками и зевнула. Кинув взгляд на часы, я поняла, что школу я благополучно проспала, и меня, естественно, никто не разбудил. Закатив глаза и улыбнувшись, я почувствовала, как что-то стягивает мне лицо. Пощупав его, я раскрошила бордовые корочки на пол: щёки и нос оказались в крови, как и моя подушка. Кровь, хвала небесам, текла из носа, а не из ушей. Прямо ура. Судорожно пошарив по кровати руками, я нашла телефон и с неудовольствием заметила, что не поставила его на зарядку. Ладно, после того как я умоюсь и позавтракаю, уже смогу им пользоваться. Сейчас главное – смыть с себя кровавую «маску». Сомневаюсь, что она полезна для кожи.

Ничего не предвещало беды (ещё больше беды, точнее), но и в ванной меня ждал сюрприз.

– Твою дивизию! – шокировано воскликнула я. Из зеркала на меня смотрела не просто измазанная в крови школьница, а ещё и школьница со светящимися зелёными глазами. И тут я поняла, что в ванной я свет не включала, и в ней должно быть темно. Но там было светло, как днём! Метнувшись обратно в комнату, я посмотрела время уже на смартфоне, и, оказалось, было не два часа дня, а два часа ночи!

В комнату на шум прибежали сонные родители и включили свет. От резкой вспышки я зашипела подобно кошке и болезненно сощурилась. Мама с папой невольно попятились назад.

– Так и ослепить можно! – обиженно простонала я. Когда я открыла глаза и продемонстрировала их, мать перекрестилась, выходя, мягко говоря, ошарашенной, в то время как лицо отца то ли неверующе, то ли испуганно скривилось.

– Ну?! Чего вы молчите?! – получилось весьма жалобно, но в тот момент мне было до контроля собственных эмоций. Со мной происходило что-то невероятное, причём, в плохом смысле, а родители застыли как истуканы вместо того, чтобы помочь мне! Сердце готово было пробить грудную клетку, в горле образовалась пустыня, а в голове пронёсся ураган, оставивший за собой бесполезные обломки старых зданий. Ничего, из того, что я когда-либо слышала, читала или видела, не могло помочь мне с моей проблемой. А это вообще было проблемой? Может, это дар свыше, а я, такая глупая, не могу этого понять?

Первой очнулся отец. Он медленно подошёл к моему стулу, снял с него толстовку и повязал её мне на глаза. Я не стала сопротивляться, хотя была в недоумении, но спросила:

– Мне это как-то поможет?

– Пока нет. Садись, – он настойчиво опустил меня на кровать и, судя по звукам, куда-то поспешно ушёл. Через пару минут звуков возни слышались телефонные гудки, благо-

даря которым, видимо, начала соображать и мама.

– Тихон, стой! Не делай глупостей! – она убежала, оставив меня одну в этой начинающей пугать темноте. Цветные пятна будто бы стали складываться в какой-то не ведомый никому узор, заставляя заикнуться лишь на нём. Постепенно мой пульс восстановился, глаза слиплись от усталости, и я уснула.

Разбудила меня ссора родителей. Сначала мне не удалось разобрать ни одного слова, но потом резкие громкие звуки стали складываться во всё ещё не понятные мне фразы и предложения:

– Зря ты это сделал! Если всё, что ты говорил, правда...
– кричала мать.

– Ты сама видела, что это правда! – возмущённо воскликнул в ответ отец.

– Значит, ты самолично согласился сделать из нашей дочери чу!..

– Не смей заканчивать, идиотка! – прорычал отец, после чего раздался оглушительный хлопок входной двери.

Я настороженно прислушалась: вроде всё кончилось. Сняв с головы толстовку, от которой, если четко, уже зудело всё лицо, я осторожно села на кровати, ощупала лицо: остатки крови всё ещё были на нём. Затем я встала и, еле поднимая ни с того ни с сего отёкшие ноги, потащилась в ванную. Смыв, наконец-таки, всё кровавое безобразие, я с почти полноценной улыбкой взгляделась в свои обычные карие

глаза. Почистив зубы, я вприпрыжку пошла на кухню, уже и забыв о недавнем «представлении». Но мне о нём невольно напомнила мама. Она сидела за кухонным столом в фартуке и, подперев голову кулачком, тихо плакала.

– Кто умер? – неудачно попыталась разрядить обстановку я. Мама ничего не ответила, но прижала меня к себе и захныкала теперь на моём плече.

– Всё настолько плохо? – всё ещё не осознавая всей ситуации, я на интуитивном уровне задавала нужные вопросы. Мать оторвалась от меня и хриплым голосом известила:

– К середине мая приедут родственники со стороны твоего отца.

– Только не...

– Тётя Вайнона тоже, – это звучало, как приговор для меня.

Тётя Вайнона была мне никакой не тётей, она была двоюродной сестрой моей бабушки со стороны отца. Родилась она где-то на севере России, и имя ей было вовсе не Вайнона, но, переехав в Швецию, она наказала всем звать её только так. И, признаться, настоящего имени я не знала, да и плевать мне было на него. Самым большим моим желанием было не поступление в престижный вуз, счастливая жизнь и т. п., а возможность не видеть эту старуху больше нигде и никогда. Как же я её ненавидела! Жестокая, грубая, высокомерная – все её «достоинства» можно долго было перечислять. Но именно она посеяла между мной и родителями зерно недоверия,

которое чудом не разрослось в непроходимые заросли. И они тоже не очень-то жаловали её, но, почему тогда отец её пригласил? И это как-то связано с моей проблемой? Собственно, это я и спросила у мамы.

– Да, и, к сожалению, без неё в этом деле никак не обойтись. По крайней мере, это всё, что я знаю, – не щадя глаза, она быстро стёрла слёзы полотенцем и встала, чтобы налить мне успокаивающий чай.

– Но почему в мае? У меня же, как раз, будет идти подготовка к экзаменам! Мне не до этого цирка шапито будет! Они будут мне мешать! – не выдержала и распалилась я. А ведь не мама их позвала, что я на неё-то разоралась?

– Поверь, я негодую не меньше тебя. Но я постараюсь минимизировать твоё общение с ними, – сочувствующе погладив меня по руке, сказала мама. К счастью, она поняла, что моя злоба не была направлена на неё.

– Ладно, и не из таких переделок выбирались, – уже более мирно ответила я и отпила травяного настоя. М-м-м, то что надо...

В школу я пошла только через день, и всё это время не обмолвилась с отцом ни словечком. Я была не то, что рассержена – разгневана! Сколько раз мы говорили на эту тему: никаких гостей, родственников и прочих меньше, чем за месяц до первого экзамена. Но, видимо, ему опять какая-то бабка навешала лапши на уши, мол, не верь, раньше экзамены были очень сложными, а сейчас детей особо не мучают. И

он решил устроить мне адскую жаровню, где вместо чертей будет свора тётъ и дядь.

В школе меня уж слишком приветливо встретили охранник со словами «нечего им наших детей ни в чём обвинять», директор с фразой «больше не шалить» и Вера с самым действенным лекарством от душевной боли – объятьями. Она не стала сразу накидываться на меня с расспросами, но к четвёртому уроку я сжалилась и разрешила ей спросить у меня всё, что она захочет. Коротко и скучающе ответив на вопросы, вроде «было ли тебе страшно» и «долго ли тебя допрашивали», я поведала подруге не тайну, но довольно интересную информацию:

– Страшно стало, когда следователь внезапно сошёл с ума и начал требовать от меня что-то. Я так и не поняла, что он имел в виду.

– А следователя звали Игорь Витальевич?

– Да-а... – я нахмурилась. Откуда она знает.

– А ты в курсе, что, пока тебя не было, по школе ходили слухи о том, что этот следователь является каким-то родственником Вячеславу, м? – Вера поиграла бровями и победно усмехнулась, увидев мой шок.

– Его, конечно, итак отстранили, но... это всё в корне меняет дело, – если честно, я не знала, радоваться мне или нет. Конечно, стоило немедленно сообщить об этом матери, даже если это просто слух, но мне не дал этого сделать звонок на урок. Так я и забыла об этом до самого вечера.

На полученную информацию о следователе мама почти никак не отреагировала и сказала не заикливаться на этом, а подумать о насущных проблемах. Конечно же, она имела в виду подготовку к ЕГЭ, но в моей голове возникла картинка собственного окровавленного лица с зелёными горящими глазами. Этот жуткий образ долго меня не отпускал, но я всё не решалась поговорить насчёт этого с родителями. На отца я злилась, а мать ходила с такой отрешённостью на лице, что мне казалось, будто она не сможет услышать меня, не то, что помочь узнать, что же это было. Правда, странного поведение родителей натолкнуло меня на мысль, что они в курсе причины тех странностей, что произошли со мной (глаза, странное отравление Вячеслава, свою причастность к которому я потихоньку стала признавать). Однако почему они тогда ничего не сообщили? Если кто-либо когда-либо поймёт эту извечную родительскую логику «меньше дитя знает, крепче спят взрослые», я буду готова заплатить этому человеку за ответ на свой вопрос.

Прошла почти неделя с тех пор, как меня обвинили в отравлении Вячеслава, и сегодня настал тот самый день, когда я добровольно сунусь в драконье логово – в нашу студию вокала. Если честно, я примерно подозревала, что меня ждёт, но мне всё же было любопытно, насколько далеко может зайти Елена Эдуардовна, мстя за свою звёздочку. И ещё мне очень хотелось поговорить с Василисой и, наверное, извиниться перед ней. Её ведь могли обвинить вместе со мной,

но, в отличие от меня, Василисе ещё жить с Вячеславом и его, я уверена, не менее отвратительной семейкой.

Вера шла рядом со мной и подбадривала своей улыбкой, то и дело, пытаясь увести тему разговора от предстоящего хаоса.

– А помнишь, как мы в первый раз пришли на вокал? Тогда ещё Роза Владимировна сказала, что нам «с такой дисциплиной только в цирк идти»? – смеясь, говорила Вера.

– Вот только мы оказались самыми тихими и старательными в её первой группе. Первый блин комом, как говорится, – усмехнулась я.

– Даже не могу представить, что тебе сказала та девчонка... Её Никой звали, да? Так вот, что она тебе такого сказала, что ты так разозлилась и закричала на неё?

– Я и не помню, что она мне сказала, по правде говоря, – искренне ответила я. – Единственное, что я запомнила, так это то, что ты, несмотря ни на что встала на мою сторону. Не каждый способен пожертвовать своей репутацией ради друга, – я вдохнула полной грудью холодный вечерний воздух и от удовольствия прикрыла глаза. Это воспоминание всегда вызывало во мне трепет и чувство того, что я в этом мире не одинока. Что бы ни случилось.

– Да какая там репутация? Мы ж были детьми, – засмушалась Вера и преувеличенно небрежно махнула рукой.

– Ты не стала выяснять, кто прав, кто виноват, и сразу встала на мою защиту. Если бы я, в итоге, оказалась в этой

ситуации злой стороной, то это бы закрепилось и за тобой, причём на долгие годы. «Береги честь смолоду», – пояснила я. Вера посерьёзнула и кивнула, впадая в задумчивость.

Галька и песок хрустели под ногами: сегодня мы решили сократить дорогу и пройти частично лесом, частично дворами. В лесу сегодня было как никогда тихо, лишь только одна ворона села прямо перед нами на ветку осины и несколько раз громко каркнула на вслед, когда мы прошли мимо.

– Чур меня! – Вера плюнула через левое плечо три раза и угрожающе покачала кулаком в сторону вороны. Умное животное наклонило голову набок и моргнуло чёрными глазами, мол, что она ему сделает, хиленькая девочка внизу.

– Не обращай внимания. Птица просто обозначает свою территорию, – зная любовь Веры к всякого рода приметам, я поспешила отвлечь её.

– Ага, да проклиняет нас, – сердито буркнула под нос подруга, продолжая вместе со мной путь, но периодически оборачиваясь на ворону, пока та не пропала из виду.

– Или предупреждает, – тихо выдохнула себе под нос уже я и тут же удивилась собственным словам. Возможно, за долгие годы общения Вера приучила и меня верить в знаки судьбы, и путём логических размышлений я пришла к выводу, что это не так уж и плохо, когда природа даёт нам подсказки, и не надо её за это ругать или пытаться «отплеваться» от рока. Иногда нужно банально подготовиться к невзгодам и пережить их с меньшими потерями, чем всю жизнь бежать

от одной и той же проблемы.

Ох, как же эти слова сейчас точно описывали мои намерения. Я же могла ещё, как минимум, неделю не посещать вокал под предлогом того, что мне «нездоровится», но я решила покончить со всем прямо сейчас.

В помещении воцарилась поистине гробовая тишина, когда мы с Верой зашли. Нисколько не поразили взгляды одноклассников: им было просто любопытно, с каким скандалом меня будут гнать отсюда, им не было дела до самочувствия Вячеслава. Было ли это признаком жестокости и бессердечности – кто знает? Может, самый жестокий человек – это тот, кто сочувствует злодею, и позволяет ему оставаться на свободе и продолжать вредить окружающим.

– Ты зря посмела явиться сюда. Можно было бы и догадаться, что тебя здесь не ждут после случившегося. Хотя постой, – Елена Эдуардовна сделала вид, что задумалась. – Не ждут и не ждали никогда, – её злорадное выражение лица просто шокировало меня. Где крики? Где злость за своего любимого солиста?

– Вы оказались ещё хуже, чем я думала, – не скрывая удивления, сказала я. – Вы настолько сильно ненавидите меня, что радость от моего ухода пересилила любовь к звёздочке?

– Не тебе рассуждать об этом, чертовка! – вскипела женщина. Похоже, я задела её за живое. На её морщинистом лице с автозагаром заходили желваки. Но через несколько

секунд к ней пришло некое озарение. Что ж, послушаем. – А ты, Верочка, проходи... – елеино улыбнулась Елена Эдуардовна. Что? Она не собирается выгонять Веру вместе со мной? – ... если, конечно, сейчас прилюдно скажешь, что наш вокал тебе дороже дружбы с этой... с этой ведьмой!

Я неврастенически расхохоталась, отчего даже стыдно стало. Хотелось поскорее услышать ответ Веры и, в то же время, зациклить этот момент навсегда, чтобы остаться в том времени, где Вера всё ещё оставалась моей подругой, а надежда теплилась у меня в груди. Вера сильно нахмурилась и открыла передо мной дверь из зала. Я горько хмыкнула, но вышла, и хотела было умчаться со всех ног подальше от этого проклятого места, как меня остановил голос Елены Эдуардовны.

– Вера, ты куда? – несколько визгливо воскликнула та.

– С психами заведомо предпочитаю не общаться, – отозвалась Вера и, показательно отвернувшись, хлопнула дверью.

– Я думала, ты...

– Меньше думай, больше делай, – с лёгким раздражением в голосе не дала мне договорить Вера и, схватив меня за руку, повела на улицу. – Ой, только не говори, что засомневалась во мне хоть на секунду! – по дороге домой вспыхнула Вера.

– Со мной в последнее время столько всего происходит, что и не в такое можно уверовать, – виновато усмехнулась я.

– Мы с тобой через столько всего прошли, и после всего этого ты готова поверить, что я могу предать тебя?! – продолжала возмущаться Вера, а мне на душе от её ворчания становилось всё теплее и теплее.

В нашем веке очень тяжело найти действительно настоящих друзей, которых будет интересовать общение с тобой, а не общие пьянки да гулянки или личная выгода.

Как бы я ни ненавидела одиннадцатый класс за ЕГЭ и подготовку к Выпускному, его рутина на какое-то время смогла спасти меня от иных переживаний. Меня, конечно, пару раз ещё вызывали в полицию, но дело очень скоро закрыли, ведь не нашли доказательств моей виновности. Что насчёт вокала, то мы с Верой довольно быстро переключились на учёбу и о нём почти не вспоминали, хотя неприятный осадок остался. Всё-таки восемь лет туда ходили. А что же случилось с моими глазами, я так и не выяснила. Сначала не хотела или не могла разговаривать на эту тему с родителями, потом решила забыть о том случае раз и навсегда. В конце концов, если бы это была какая-то болезнь (правда, интернет выдавал исключительно сайты о магии и спиритизме на мои запросы о «светящихся глазах»), то симптомы должны были хотя бы раз повториться. Но, нет. Единственное, что можно было ещё приписать недугу – повышенная раздражительность, но, дело в том, что я всегда была немного вспыльчивой, и приближающееся ЕГЭ никак не помогало мне успокоиться.

К слову, взрослых, похоже, вполне устраивало то, что я ни одного вопроса по поводу своих глаз им не задала.

В целом, всё было неплохо. Так прошло две с лишним недели и... хорошая жизнь кончилась. Легко догадаться, но ко мне приехали мои «любимые» родственники. Сегодня было четырнадцатое мая, т. е. одиннадцать дней до моего первого экзамена, не считая день его проведения. Если честно, хотелось при встрече прямо в лицо им высказать, как они «вовремя» решили посетить нас. И каждый раз, когда отец поворачивался спиной, появлялось искушение: «пнуть или не пнуть?»

И вот, мы стоим на вокзале (ненавижу вокзалы) с картонкой, на которой написаны имена наших гостей, и с натянутыми до ушей улыбками ждём их. Уже пятьдесят минут. И это при том, что мы сильно опоздали. Думаю, от моей улыбки остался разве что звериный оскал.

– Может, они не приедут? – с надеждой тоненьким невинным голосочком поинтересовалась я.

– Если они не приедут, нам всем будет очень плохо, – низким, крайне напряжённым, баритоном ответил отец, даже не посмотрев в мою сторону и продолжая буравить взглядом рельсы. Я закатила глаза: кому ещё плохо будет? Вайноне из-за того, что не смогла лишний раз меня смешать с грязью? Пусть не волнуется, у меня в школе есть люди, которые способны сделать это с ещё большим энтузиазмом, чем она!

Суестьящиеся и вечно куда-то опаздывающие люди никак

не спасали моё неудовлетворительное положение. Меня так и норовили толкнуть, задеть, зацепить замком от сумки – хотелось взвыть.

– Так! Если не сейчас, то никогда! – терпения мне, как всегда, не хватало. И, словно услышав мои слова, прозвучало несколько гудков, и нужный поезд остановился перед нами. Через несколько минут из него повалила целая толпа людей. Эта дымящая громадная красная махина сейчас у меня ассоциировалась с адом, иначе, как объяснить, что именно из неё вышли мои демоны-мучители? И, вскоре заметив нас, эти черти зашагали в нашу сторону. Среди них была моя бабушка Всевида.

– Моё ты золотце, как подросла! – она, естественно, поспешила расцеловать меня в обе щёки. Вот почему поцелуи одних людей были приятны, а других казались просто лишними слюнями, которые они захотели вытереть об тебя? Да, к этой женщине я не чувствовала того же, что и к своей бабушке со стороны матери. Всевида для меня была просто сестрой злой тётки Вайноны. Она была одета по своему обыкновению: в зелёную юбку и какие-то серые тряпки, а ещё голубой чепчик на голове. Вайнона, в отличие от неё, была в готическом тёмно-зелёном платье с рюшками и широкополой шляпе чёрного цвета. Только чучела ворона не хватало, честное слово. Больше всех нарядом отличился дядя Меземир. Он был одет по-обычному. Длинное серое пальто, чёрные гладко выглаженные брюки, будто он не трясся в поезд-

ке несколько дней, жилет и серая водолазка. Кстати, дядей он мне тоже вовсе не был, отцу он приходился то ли троюродным, то ли четвеюродным братом. В какой-то степени, он даже немного импонировал мне. Если Вайнона обычно смотрела на меня свысока, а Всевида с желанием поболтать, то он – с равнодушием. Однако именно сегодня мне было суждено изменить своё мнение: все трое смотрели на меня с интересом, кто с открытым, кто с тщательно скрываемым. Уж не ради моих светящихся глаз они приехали?.. Да нет! Бред...

Молчание затянулось, и мама легонько пихнула меня в бок.

– Добрый день. Рады вас всех видеть, – совершенно безразлично сказала я и указала в сторону лавочек. – Сейчас мы закажем минивен, и нас с комфортом отвезут на дачу.

Конечно же, дома у нас не было мест для ещё трёх человек, поэтому было решено поселиться всем временно на даче, что тоже никак не облегчало мне подготовку к экзаменам! Ехать до школы было недалеко от нашего посёлка, но шумные соседи, плохой интернет и необходимость перевозки кучи учебников губили моё и так не стабильное психологическое состояние.

Вдох-выдох.

– Ты так и не научила девочку манерам, Ульяна, – скрипучим голосом медленно отчеканила Вайнона.

– Она просто сильно устала. Усердно готовится к экзаме-

нам, старается, – почти на автомате отвечала мама. Меня же передёрнуло от одного только звука голоса тётки. Появилось непреодолимое желание убежать, но меня уже крепко схватил за плечо отец и тащил в сторону стоянки, попутно вызывая такси.

– А, по-моему, это хорошо, когда у девочки есть характер, – тягуче отозвался Меземир, который единственный из всей нашей родни не боялся спорить с Вайноной. Правда, я знала об этом только по рассказам отца, поэтому кинула удивлённый взор на дядю. Тот неожиданно подмигнул мне. Не зная, как реагировать на это, я отвернулась и решила забыть о столь коротком проблеске человечности сред моих родственников.

– Характера я пока не вижу, но из неё ещё можно сделать выдающуюся личность, – продолжила вести этот странный диалог Вайнона. Я не понимаю, им что? Плевать, что я всё слышу? И что за ерунду они несут?

Мама, также услышав слова тётки, скривилась в отвращении. Ей тоже было не по душе оттого, что обо мне говорят, как о какой-то вещи, да ещё и в моём присутствии. По дороге на дачу я благополучно задремала на плече матери, видимо, мой организм был солидарен со мной и не собирался бодрствовать рядом с родственниками дольше необходимого минимума.

Было поздно, и меня разбудили только для того, чтобы я вышла из машины и дошла до кровати. Моя руки в ванной,

я услышала Вайнону, разговаривающую моим отцом. И весь сон мгновенно сошёл с меня:

– Она уже начала впадать в перерождение. Завтра она уснёт на целые сутки и проснётся только тогда, когда начнётся лунное затмение.

– Это никак не навредит ей? – обида на папу стала меньше, стоило услышать волнение в его голосе. Отогнав сантименты, я постаралась запомнить каждое словечко.

– Идиот! – кому-то, видимо, прилетел подзатыльник. – Ты должен гордиться тем, что на твою семью выпала такая честь!

– Наши ряды сильно поредели за последние полтора столетия. Интересно, с чем это связано, – оказалось, что с ними был Меземир.

– Главное, что они всё ещё пополняются! И чтобы сохранить наши силу и статус, мы должны провести окончательный ритуал как можно раньше! – либо я схожу с ума, либо я всё ещё сплю. Кто-то вообще использует слово «ритуал» в современной жизни, кроме сатанистов? Только не говорите, что мои родственники – сектанты! Это многое бы объяснило, но лучше пусть они останутся просто приезжими психами!

– Как можно раньше – это когда? – чуть ли не пропищал мой отец. Даже жалко его стало.

– Через месяц после затмения, – ответила Вайнона.

– Люда вряд ли сможет так рано... Она же ещё ребёнок! –

взмолился отец. Что?! Так, они обо мне говорят?! И как до меня сразу не дошло? Я же в машине уснула... И я не подписывалась ни на какой ритуал! Нетушки! Увольте! Завтра же я сбегу к Вере и, надеюсь, её родители будут не против, чтобы я погостила у них несколько дней.

К сожалению, я не стала дослушивать весь их разговор и, будучи сильно уставшей и еле соображающей, ушла спать. Перед тем, как уснуть, я всё думала, когда же будет это лунное затмение. Но до меня так и не дошло, что можно было в интернете посмотреть лунный календарь и даже время восхода луны.

Глава 3. «Побег»

Я хотела сбежать к Вере, с которой уже успела списаться и договориться, ещё утром, но мне не дала этого сделать Вайнона. И произошло это в весьма не благоприятных условиях. Мы оказались вдвоём в тёмном коридоре, когда как кто-то забрал ключи из тумбочки. С одной стороны был тупик, с другой – тётя, бежать было некуда. И, казалось бы, пора бы отпустить детские страхи и понять, что Вайнона ничего сможет мне сделать, ведь я сильнее и шустрее этой костлявой старухи. Но детские травмы, к несчастью, навсегда остаются в человеческом сознании. Как бы глупо это ни звучало, но хулиган, издевавшийся над кем-либо в детстве, будет вызывать больше страха, чем реальный маньяк, даже спустя годы. И редко кому удаётся побороть этот страх без учёта того, что мало кто пытается это сделать. Я же, в свою очередь, боялась затронуть болезненные воспоминания, опасаясь повторения испытанного мной ужаса, из-за чего невольно позволила им вечной тенью нависать над всеми моими действиями.

Было жарко, но руки и колени стали холодными, словно я десять минут держала их в холодильнике. С прямой спиной я была выше Вайноны, но сейчас я скрючилась настолько, что стала почти того же роста, какого была, когда... когда эта женщина стала не только моим главным врагом и личным кошмаром, но и точкой невозврата – тех самых глубоко до-

верительных отношений с родителями больше не будет. То событие стало ярким белым рубцом на загорелой коже.

– Я хотела бы посмотреть твои отметки в школе, – вдруг выдала Вайнона. Зловещая тень скрывала часть её лица, от-крывая вид лишь на блестящий чёрный глаз.

– А я погулять собиралась, – каким-то детским дрожащим голосом ответила я.

– А я тебя не отпускала, – тюремщица нашлась. И тон под-стать. Ей хочется казаться королевой, но получается только надзирателем в тюрьме. Она протянула руку, дабы я взялась за неё. Ох, как же я это ненавижу! Мои руки были холодны-ми, её же – ледяными, как у мертвеца. А кожа была отврати-тельно мягкая, как куриное мясо. Я будто маленькая дуроч-ка шла с ней под ручку до кухни, чтобы показать свои оценки в электронном дневнике. Открыв его, я набралась смелости и сделала попытку отступления:

– Послушайте. Мы с вами обе взрослые люди и... вооб-ще, это странно. Вы мне не мать. Виделись мы с вами о си-лы раз десять. Вы не имеете никакого права от меня что-то требовать, – на одном дыхании сказала я. Отдышавшись, я взглянула на тётку: её это никак не тронуло. Возможно, даже разозлило. Чёрт.

– Оценки! – резко крикнула она. Я подскочила на стуле и как дрессированная обезьянка вручила её телефон, показав, где нужная информация. Далее Вайнона со свирепым недо-вольством пролистала мои отметки за триместры и с гром-

ким хлопком отбросила мой смартфон на стеклянный стол. Он треснул, а на дисплее спектром осветилась царапина от когтя тётки.

– Ты не очень-то любишь стараться, верно? – едко прошипела Вайнона, привстала и максимально приблизила своё лицо к моему. Да чтоб меня! Неужели никто в доме не слышит того, что творится на кухне?! Придите и спасите меня, кто-нибудь! Я закрыла глаза, не выдержав пытки от её холодного дыхания на моём лбу. – На меня смотри!

Кап-кап.

Она залепила мне настолько сильную пощёчину, что зацепила тонкую кожу лица ногтем. Царапину через всю щёку защипало, а подбородок обожгло каплями крови, которые вскоре красовались на белой плитке пола. Я снова закрыла глаза.

Вдох-выдох.

– Я сказала, на меня смотри! – он снова замахнулась, но я успела перехватить руку и вывернуть её в другую сторону. Не сломала, но причинила боль. Так мы и застыли в странной позе, и очнулась я только после раздавшихся в проёме кухни хлопков в ладоши.

– Bravo, тётушка. Методы, как всегда, поражают, – я недоумённо посмотрела на скептически настроенного Меземира и перевела взгляд на Вайнону. Та победно, нет, торжествующе ухмылялась!

Почувствовав мою растерянность, Вайнона потянулась ко

мне другой рукой, но тут меня обуяла такая злость: они что, эксперименты надо мной ставят?! Я перехватила и вторую руку, но тётя в ответ заскребла своими когтями по моим запястьям, что оказалось очень болезненным. Я хотела оттолкнуть её, но та вцепилась в меня мёртвой хваткой, и тогда мне пришлось ударить со всей силой. Признаться, я не знала, что у меня столько силы. Вайнона отлетела в стену и ударилась головой о кухонный шкафчик. Сотрясения не избежать. Ме-земир не спешил ей помогать, но и мне препятствовать не стал. Он кивнул в сторону выхода, но т. к. тот был закрыт, я вернулась к себе в комнату и выпрыгнула через окно. Благо, оно было на первом этаже и без решёток.

Ощущала себя я не иначе как героем фильма ужасов: была лишь одна цель – убежать от монстра как можно дальше! А куда убежать и как потом оттуда выбираться – это дело второстепенное. Ох, и зря я тогда дала волю эмоциям. Потому что мои шальные ноги завели меня в лес. Сначала я бежала по бетонированной дороге, потом по каменистой тропинке, вдоль которой росли земляника и осины. Местность была знакомая и много раз обхоженная вдоль и поперёк мной и соседскими детьми. Но мне этого оказалось мало, и на одно адреналине, почти что без воздуха в лёгких, я забрела в чащу, в которой не было ни указателей, ни какой-нибудь тропки. О том, что клёны, дубы и берёзы вокруг были идентичными, и думать не хотелось. Что меня в конец добило, так это отсутствие следов человеческой цивилизации, проще го-

вора, мусора в траве и меток лыжников на стволах. Я даже не представляла себе, что наш лес настолько глубокий. И раз здесь не бывает людей, то диким зверям бояться нечего. Значит, мне не только стоит прислушиваться и вести себя как можно тише, но и хорошенько смотреть под ноги, дабы не напороться на гадюку. Правда, эта проблема быстро решилась: я просто-напросто решила не двигаться. Всех же в детстве учили, если заблудился – стой на месте, и тебя найдут. М-да. Знали бы, где искать. А после того, что я учудила – хоть бы не грохнула тётку – меня не скоро хватятся.

В общем, для начала я решила успокоиться и восстановить дыхание, а то своими вздохами и хрипами весь лес всполошу. Когда кислород, наконец, поступил не только в лёгкие, но и в мозг, что немаловажно, я додумалась осмотреться лучше. В отличие от части леса, в которой я привыкла гулять, здесь преобладали дубы и клёны. А ещё была дикая малина. Я потянулась к заветной ягоде, но та рассыпалась прямо у меня руке. Зашибись. Остальную малину я и трогать не стала. От греха подальше, так сказать. Было бы разумным воспользоваться телефоном и дозвониться до родителей или до какой-нибудь спасательной службы, но связь, как назло, не работала здесь.

Сырые листья шуршали и хлюпали под ногами, но я очень быстро привыкла к этому звуку и перестала его замечать (а также поверила, что звери вокруг сделали то же самое). Я медленно двинулась в туда, где, как мне казалось, осины

и клёны росли чаще. Насекомые, ощутив моё тепло и пот, стали слетаться в мою сторону, из-за чего я несколько раз нечаянно вскрикнула. Зажав ладонями рот, я огляделась. Ни птиц, ни зверей, ни шелеста. Либо я их напугала, либо здесь царствовали мошки и комары. Но была вероятность, что, как и насекомые, звери и птицы скоро вылезут из домиков и тоже решать полакомиться мной... Нет! Не надо об этом думать! Животные чувствуют страх!.. Ох, от этого только страшнее стало...

Я всё шла и шла, но пейзаж вокруг не менялся. В какой-то момент мне показалось, что я хожу кругами, однако я ни разу не сворачивала. Или я настолько не соображаю, что не могу идентифицировать свои действия?.. В кармане завибрировал мобильник, пришло сообщение из мессенджера. Ура! Связь появилась. Выходит, я иду в правильном направлении. Наверное, мне Вера написала, чтобы спросить примерное время моего прибытия. Я достала смартфон, ввела пароль и открыла уведомления.

«Обернись» – короткая надпись и отсутствие контакта или номера над сообщением.

Сердце пропустило удар, я сглотнула и начала свой новый забег с прыжка вперёд, т. к. мне почудилось, что кто-то (или что-то) протянул ко мне руку. Сил сдерживаться не осталось никаких, я громко и прерывисто задышала и, почти не видя ничего перед помутневшими глазами, так и норовила врезаться в дерево или куст. Сзади послышался тяжёлый топот

то ли копыт, то ли сапог, что значительно ускорило мой бег и понизило аккуратность. Окончательно расцарапав себе все ладони и щёки, я вдруг вспомнила о том, что я, вообще-то, чувствую боль, и утробно взвыла, зажмурившись, из-за чего я и зацепилась боком за очередной дуб и повалилась на землю лицом вниз. Вовремя успев поставить руки перед собой, я перекатилась на спину и судорожно взгляделась вдаль, где должен был находиться мой преследователь. Мир пошёл кругом, деревья, небо и земля слились в мутную воронку, на которой проступали жёлтые булькающие пятна, похожие то на кипящее масло, то на чьи-то глаза. В ушах загудело, будто я сунула голову в тубу, и зазвенело от слишком громкого звука. Отовсюду раздавался противный скрежет, как от пилы и наждачной бумаги, и временами он представлялся мне чьим-то издевательским хохотом. К сожалению, я так и не провалилась в спасительное забытие. Из меня продолжали тянуть все соки и сводить с ума, к чему я постепенно привыкла, надеясь лишь на то, что скоро всё закончится, а вместе с душой тело покинут и страдания.

– Ах ты, бес треклятый! – послышался из-за спины чей-то боевой клич, а за ним – выстрел. И ещё два. Я закрыла глаза, открыла: мир медленно возвращался в нормальное состояние. Закинув голову назад, я увидела камуфляжные штаны и куртку, а также козырёк кепки и кудрявую белую бороду. Это был Кузьма Иванович, на соседней улице нашего села, работал лесником. В целом, добрый дядька, но предпочитал тишину

и одиночество, отчего часто припугивал местных детишек, чтобы не играли около его дома.

Кузьма Иваныч сделал ещё пару выстрелов «на всякий случай» и убрал ружьё за спину. Шмыгнув носом, он склонился надо мной, пощёлкал пальцами перед моими глазами и спросил:

– Жива-то?

– Жива, – сипло выдавила я, боясь пошевелиться. От бега или от «пыткок» тело невыносимо ломило. В какой-то степени я жалела, что меня не добились, хотя желание жить, как никогда, забило во мне ключом. Липкий пот капал с меня ручьём, и я с наслаждением плюхнулась обратно во всё ещё прохладную грязь. – Вы же выведете меня?

– Ага, прямиком в дурку. Кто ж так от волков-то убегает? – он подошёл к пробитой тушке животного, лежавшей в нескольких метрах от меня. – Старый, дряблый, больной – вон весь в лишае! Как он только в погоне за тобой лапы не откинул, хм? – вслух рассуждал лесник, периодически хмыкая самому себе. Убедившись, что животное мертво, он позвал меня к себе. – Иди, убедись, что опасность миновала, а то так и будешь бояться. И каким-таким ветром тебя только в чащу занесло?

– Пробежку делала, – соврала я. – Задумалась и не заметила, как забрела слишком далеко, – я опасливо окинула взором волка. Что-то мне не верилось, что это обычный зверь. Он реально был весь покрыт листьями, лишаём и мхом. Как

будто специально вымазался в этом. – Не знала, что здесь водятся волки.

– Не водятся там, где люди гуляют. Здесь их тоже редко встретишь, этот заблудший, – Кузьма Иваныч почесал бороду и задумчиво возвёл очи к небу.

Выверяя каждый шаг, я подошла к тушке и легонько тронула ту мыском ботинка за лапу, зажмурилась. Ничего не произошло, мертвец не восстал. Я тронула его сильнее, потом даже осмелилась надавить на раненый живот, и глаза волка распахнулись.

– А! – вскрикнула я и отскочила. Но лесник продолжал стоять на месте, что остановило меня. – Что это?

– А ты в него с какой целью тыкала? Вот и получай! – хохотнул Кузьма Иваныч. Похоже, он не замечал того же, что и я. Иначе как объяснить то, что он так спокойно реагировал на рептильи глаза на месте волчьих?!

Лесник поправил ружьё за спиной и отошёл от волка, после чего рептильи глаза «упали» вниз, тем самым, уставившись прямо на меня. Я не стала говорить Кузьме Иванычу об этом. Появилось ощущение, что, чем больше я обращаю внимание лесника на странности с волком, тем больше я подвергаю нас опасности. Так я пошла под руку с Кузьмой Иванычем, часто оборачиваясь на, не факт, но мёртвую тушу, пока рептильи глаза продолжали провожать меня, глядя прямо мне в душу.

Кузьма Иваныч знал лес как свои пять пальцев и сумел

вывести нас к просёлочной дороге за полчаса. Прощаясь с ним, я кинула несколько напряжённых взглядов на лес и буквально взмолилась:

– Вы тоже не ходите там больше, ладно? – было видно, что я и вправду переживаю. Лесник озадаченно пожевал губы.

– Да я там и не хожу, надо оно мне! Я твои вопли услышал, вот и прибежал, – оправдывался он, но впоследствии кивнул, давая слово, что больше туда не пойдёт. – Ты точно домой не хочешь?

– Нет, мне на автобус надо. Я к подруге опаздываю, – крикнула я, заходя в салон общественного транспорта, и, махнув на прощание рукой, оплатила проезд. Водитель не обратил на меня никакого внимания, зато сидевшие внутри бабульки чуть не съели меня. А я только через десять минут езды поняла, что вся измазана в земле, а где-то даже прилипли листья. Но делать было нечего – назад дороги нет, я уже проехала половину пути, да и возвращаться домой не хотелось. Хорошо, что вещи не потеряла: специально ведь всегда застёгиваю карманы на молнию!

Сердечно извинившись перед пока ни о чём не подозревающим водителем за испачканные сиденья, я выпрыгнула из автобуса и побежала к многоэтажке, в которой находилась наша квартира. Помывшись и переодевшись, я взяла портфель с учебниками, запихнула в него школьную форму (отец Веры обещал отвезти нас завтра в школу) и запасную зарядку для телефона и помчалась к заждавшейся меня Вере. Она,

естественно, удивилась и сырым волосам, и моему весьма побитому виду, но не стала сразу лезть в душу. Напоив меня чаем, Вера спросила, как прошёл приезд родственников, зная, что у меня с ними о-очень натянутые отношения.

Я не стала ничего от неё скрывать, в том числе, и свои впечатления насчёт чересчур странного поведения тётки, дяди и бабушки. Однако, когда пришёл черёд рассказать о необычном, точнее, бредовом разговоре, я запнулась и надолго замолчала.

«Сейчас она скажет, что я перегрелась, мы вместе посмеёмся, и я со спокойной душой вернусь домой, где меня окончательно угробят!» – думала я, стеснённо поглядывая на недоумевающую подругу.

– Так, о чём говорили твои отец, тётя и дядя? – я медленно вздохнула и с закрытыми глазами предала тот диалог почти в точности. Когда я открыла глаза, подруга сидела с таким лицом, будто она прямо сейчас сорвётся с места прямо на поле боя.

– О, Господи! Они же сектанты! Или эти... как их?.. Вот, сатанисты! – ошарашенно восклицала она.

– Да-да, у меня такие же мысли были, – я съёжилась и криво усмехнулась. На самом же деле я перестала считать тот разговор моих родственников совсем уж ненормальным, наверное, после того, как словила галлюцинации в лесу. И мне непременно захотелось донести это до подруги. Мол, раз уж она начала слушать и всё ещё меня не прогнала, значит,

и эту информацию воспримет адекватно. Да и простое желание «выговориться» никто не отменял.

И Вера снова не оттолкнула меня, назвав сумасшедшей, а выдвинула очень даже правдоподобную теорию:

– Если твои родственники правда помешанные сектанты, то ничто не мешает им подмешивать тебе в еду какие-то «целебные травы или отвары»? О, Боже! Люда! Тебя срочно нужно к врачу! – она несдержанно всплеснула руками и ринулась к телефону на письменном столе. Я вовремя успела перехватить её руку со словами: «Если моих родителей заберёт полиция, что точно случится, то что будет со мной?»

– Ты хочешь сначала доказать, что твои родители ни при чём и являются лишь жертвами ситуации, прежде чем заявить в полицию на тётку и дядю? – догадалась Вера. Вид у неё, честно сказать, тоже стал весьма усталым. Она переживала за меня, из-за чего сильно потела и накручивала волосы на пальцы, путая их.

«Ох, хоть бы они действительно оказались жертвами», – с горечью подумала я.

Вскоре мы решили отложить беседу о моих родственниках на потом, но мрачный отголосок всё ещё продолжал звучать в наших головах и беспокоить своим незримым присутствием. Мы говорили менее экспрессивно и быстро, чем обычно, пока Вера помогала мне обрабатывать йодом и гелем ушибы и царапины и настойчиво пыталась заставить меня выпить активированный уголь. Далее она помогла мне с

домашкой по физике, а я ей – с литературой. Мне всегда не давались точные науки, в то время как Вера люто ненавидела сочинения и уж тем более литературные анализы.

Около восьми часов вечера мы разложили диван и начали смотреть любимый фильм, будучи ещё достаточно бодрыми. Но к девяти меня стало клонить в сон, да так, что при попытке держать глаза открытыми всё вокруг ходило ходуном и расплывалось. И примерно полдесятого я, невнятно извинившись перед Верой, которая часто ложилась спать поздно, погрузилась в беспокойный сон.

Глава 4. «Ведьма»

Изначально я была очень активным ребёнком. Нет, я не баловалась (по крайней мере, больше, чем другие дети), не выводила родителей из себя капризами и нежеланием засыпать до двух часов ночи. Я просто любила подолгу играть с другими детьми и гулять, причём не в коляске, а на своих двоих. Дома я тоже никогда не сидела на месте, предпочитая смотреть по телевизору детские танцевальные передачи и повторять движения за их ведущими. Родители были рады тому, что я не была зависимой от игрушек и гаджетов, в отличие от многих моих сверстников, мамы и папы которых просто отгораживались от своих чад, давая им телефоны.

Но, как и все малыши – нет, люди – я могла «заиграться» и «забыться». И мне повезло сделать это именно во время очередного приезда тётки Вайноны. Я носилась по дому, перепрыгивая препятствия в виде чужих тапок и ног и радостно хохоча. В руке я держала любимую куклу – фею в сиреновой бальной пачке и с блестящими фиолетовыми крылышками. Она, словно верная подруга, «летела» рядом со мной, а воображение ярко описывало наш с ней диалог и шутовское колдовство. Тогда мне казалось, что не только магия моей феечки, но и весь мир светится. Веселье кончилось, когда я забежала в зал, где на диване чинно попивала чай Вайнона. При моём появлении она лишь кинула на меня брезгливый

взгляд и далее сделала вид, что меня не существует. Будучи внимательным и требующим постоянного внимания ребёнком, я была недовольна таким раскладом. Я разбежалась и хотела было совершить мастерский, как я думала, прыжок, но рассчитала расстояние неправильно и чуть было не свалилась прямо на стопы тётки, та вовремя вскинула ноги и пнула меня в живот. Темнота и цветные точки заплясали перед моими глазами, воздух резко вышел из лёгких, и я с хрипом постаралась вернуть его обратно. Голова загудела от удара. И всё, вроде бы, должно было кончиться весьма благополучно: руки, ноги на месте, ничего не сломано, одни ушибы и испуг. Однако Вайнона решила, что я недостаточно заплатила за свою дерзость. Когтистая лапа – тогда я не могла назвать её ладонь с угрожающе острым маникюром никак по-другому – схватила меня за волосы, впутываясь пальцами в них так, что при всём желании не отдерёшь. Я повисла на её руке, как тряпичная кукла или, скорее, скулящий щенок, слабо пытаюсь отодвинуть от себя её мертвецки холодные пальцы. А вскоре пришло осознание: мама, хоть и была выше Вайноны, если та не надевала свои уродливые каблукки, уже давно отказывалась брать меня на руки, ссылаясь на то, что я стала тяжёлой. Когда как тётка схватила меня одной рукой без особых усилий, и даже не покачнувшись. Я замерла на минуту, за время которой что-то грубо кричащая Вайнона успела выволочь меня из зала, но, услышав чьи-то шаги, вспомнила, что в доме находятся мои родители, и заве-

рещала во всё горло: «Мама! Папа!» Раздавшиеся со второго этажа голоса окрылили меня, и я начала яростно сопротивляться, но тётка тут же прекратила мои жалкие попытки спастись, сжав мои запястья почти до хруста. Или не «почти», таких подробностей хотелось не вспоминать никогда...

Чуть позже я оказалась в подвале, признаться, до того момента я и не знала, что он у нас на даче был. Там было множество банок с вареньем, но пахло, почему-то, тухлятиной и гнилым мясом. Стоило тётке спуститься по крошащейся каменной лестнице и выпустить, наконец, мои волосы, я ломанулась к светлому прямоугольнику выхода, который вдруг закрыли силуэты родителей. Я счастливо протянула к ним руки, и они тоже потянулись в ответ, но грозный голос Вайноны их остановил. И они... ушли. Захлопнули люк в подвал, оставив меня без света наедине с тёткой и не понятно откуда взявшимися розгами.

Это воспоминание явно не безосновательно было вытащено моим проклятым подсознанием наружу спустя столько лет, но почему именно сейчас? И почему в такой обстановке? Как бы странно это ни звучало, эпизоды из детства часто крутились у меня перед глазами во время полудрёмы, когда я, вроде как, спала, но в любой момент могла вскочить и пойти на кухню за водой. Но сейчас я находилась вовсе не в полудрёме и точно не во сне – это был суший кошмар! Кошмар наяву. Я не могла очнуться, не чувствуя ни времени, ни пространства, ни своего тела. Вокруг зияла не тьма,

а нечто коричневое, бордовое, местами чёрное, как запёкшаяся кровь, среди которой чётко прослеживались рептильи жёлтые глаза, точь-в-точь как у того недо-волка из леса. Они затягивали меня, гипнотизировали, дурили голову, из-за чего внезапно нахлынувшее воспоминание на миг показалось спасением из этого болота. Не имея возможности вернуться в реальность, самостоятельно я стала кричать. Уж не знаю, вышло ли «связаться» таким способом с внешним миром, но после моих возгласов глаза закрылись и спрятались в бордовой гуще. И вскоре вместо них я увидела её – Охотничью или, по-другому, Кровавую Луну. Явление не сказать, чтобы редкое, но и не частое. Мне доводилось его видеть пару раз и, кажись, Вера говорила, что такое случается, когда Земля бросает тень на свой спутник, поэтому это также можно назвать лунным затмением.

Погодите-ка.

А не о лунном ли затмении говорили отец, Вайнона и Ме-земир? Вот же ж! Неужели у них получилось?! Что бы они ни имели в виду, но успеха мои родственнички добиться сумели! И, как бы прискорбно это ни звучало, похоже, мои родители помогли им или просто не стали мешать. Так неприятно и больно осознавать это. Но что бы я сделала на их месте, угрожай им опасность? Возможно, я тоже сдалась бы?.. Нет. Я прекрасно понимаю, что боролась бы до последнего за них! И не потому, что я такая смелая и сильная, а потому что просто люблю их. И если мама с папой не стали спа-

сать меня и тогда, и сейчас, значит ничего, кроме вдолбленного предками родительского долга и желания оставить след в этом мире они не чувствуют ко мне.

Меня обуяла злость. Почему, когда как я готова ради этих людей пойти на любые подвиги, они не способны ответить мне тем же?! Почему они настолько эгоистичны, что не отвечают на мою любовь?! Неужели так сложно любить и защищать собственного ребёнка, свою кровиночку, свою частичку?! Мне было больно не от розг или пощёчины, мне было больно от того, что родители в который раз бросили меня в самый сложный момент.

Кровавая луна, будто сжалившись надо мной, стала кружиться вокруг меня, издавая красивую мелодию. Похожую я слышала в музыкальной шкатулке моей бабушки, той, что загородом и всегда готова была принять меня. Даже после наказания Вайноной, когда она отлупила меня розгами и оставила в тёмном и сыром подвале на всю ночь, я сбежала именно к ней несмотря на то, что ехать до неё было долго. Постепенно краснота сошла, и луна стала голубовато-белой, а кровавое марево вокруг посинело. Мне захотелось вздох-

нать с облегчением, но внезапно меня начало будто бы вытягивать из этого необычного состояния. Прощаться с долгожданным умиротворением оказалось ещё сложнее, чем терпеть непрощенные воспоминания и чувства, и я с недовольным стоном и чистой ненавистью посмотрела на разбудившего меня. Точнее, разбудившую. Поначалу Вайнона выглядела недовольной, но, увидев мой горящий отнюдь не любовью взгляд, хищно оскалилась.

– Я прекрасно понимаю твою ярость, моя дорогая, – с довольным полурыком проговорила тётка. – Но, как насчёт возмездия? – сладко протянула она, взмахивая ладонью. Перед каменным ложем, на котором я очнулась, загорелся свет, являя глазу моих испуганных родителей, безмолвно стоящих и не знающих, куда себя деть. Почти слыша хруст своих костей, я с трудом приподнялась на локтях, еле двигая затёкшими конечностями, и протянула вот-вот готовую упасть дрожащую руку в сторону единственных людей в этой комнате, кто хоть как-то мог мне помочь. Они в ужасе отшатнулись от моей испачканной в чём-то тёмном и стягивающем кожу руки.

Захотелось плакать и кричать: как они могут так поступать со мной?.. Гнев придал мне сил, и я смогла сесть. В пояснице отдалось тупой болью – ещё бы! Столько времени пролежать на каком-то булыжнике!

– Мама? Папа? П-прошу... – голос сорвался, я хрипло закашляла и снова протянула руку к родителям. Дура, да. Но

надежда умирает последней.

– Не надо... – дрогнувшим голосом отозвался отец. – Не подходи, – уже твёрже сказал он. Я даже услышала злость в его тоне.

Тело скрючилось: казалось, будто все конечности и живот разом свело.

– П-прошу... – надрывно просипела я, не зная, как самой себе помочь. Больно было лишний раз пошевелиться, не то, что попытаться размять мышцы. В конце концов, стало настолько плохо, что я не стерпела и захныкала. Вайнона то ли ухмыльнулась, то ли скорчила сочувствующую гримасу и наклонилась к моему уху:

– Используй свои силы, дитя. Ненависть – лишь она поможет справиться с болью! Но за всё нужно платить. В данном случае всё о-очень просто, – она грубо схватила меня за подбородок, впиваясь ногтями в и так раздражённую кожу, и повернула моё лицо в сторону вжавшихся друг в друга и в стену родителей. – Отомсти им. Заставь их почувствовать ту боль, что ты испытала по их вине! – последнюю фразу она чуть ли не торжественно прокричала, на миг оглушая меня.

Боль... Расстаться с болью – так заманчиво. Мне никто не поможет, кроме меня. Так... почему бы не?..

Уже через секунду моя рука покоилась на шее отца, впившись когтями в кожу. Вскакивая с каменного ложа, я почувствовала толчок со спины от Вайноны, но он не вызвал такого отвращения, как полные страха и ненависти глаза отца. Я

несильно стукнула его головой о стену и медленно разжала пальцы, невольно оставляя красные борозды на коже. Ноги перестали меня держать, и я медленно осела на пол, закрывая ладонями лицо: пальцы и рукава тут же стали влажными от слёз. Я не могла причинять им боль, несмотря на предательство и собственные мучения!

– Трусливая овечка, – едко бросила Вайнона, подходя ко мне с назойливым стуком каблуков. – Но ничего, – она склонилась надо мной, о чём свидетельствовала тень передо мной, и провела ладонью по моим волосам, больно цепляя их перстнями. – Из тебя ещё можно сделать опасного хищника, – тётка выпрямилась и безумно расхохоталась, что немного привело меня в чувства, и вскоре я уже сухими глазами уставилась на неё со всей накопившейся ненавистью. Однако это её только порадовало. – Во-от. Начало уже положено.

Ещё утром, когда Вера не смогла разбудить подругу даже с помощью своих родителей в школу, она сильно забеспокоилась. И это несмотря на то, что её мама утверждала, что Люда просто переутомилась, и один пропущенный день школы – ничто, по сравнению с возможностью выспаться ребёнку. Но когда Людмила не проснулась ни к обеду, ни к ужину, и семейство Ивовых уже набирало номер скорой помощи, к ним в дверь постучался отец Люды, Тихон. За ним на лестничной клетке мялся (хотя Вере сложно было применить это слово

к этому снобу), видимо, дядя её подруги. Пока отец Люды лгал о том, что с ней уже подобное случилось, и это, якобы, наследственное заболевание, Вера не сводила пристального взгляда с Меземира ровно до того момента, как её одёрнула мать, заметившая, что дочь откровенно «пялится» на чужого человека. Что ж, этого пижона Вера запомнила надолго. Если что, думала она, фоторобот будет составить несложно. Погружённая в напряжённые мысли, Вера не сразу поняла, зачем же всё-таки пришли родственники подруги. Да ещё и туман усталости мешал быстро соображать. Но когда более сильный, чем Тихон, Меземир вышел из их квартиры с Людмилой на руках, Вера всерьёз запаниковала и даже хотела рвануть вслед за неожиданными гостями, но была на миг остановлена строгими и не предвещающими ничего хорошего взорами родителей. Всего на миг.

– Вы не заслуживаете её. И однажды она станет свободна, – Вера дёрнула рукав Тихона так резко, что хлопковая ткань больно врезалась в грубую мужскую кожу, нагнав мужчин на первом этаже.

– Однажды? – хмыкнул Меземир, без тени усталости поворачиваясь к застывшим людям. – Вскоре мы все станем свободны. И ты будешь этому свидетелем, – сложно было сказать, к кому именно была обращена последняя фраза, но Верре почему-то казалось, что ей. И от этого холодок пополз по её спине. Она выпустила из ослабевших рук пиджак побледневшего отца подруги и, будто бы под гипнозом, поднялась

обратно к себе на этаж. А, *может, и не «будто бы».*

После получаса рыданий в одиночестве я решила встать и пойти умыться. Вайнона, как и родители, давно покинула это подвальное помещение, и больше я никого не видела. Нужна я кому-то, ага! В этом доме... или где я сейчас нахожусь, мне никто не поможет, и не важно, что со мной случилось. Думаю, пора паковать вещи и переезжать к бабушке от этих психопатов. А то ещё убьют в порыве своих игр!

Попытавшись подняться, я удивилась: моё тело ощущалось совсем иначе. Словно кто-то перекроил меня за эту ночь, выкрав перед этим у Веры из-под носа. Ох, боюсь представить, что она успела за это время вообразить себе! Она-то обо мне волнуется, в отличие от некоторых! Ладно, так я себе не помогу, нужно подняться.

Пальцы сгибались туго, впрочем, как и всё остальное, мышцы стали плотнее, а вены взбухли и легко проглядывались через кожу. Не то чтобы я раньше была красавицей, но сейчас, уверена, выгляжу совсем чудовищем. Резко оттолкнувшись от пола, я попыталась вскочить на ноги – это было плохой идеей. Перед глазами заплясали черти, и мне страшно было подумать, реальны эти скачущие по комнате чёрные пятна или нет, потому что после всего произошедшего могло случиться и не такое!.. Страх подстегнул меня к дальнейшим попыткам выбраться из того подвала. Кто знает, что со мной может произойти, если я останусь там ещё хоть на ми-

нуту? Мне вот не хотелось узнавать этого. В носу появилось ощущение сухости, а на языке – металлический привкус. Её и кровь носом пошла! Что ещё сегодня плохого не произошло?! Где там астероид размером с планету?..

Опираясь на шершавые каменные стены и деревянные балки, я кое-как выбралась из подвала, открыв дверь как можно тише, и, не чувствуя ног, интуитивно стала искать выход. Вот только... Это же наш дачный дом! Но откуда в нём такой странный подвал? Хотя я уже ничему не удивлюсь. Причём в самом ужасном смысле этого слова. Как ни странно, в целом доме не оказалось никого, и я наивно посчитала, что мне всё это причудилось. Однако зеркало в ванной вернуло меня в реальность: из него на меня смотрела не кареглазая нескладная девчонка, а самая настоящая ведьма с зелёными глазами, алыми губами, гладкой кожей и чёрными как смоль волосами. Это при том, что раньше они были тёмно-русыми. Мать родная не узнает! Правда, в моём случае это, скорее, пошло бы мне на пользу. Главное, чтобы бабушка узнала.

В который раз за последнее время сбегая из дома, я подготовилась намного тщательнее. Благо, мобильник и остальные вещи, которые я брала к Вере, покоились в рюкзаке в моей комнате. Постояв несколько минут на пороге, я не сдержалась и отправилась на кухню. Есть хотелось до жути, но я пошла туда не за этим. Кое-как отыскав соль, что до приезда гостей всегда можно было найти на столе, а не, как сей-

час, за семью замками, я прокрасалась в спальню Вайноны и насыпала пол пачки ей в кровать под простыню. То же самое я проделала с кроватью двух других родственничков, но им досталось меньше. Оставшейся солью я украсила порог своей уже бывшей комнаты. Жаль, святой воды нет.

Почти не чувствуя тяжести вещей первой необходимости, я добежала до автобуса, оплатила проезд и чудо как удачно добралась до дома бабушки, которая тоже сейчас жила загородом, но с прямо противоположной стороны. Хоть мне и удалось проехать почти весь путь в сидячем положении, пустой желудок и сильная тряска сделали своё дело: меня укачало. То зеленея, то бледнея, я дошла до нужного мне домика, автоматически здороваясь с явно шокированными моим видом соседями, и слабо постучалась. Бабушкин дом найти было довольно просто: он стоял в самом конце села, был в зелёный цвет, из-под которого в некоторых местах проглядывались чёрные доски, а также имел древнерусские резные ставни. И не надеясь на то, что бабушка меня услышит (если она вообще дома), я устало плюхнулась на скрипучие деревянные ступеньки у двери. Станный прилив сил, который я ощутила, проснувшись, был исчерпан, я снова почувствовала себя слабой.

– Девочка, ты кто? – наверное, бабушка Иста сильно удивилась, увидев около своего дома скорчившуюся на ступеньках черноволосую девочку, чем-то отдалённо напоминавшую её внучку.

– Ба, это я... – жалко и по-детски промямлила я, взглянув на неё снизу вверх из-под лохматой шевелюры.

– Ох! Господи Боже! Ты откуда такая «красивая»? – да уж, бабушка всегда была против покраски волос. Но она не из тех, кто из-за такого пустяка не пустит меня в дом.

– Ба, давай, я тебе потом всё расскажу, – умоляюще протянула я, невольно обхватывая урчащий живот.

– Забегай скорее! – почти командным голосом сказала Иста, подхватила меня под мышки, забрала сумки и втокнула в дом. Под бабушкино бурчание я послушно уселась за стол на кухне и стала ждать, пока та наложит мне вареников.

– Чумазая... голодная... я твоим родителям по ушам надаю!

– Я уже взрослая, – беззлобно буркнула я, нахмурившись, но не оттого, что хотела защитить ро... «этих людей», а потому, что не хотела, чтоб бабушка им позвонила и выдала моё местоположение. Да и вообще, ей лучше с ними не общаться! Если уж ребёнку посмели обидеть, то на старика за просто руку поднимут!

– Настолько взрослая, что сбежала из дома и потащилась к чёрту на куличики, чтоб...!

– Не произноси это слово! – сама от себя не ожидая подобного, я подпрыгнула, споткнулась о стул и рухнула на стол грудью, искривив такую страшную гримасу, что бабушка выронила половник с громким «ой». – Прости, – тихо пробормотала я, подняла половник и помыла его в раковине.

– Что-то мне не нравится твоё состояние, – недовольно покачала головой Иста, убирая мне чёлку за уши. – Вон и ссадина, как от удара камнем, – очевидно надавливая мне на ранку, сказала бабушка, и я болезненно зашипела. Подойдя к зеркалу в коридоре, я откинула чёрные локоны за плечи.

– Это лишь одна из многих... которые, видимо, успели зажить, – наконец, до меня дошло, что все следы моего лесного приключения не понятно каким образом успели бесследно исчезнуть, а ссадина на виске появилась значительно позже.

– Люда! – вдруг возмущённо и, в то же время, обеспокоенно воскликнула бабушка.

– Что? – измученно выдохнула я.

– Что, что... иди есть, – покачав головой, она устало прикрыла глаза и прошла на кухню, безмолвно зовя за собой.

Варениками я не наелась, и бабушка принялась за жарку куриных котлет, попутно начав расспрашивать меня. Аппетитный запах сочного мяса, деревенского молока и свежего белого хлеба заметно прибавили мне покладистости и сговорчивости, но это вовсе не означало, что я была готова вывалить всё, что со мной случилось за последние дни. Во-первых, было жалко бабушку и её нервы, во-вторых, мне было тяжело вспоминать весь тот ужас, что пришлось пережить, в-третьих, меня запросто могли принять за сумасшедшую. Бабушка Иста хоть и беспрекословно любит меня, но мыслить разумно не перестаёт.

Не единожды во время трапезы пытаюсь начать свой

«увлекательный» рассказ, я попеременно издавала разные многозначительные звуки, вроде «м-м-м» или «к-х-е-х», а то и вообще «ой-ой». Бабушка всё это время сидела передо мной полубоком, по-домашнему закинув сырую тряпку на плечо, и потерянно разглядывала меня, подмечая всё новые и новые детали, которые ей отнюдь не нравились. Прерывая мою очередную попытку что-то выдавить из себя, Иста с плохо скрываемым ужасом в голосе сказала:

– Тебя будто ртуть заставили выпить, или чем там ещё баловались барышни века девятнадцатого, чтобы кожа становилась белой и гладкой.

– Да-а, а потом они умирали, травясь этой самой ртутью или чем-то там ещё, – довольно и знающе протянула я, а потом резко прикрыла себе рот рукой, только-только осознав основную мысль этих слов. – Н-но меня ртутью не поили... наверное, – я всерьёз задумала над этим предположением. В конце концов, как бы прискорбно это не звучало, со мной могло произойти всё что угодно во время моего «сна». Не просто так же я в какой-то момент озверела и чуть не придушила собственного... впрочем, неважно!

– Так, – это грозное «так» сопровождалось хлёстким сбрасыванием тряпки на стол. – Я звоню в полицию!

– Не надо в полицию! – я вскочила, роняя стул, и тут меня «прорвало». Я рассказала о том, как в очередной раз поссорилась со «Звёздочкой» на вокале, как меня выгнали оттуда, как я припугнула Вячеслава на улице, а также я точно опи-

сала свой поход к следователю и его странное поведение. По мере развития моего рассказа глаза бабушки всё больше расширились, а под конец она буквально упала на стул, вытирая холодный пот со лба. Я продолжала стоять, впиваясь ногтями в кожу ладоней и нервно покусывая губы. Я так боялась, что она во мне разочаруется! Этот страх был даже сильнее того, что я испытывала в том странном сне с луной!

– Люда, – сквозь ком в горле произнесла Иста спустя несколько казавшихся вечностью минут. – Ох! Воды! – понимая, что, возможно, у бабушки от нервов подскочило давление, я быстро налила ей воды и принесла аптечку. Кое-как напоив её лекарством и приведя в чувства, я осторожно села у её ног прямо на пол, опустила взгляд и стала дрожащими холодными руками перебирать край кофточки.

Почувствовав на своей макушке тёплую ладонь, я зажмурилась и облегчённо выдохнула: выгонять меня точно не собираются. Но и серьёзного разговора не миновать.

– Что ж с тобой происходит, ребёнок? – ласково протянула бабушка, успокаивающе поглаживая меня по голове.

– Со *мною* происходит?! – я почти обиженно взглянула на неё исподлобья, глотая первые слёзы. – Что со мной делают?! Эти мерзкие родственнички со стороны отца – кто их вообще сюда звал?! Ах, да! Он-то и звал!

– Они опять приехали, – не тая неприязнь и хмурясь, уточнила бабушка.

– Да! – буркнула я, скрещивая руки на груди в защитном

жесте.

– И что они на этот раз учудили? – строго спросила Иста, однако её злость была направлена, к счастью, не на меня.

– Кроме того, что Вайнона опять меня ударила, – я невольно прошлась по щеке кончиками пальцев. – Меня заперли в каком-то подвале, не понятно каким образом усыпили на целые сутки, а когда я проснулась, Вайнона стала говорить всякие ужасные вещи, и я...

– Что ты? – наклонившись ко мне и утерев слёзы со щек, обеспокоенно вопрошала бабушка.

– Я чуть не придушила отца, – отвернувшись в сторону проёма двери, в котором зияла кромешная тьма, я продолжила: – Они стояли там и ничего не делали. Они не хотели мне помочь. Они боялись меня.

– Мама с папой? – шокировано выдохнула Иста.

– Я больше никогда не буду их так называть! – истерично закричала я, и вместе с тем послышался звук разбитого стекла. Мы быстро подняли и прошли в гостиную: защитное стекло циферблата на часах осыпалось на пол. Бабушка хотела было пойти за пылесосом, но встала как вкопанная, глядя мне в глаза. Точнее, глядя на мои глаза. Почти сразу же осознав, что произошло, я метнулась к ближайшему зеркалу. Мои глаза снова позеленели и стали светиться, пусть и ненадолго. Через несколько десятков секунд они погасли. Я попыталась запомнить, что я чувствовала во время этого, но чёткого описания дать так и не смогла. Это было сродни

лёгкости и, при этом, тяжести. Словно оковы, долго сдерживавшие меня, наконец, спадали, но вместе с этим приходило бремя ответственности и необходимость сдерживать свою силу. Как странно и пафосно это звучит! Свою силу. Будто бы у меня что-то есть, кроме дурости, подвигнувшей меня продемонстрировать Звёздочке то, что я могу вздёрнуть его за грудки.

Осознание того, что, пока я увлечённо разглядывала себя в зеркале, бабушка стояла за моей спиной, настигло меня резко и болезненно. Я крепко зажмурила свои настоящие карие глаза и сжала рот в тонкую линию, мысленно считая до десяти. Это, конечно же, никак не успокоило меня, но попытка, как говорится, не пытка.

«Я могу тебе всё объяснить», – хотела сказать я, но лишь безмолвно пошевелила губами, так и не набравшись смелости.

– Я должна тебе всё объяснить, – слова бабушки Исты оказались для меня столь неожиданными, что я невольно распахнула глаза и повернулась к ней. Её испещрённое морщинами лицо, казалось, постарело ещё на десяток лет, ресницы нервно подрагивали, а пальцы лихорадочно перебирали край фартука. Она мягко взяла меня за руку и усадила на диван, а сама со скрипом открыла старый шкаф, стоящий сбоку от зеркала, и, немного покопавшись, достала оттуда небольшой пыльный альбом с фотографиями. Странно, но раньше я его никогда не видела, хотя в детстве очень любила смотреть на

детские и юношеские фото своих родственников, что и озвучила бабушке. С многообещающей в плохом смысле фразой «Сейчас ты всё поймёшь» она листала пустые пожелтевшие страницы, пока не дошла до середины альбома, где находились фотографии моих молодых родителей из ЗАГСа. Пропустив несколько из них, Иста остановилась на той, где были видны многие родственники со стороны жениха. Среди них была и Вайнона, в изображение которой бабушка брезгливо ткнула ногтем.

– Вот она!.. Как же, прости Господи, её звали?..

– В-вайнона, – нечётко выдавила я.

– Да-да! Отец твой все уши мне и деду твоему прожужжал, когда узнал, что она приедет на свадьбу. А какие условия ставил нам! Боже мой! В церкви венчаться отказался, иконы все заставил попрятать, крестики снять. На входе в ресторан даже охранника подкупил, чтобы тот их отсутствие у всех проверял. Я давно так не краснела перед родственниками, а за мать твою до того момента, так вообще никогда, уж извини меня, – недовольно пыхтя, рассказывала бабушка, ненароком царапая плёнку, под которой было фото с Вайноной. – Знаю я нынешнюю молодёжь. Но я не заставляла их венчаться в церкви, что он ко мне и остальной родне своей, между прочим, невесты в души полез! Ох, а что было, когда дядя Коля твой, забывшись, во время госта сказал: «Храни вас Господь»! Один из тех, что рядом с этой дамой сидел, – она снова указала на Вайнону. – Заржал аки гиена, а она как

скажет... боюсь, не вспомню. Что-то вроде «в глупости простых людей именно он и виноват». Тьфу-ты! – она досадливо сморщилась, громко фыркнула и захлопнула полупустой альбом, после чего убрала обратно в шкаф.

– Увы, я не сразу поняла, во что же всё-таки ввязалась моя дочь, – неожиданно спустя несколько минут молчания продолжила говорить Иста, но уже более спокойным и печальным голосом. – Дед твой до самой смерти своей твердил мне и твердил, что надо, если не Ульяновку с тобой, то хотя бы тебя забрать из этого дурдома, а я всё отмахивалась. Потом уж не стало его, да и родственники эти, дай Боже терпения, перестали вас навещать. Но теперь я вижу, как я ошибалась, – с нескрываемой горечью смотря на меня, сказала она.

– Ты знаешь, что со мной происходит? – внезапно севшим голосом спросила я.

– Ты и сама, я думаю, прекрасно знаешь ответ, – ответила бабушка и поджала сухие губы, дрожащей рукой проведя вдоль моих окрепших мышц на левой руке.

– Я ведьма.

Глава 5. «Он нашёл меня»

Та ночь выдалась... м-м-м, нелёгкой. Мне было сложно уснуть после всего того, что случилось.

Бабушка постелила мне на моей старой кровати, на которой я обычно спала, когда гостила у неё. Простыня и одеяло пахли чистотой и свежестью, а подушка была прохладной и мягкой, как облако – то, что надо для самых сладких сновидений. Но это, к сожалению, не помогло мне ни быстро и безболезненно уснуть (мышцы всё ещё горели огнём), ни увидеть во сне хоть что-то сколько-нибудь приятное. После одного короткого кошмара, не отразившегося в памяти, но оставившего след в виде бешено колотящегося сердца и холодного пота, стекающего по лбу и животу, я поняла, что мне страшно. Я никогда не боялась темноты, даже в детстве, и ненавидела летние ночи, когда ранний утренний свет мешал мне спать до полудня, но сейчас мне захотелось включить все лампочки в доме, чтобы только удостовериться в том, что здесь нет никого постороннего. Ко всему этому прибавилось ощущение того, что моя паранойя не безосновательна, и за мной вполне себе может кто-то следить. А осознание того, что я нахожусь на первом этаже, а на окнах нет решёток, заставило меня замереть в полусидящем положении. За мной вполне могли наблюдать через окно и прямо сейчас...

Руки, на которые я опиралась, очень скоро задрожали, как и всё моё тело. Кто бы это ни был, он не будет ждать вечно, и мне стоит покончить с этим раз и навсегда! Иначе я позорно умру от страха, а не от клыков чудовища или ножа маньяка. Мне просто-напросто нужно посмотреть в чёртово окно!

И раз... два... три!

Я зажмурилась и резко повернула голову в сторону окна, вскрикнув и снова замерев. Первые пару минут ничего не происходило, и я решила «подсмотреть» за следившим. Я совсем чуть-чуть приподняла веки – так, чтобы было непонятно, открыла ли я их вообще – и увидела лишь мутную бесформенную пелену. До скрежета сжав зубы и приоткрыв рот, чтобы в любой момент закричать о помощи, я распахнула глаза и увидела...

Ничего. Окно было плотно зашторено. Вполне логично, ведь бабушка знает, что я не люблю, когда меня будит солнечный свет. Что ж, нужно не забыть её поблагодарить утром.

Я с огромным облегчением выдохнула, да так, что чуть не подавилась воздухом и слюной, и тихо рассмеялась над собственной трусостью. Это ж надо было испугаться того, чего нет! Даже Вера не бывает такой пугливой после просмотра ужастиков. Ох, Вера! Стоит позвонить ей и сказать, что всё хорошо, а заодно и поинтересоваться, не угрожали ли ей мои «дорогие и близкие». Очень не хотелось бы, чтобы у неё и её родителей были из-за меня проблемы.

Расправив одеяло, я широко улыбнулась, ведь теперь действительно можно было лечь спать. Опасности-то нет! Но, устроившись в любимой позе на подушке, я поняла, что сердце колотится ещё сильнее, чем после кошмара несмотря на то, что я уже перестала трястись от страха.

Кр-ж-ж! Хрясь! Хрясь!

Как оказалось, окно было приоткрыто. Послышался скрип старых петель, и раздался шорох в растущих под окнами кустах малины. Этого было достаточно для того, чтобы я вскочила, подпрыгнув на кровати, и, умудрившись не запутаться в одеяле, за несколько секунд оказалась в бабушкиной комнате, после чего нырнула ей под бок, укрыв голову её пледом. Проснувшаяся бабушка без лишних слов погладила меня по голове, раскрыв её, и тихо запела старинную колыбельную, что погрузила меня на этот раз в настоящий крепкий сон.

*«Ночь пришла,
Темноту привела,
Задремал петушок,
Запел сверчок.
Вышла маменька,
Закрыла ставеньку.
Засытай,
Баю-бай».*

В понедельник я, конечно же, была не в состоянии идти

в школу, а бабушка, прекрасно понимая это, не стала меня будить. Так я проспала до десяти, плотно позавтракала вкуснейшими сырниками с малиновым вареньем и приступила к подготовке к ЕГЭ. В конце концов, как бы я себя не чувствовала и что бы ни происходило в моей жизни, от единого государственного экзамена это не спасёт. Да и сидеть без дела не хотелось. Мы с бабушкой приняли решение на время отключить мой телефон, чтобы никто не смог дозвониться мне и отследить меня по нему. По крайней мере, мы надеялись, что по выключенному это невозможно сделать. Проведя пару часов за повторением теории и решением варианта в сборнике, я услышала, как бабушка с кем-то разговаривает по домашнему телефону на кухне. Я не смогла оставить это без внимания, к тому же, голос бабушки Исты показался мне весьма напряжённым.

— ... Я не знаю, где её теперь искать! Звоните в полицию, — с сардоническим смешком и всхлипом сказала бабушка в трубку. И я в который раз подумала о том, сколько потерял советский театр, когда бабушка решила стать редактором, а не актрисой. Спустя паузу, видимо, кто-то по ту сторону трубки что-то ответил, бабушка возмущённо продолжила: — Как это не можете?! Из-за этих нелюдей?! Да я на них управу такую найду! Ох, внученька моя бедная-я! — под конец она завывала, причём, по-настоящему, и я поспешила обнять её, чтобы успокоить. О, небеса! Как она за меня волновалась! Не то что эти. Ещё родителями называются!

Бабушка положила трубку и обняла меня в ответ. Так, покачиваясь и хныкая, мы простояли, а потом просидели, довольно долго, пока не кончились силы на то, чтобы плакать.

– Знаешь, что я думаю, нам с тобой нужно? – спросила бабушка. Я отрицательно покачала головой и вопрошающе на неё уставилась покрасневшими от слёз глазами. – Чай. Нам нужно выпить чаю со сладостями! – предложение было воспринято мной со всей возможной радостью, и уже через пять минут мы с удовольствием распивали иван-чай с ватрушками и нашими любимыми шоколадными конфетами.

Так и прошёл наш день. Бабушка хлопотала по дому, а я – над уроками. Она больше не спрашивала меня о том, что случилось, но я видела, что её это сильно гложет, и хотела вновь заговорить с ней на эту тему, однако так и не смогла решиться. Вечером я всё-таки включила мобильник, чтобы посмотреть домашнее задание и завтрашнее расписание в электронном дневнике. Переписав всё это на листочек, я хотела было снова выключить телефон, но меня остановило новое уведомление, которое высветилось отдельным неизвестным номером, среди пропущенных от отца, матери и Веры. Решив, что это реклама, я вновь попыталась выключить мобильник, но к тому уведомлению прибавилось ещё одно от того же номера. Я зашла в переписку, которую начал этот неизвестный номер, и чуть было не подпрыгнула от ужаса.

«Здравствуй, Людмила», – гласило первое сообщение.

«Прошу, не игнорируй меня. Это важно», – было сказано

во втором. Пользователь был в сети и увидел, что сообщения были прочитаны, значок «онлайн» заменился на «печатает...».

«У тебя нет моего номера, но у меня есть твой. Это я, твой дядя Меземир...» – стоило мне увидеть это имя, и я не стала читать дальше, как и ждать, что ещё он напишет. Я быстро выключила телефон и убрала его в шкаф, накидав своих детских рисунков сверху.

Чтоб меня громом поразило! Ему-то что от меня надо?! Он никогда не проявлял ко мне интерес, не общался со мной, разве что здоровался, да и то и не всегда. Я бы совершенно не удивилась если бы мне написала бабушка со стороны отца или даже Вайнона, но Меземир – это что-то из ряда вон выходящее! Чёрт бы его побрал! Временами он казался мне страшнее Вайноны, и я была отнюдь не рада получить сообщения именно от него из всех родственников со стороны отца. Кто вообще дал ему мой номер? Узнаю – прибью гада!

Нужно было отвлечься. Бабушка убедила родителей, что я не у неё, а т. к. серьёзной лжи за ней за все годы замечено не было, те должны были ей поверить. Значит, здесь меня точно не найдут, если вдруг не захотят навестить её, что маловероятно. Но нужно быть готовой спрятаться на чердак, как бы меня не воротило от одной только мысли об этом тесном пыльном месте. Хотя этот вариант мне нравился больше, ибо на чердаке, в отличие от подвала, который у бабушки также имелся, было окно, и через него можно даже вылезти нару-

жу. Ох, но тогда придётся бросить бабушку наедине с этими упырями. Надо подумать над этим.

Бледная от очередного приступа паники, я принялась выполнять домашнее задание, попутно размышляя над сложившейся ситуацией. Скоро мне исполнится восемнадцать, и в кишасщем психопатами доме родителей мне не было необходимости оставаться. Только бы документы как-то забрать, и прощай, родственнички, родной город, здравствуй, свобода. Конечно, стоило разузнать, что же всё-таки они хотели от меня, так ли я важна для выполнения их планов, чтоб они могли преследовать меня всю оставшуюся жизнь? Сможет ли помочь полиция? Станет ли она помогать, учитывая мою перепалку с Веточкиным? Или мне достаточно посетить врача и сдать анализы, чтобы в моей крови обнаружили вещества, которые они мне подсыпали, и сдать всю их весёлую компанию? А если они ничего не подсыпали, и всё произошедшее – результат... магии? Бр-р, и как мне теперь считать себя адекватной? Может... может, стоит прочесть, что там дальше написал Меземир?

Я кинула отчаянный взгляд на шкаф и тут же отвернулась. Нет. Я не буду этого делать, от прихвостня Вайноны добра не жди. Наверняка он просто хочет завлечь меня в ловушку, делая вид, что пытается помочь.

– Люда, иди кушать! – крикнула бабушка из кухни.

– Бегу! – прокричала в ответ и с грозным хлопком закрыла «Пиковую даму», которую перечитывала для экзамена по

литературе.

Вечно прятаться было бессмысленно. Рано или поздно, нужда заставила бы меня выйти, будь то обязанность идти сдавать экзамены или же просто желание выйти из четырёх стен на свежий воздух. К тому же, как бабушка узнала, позвонив в школу своей подруге, что работала там секретарём, родители не сообщали директору и классному руководителю о том, что не могут меня найти. Значит, был шанс не быть пойманной из-за сдачи меня учителями родителям. Три дня я пропустила, сидя у бабушки дома без телефона, но с уроками, и чувствовала себя как никогда подготовленной к сегодняшнему дню.

По расписанию первым уроком устояла Астрономия, учитель обещал нам показать документальный фильм, и я заранее приготовилась к тому, что Вера потащит меня на заднюю парту и завалит всевозможными вопросами. Так и случилось: только завидев меня, оглядывающуюся назад в поисках слежки, у раздевалки, Вера крепко схватила меня за запястье и молча довела до третьего этажа, где и располагался нужный класс. Мы заняли последнюю парту на третьем ряду и очень вовремя, ибо буквально через пару минут в кабинет ввалилась добрая половина наших одноклассников, большая часть которых претендовала именно на последние ряды.

– Ты не представляешь, что я сейчас с тобой сделаю, Людмила Потворская! – зашипела змеёй Вера.

«Очень даже представляю», – с безнадёжным вздохом подумала я.

– Какого лешего у тебя несколько дней был недоступен телефон, а когда стал доступен и мне пришло оповещение об этом, ты его тут же выключила, не успела я тебе набрать?! – на фразе «какого лешего» меня перекосило. Вспомнилось то лесное чудище, которое, возможно, так же не было плодом моей больной фантазии, как и то, что ведьма. Фу, я уже начала неосознанно признавать это. Тем временем, Вера продолжала: – То ты беспробудно спишь целый день, то пропадаешь, то... Кажется, ты изменилась, – похоже, Вера заметила не слишком сильные, но заметные для близких людей изменения в моей внешности. Но, прежде чем я успела ответить, она резко повернулась и махнула учебником в сторону заслушавшегося нас Назара. Тот ойкнул и отсел подальше, увидев разъярённый взгляд одноклассницы.

– Нет, тебе не кажется, но... мне трудно об этом говорить, – я закусила кончик карандаша, который до этого нервно перебирала в руках. Если я скажу подруге о том, что мне рассказала бабушка, она решит, что я сошла с ума или, как минимум, пьяна, хоть я и ни разу не употребляла алкоголь в своей жизни. Это, конечно, вряд ли заставит её отвернуться от меня и нашей дружбы, однако мне не хотелось бы терпеть настойчивые попытки отвести меня к врачу. – На самом деле, – я понизила голос, чтобы нас уж точно никто больше не услышал, и наклонилась к ней ближе. – Я сбежала из до-

ма, как только очнулась, и теперь живу у бабушки Исты. Мобильник я отключила из соображений безопасности.

– Они вели себя настолько неадекватно, что тебе пришлось сбежать? – с ясно читаемым ужасом на лице спросила Вера. Я положительно кивнула, чувствуя, что в горле от волнения пересохло. Пора было прекращать этот разговор, но Вера вдруг снова заговорила: – М-да, они и со стороны-то кажутся ненормальными, что уж говорить о близком общении...

Я согласно закивала, решив, что это и есть конец обсуждения данной темы, но потом до меня дошло, что Вера никогда не встречалась с Вайноной, Всеведой и Меземиром. Разве что они вместе с родителями могли забрать меня из гостей тогда, когда я проспала больше суток. Но хватило бы этого Вере, чтобы сделать такие выводы, или она просто поддерживает меня? Бросив короткий, но меткий взгляд на неё, я поняла, что она нервничает, явно сболтнув лишнего. Она покусывала сухие губы, а её глаза метались по классу, иногда задерживаясь на мне.

– И где же ты, позволь спросить, успела с ними познакомиться? – прозвенел звонок, и нам пришлось помолчать пять минут, пока учитель включал документальный фильм о чёрной материи и энергии. Затем я ткнула локтем Веру в бок, чтобы та ответила на мой вопрос.

– Твой дядя вместе с твоим отцом забирал тебя, – скупно объяснилась она, недовольно поджав губы.

– Ты не ответила на мой вопрос, – я прекрасно слышала, как она сказала «они», а не «он».

– Ты тоже, – очевидно, она намекала на то, что я так и не рассказала, почему выгляжу, будто месяц посещала салон и ухаживала за кожей и волосами самими лучшими и дорогими средствами. Ах, да, у меня же ещё прошли все ссадины и гематомы, которые Вера лично обрабатывала, что тоже было весьма странным. Я не знала, как можно оправдать это, и промолчала, однако это было ошибкой, т. к. мозг Веры начал сам обрабатывать полученную информацию. – Помнишь, на истории нам рассказывали, как дамы в девятнадцатом веке измывались над собой, употребляя ртуть, морфий и прочую гадость, чтобы поддерживать модную тогда красоту? Причём, эффект, производимый этими веществами, был очень быстрым, – она с намёком ткнула пальцем в мягкую блестящую кожу моей щеки.

– А последствия – тяжёлыми, – закончила за неё я. – Не волнуйся, меня ничем таким не поили или кормили, всё дело в... – я прикусила щёку изнутри, пытаюсь подобрать подходящее слово, – ... особенности. Семейной. Наследственной, – вроде и правды не сказала, и не солгала, но всё равно как-то тошно на душе.

– И твои родственники приехали из-за её обострения? Они тоже этим болеют? – обеспокоенно затараторила Вера, широко распахнув глаза.

– Типа... того, – слова давались мне тяжело, но мне ещё

нужно было узнать, что же успела натворить Вера за время моего отсутствия. – Твоя очередь, – я многозначительно прищурилась.

Скрестив руки на груди и насупившись, Вера поведала мне о совершённой ею, по моему мнению, глупости, а, по её мнению, – отчаянного шага по спасению лучшей подружки: – Ты долго не выходила на связь, и я была не уверена, в сознании ли ты, и попробовала дозвониться твоей матери. В общем, она сказала, что сама не может выйти с тобой на связь. Спросила, когда я тебя в последний раз видела, и голос у неё был такой мрачный... Я психанула, решив, что они тебя добились, и приехала к вам домой, точнее, на дачу. Стала ломиться в дверь, и мне открыла твоя тётя. Если честно, я отпрыгнула от страха, когда она распахнула передо мной дверь. Она говорила вежливо, но было видно, что я она готова меня в лесу закопать. Домой она меня не пустила, что показалось мне очень подозрительным, я накричала на неё...

– Ты угрожала ей? – с мученическим вздохом спросила я.

– Да. Полицией, – она стыдливо покраснела, однако продолжила: – Твоя тётя только усмехнулась и сказала... Точно не помню, что-то вроде «такой крепкой дружбы и преданности я давно не встречала», – Вера пожала плечами, будучи до сих пор смущённой такой то ли похвалой, то ли издёвкой. – А потом пришёл твой дядя, тот самый, что забрал тебя вместе с отцом из моего дома. Он был на вид очень уставшим и понурым, и твоя тётя на него так посмотрела, – Вера смор-

щилась от мелькнувшего воспоминания.

– Как «так»? – уточнила я.

– Рассерженно, недовольно, гневно, – попыталась описать взгляд Вайноны Вера. Судя по всему, они искали меня, но у Меземира ничего не вышло. Интересно, писал ли он мне ещё что-то? Хотя пусть это лучше остаётся тайно. По крайней мере, ближайшие пару дней, пока я окончательно не приду в себя, если это вообще возможно.

После астрономии сразу же шла физика, на которой была запланирована контрольная работа. Я, хоть и готовилась, не была уверена, что написала её хорошо, т. к. уже при виде заданий у меня закружилась голова от их сложности. Казалось бы, вроде нас не должны трогать в мае перед экзаменами по предметам, которые мы не сдаём, но иногда всё равно перепало. Следующими были литература, русский язык, математика, физкультура и биология – они прошли весьма удачно, а на первых двух предметах я даже получила какую-то долю удовольствия. Так приятно делать то, в чём разбираешься...

До моего автобуса было ещё около получаса; мы шли с Верой до остановки, болтая о том, о сём, и я, сильно расслабившись, проговорила о сообщениях от Меземира.

– Тебе нужно срочно прочитать их все! Вдруг он написал, например, о том, что уже знает, где ты теперь живёшь? Вдруг тебе не стоит возвращаться к бабушке? – обеспокоенно затараторила Вера.

– Если он знает об этом, то мне в любом случае, необходимо приехать и проверить, всё ли в порядке с бабушкой, – нахмурилась я, отворачиваясь. И, видимо, не зря: из-за угла школы степенной походкой с устремлённым точно на меня взглядом выходил Меземир. Рядом закричал старенький общественный транспорт. – О, а вот и твой автобус! – наигранно радостно воскликнула я, толкая подругу к открытым дверям и заходя вместе с ней.

– Эй! Тебе же на другой надо? – недоумённо сказала она.

– Леня ждуть. Я лучше пересяду, – оплачивая проезд, буркнула я и бросила взгляд через плечо. Как ни странно, Меземира нигде не было видно. Не мог же он так быстро исчезнуть? Может, у меня галлюцинации начались на нервной почве?

Всю дорогу до своего дома Вера упрашивала меня посмотреть сообщения, но я упорно не поддавалась. После остановки, на которой она вышла, мне надо было проехать до ещё одной, чтобы пересесть на автобус до бабушкиного посёлка. Но прямо на подъезде к нужной остановке я увидела Меземира, одиноко стоящего у скамьи под навесом и вперившего свой странный тёмный взор на автобус.

– Кто-нибудь выходит на этой? – вопросительно крикнул водитель.

– Нет! – до неприличия громко завопила я, и водитель не стал останавливаться.

Ту часть города, в которую автобус поехал дальше, я по-

что не знала, а через пару поворотов так вообще перестала узнавать местность. У остальных пассажиров я одновременно и стеснялась, и боялась спросить, есть ли на пути пересадки на автобусы до школы или хотя бы до торгового центра или парка, где я хорошо ориентируюсь. Так я и доехала до конечной, однако выходить не спешила.

– Девушка! Конечная, – устало потирая глаза, оповестил меня водитель. Я не ответила: просто не знала, что нужно отвечать в подобной ситуации. «Да-да, сейчас выйду», – мне не подходило, покидать казавшийся таким безопасным автобус мне не хотелось, да и не знала я, как теперь добираться до дома.

С горем пополам, кусая щёки до крови и заламывая пальцы, я осмелилась и вышла наружу, пока водитель не позвал полицию или просто не выкинул меня из автобуса, схватив за рубашку. На улице я стала вертеться вокруг своей оси и пытаться решить, куда идти дальше. Можно было включить телефон и позвонить такси, но на него у меня не было денег, ибо я, забыв дома бутылку воды, потратила на неё деньги, которые могли бы оплатить мне подобный транспорт. А много денег я априори не брала в школу, потому что нередко были случаи кражи кошельков. Опечаленно свалившись на скамью, я сняла портфель, поставила его рядом с собой и вытянула ноги, принявшись задумчиво их рассматривать и ковырять чехол на телефоне.

«Может, сообщения действительно подскажут мне, что

делать дальше?» – подумала я и, делая вид, что просто сле-
дую совету Веры, поддалась собственному любопытству или
скорее отчаянию. Мой палец зажимал кнопку блокировки,
пока не загорелся экран. Зайдя в нужный мессенджер, я
услышала голос:

– Абсолютно правильное решение, – я с воплем вскочила
и отпрыгнула от его обладателя. С другой стороны скамьи
стоял Меземир, скрестив руки на груди и часто дыша, чего
он старался не показывать, глубоко вдыхая и выдыхая через
нос. Я же, наплевал на школьный рюкзак, отступила на пару
шагов назад, пошатываясь, круто развернулась и побежала,
что есть мочи, во дворы. В незнакомые, запутанные, тёмные
дворы. Меземир, безусловно, последовал за мной. Но, хоть
я и была в туфлях, я оказалась значительно быстрее. И это
значительно радовало меня, пока я не осознала, что Мезе-
мир каким-то образом всё это время мчался за автобусом, на
котором я ехала. Это ввело меня в лёгкий ступор, дыхание
сбилось, вследствие чего моя скорость снизилась.

Я боялась обернуться: в груди щемило ощущение непре-
кращающегося преследования, очень похожее на то, что по-
сетило меня ночью, когда мне казалось, что кто-то следит
за мной через окно. Хотелось плакать и кричать, что, веро-
ятно, могло бы и спасти меня, привлекая внимание людей,
но воздух, казалось, давно покинул мои лёгкие. Какой там
кричать? Я даже шептать не могла, лишь хрипеть от боли в
голом горле, обдуваемом холодным весенним ветром.

За очередным поворотом (похоже, я сделала круг) мне навстречу выскочил Меземир и – это мой портфель у него в руках? – остановился, ожидая, когда я в него врежусь, не вовремя остановиться. Но я не зря никогда не прогуливала физкультуру: успев среагировать, я побежала в противоположную сторону. Хотела свернуть налево, но там меня снова поджидал мой надоедливый родственник – пришлось выбрать правый путь. Ещё несколько его внезапных появлений на поворотах, и вот я уже около территории с заброшенными складами, на которых некогда случился пожар, который не смогли потушить из-за отсутствия окон. Признаться честно, я уже бывала здесь, причём ещё в начальной школе, когда более взрослые друзья моей соседки, с которой мы часто гуляли в детстве, взяли нас на слабо и отправили изучать эти зловонные и жуткие здания. Мы решились посетить лишь одно из них, но территорию между обугленных, но продолжающих стоять, бетонных коробок облазили вдоль и поперёк. Меземир вряд ли так же хорошо здесь ориентируется, как я, возможно, у меня получится запутать его. А там посмотрим, что буду делать дальше.

Для начала я решила запутать Меземира, войдя как раз в то здание, которое было мне известно изнутри, и выйдя через запасный выход, который ему ещё предстоит найти. Было видно, что главный вход недавно заколачивали, и почти сразу после этого хулиганы вновь разворошили его. Около проделанной дыры опасно торчали гвозди и обломки досок с

множеством заноз, где я, как бы ни старалась, оставила часть рукава школьной рубашки, а также несколько капель своей крови. Обманчиво поднимаясь по лестнице, чтобы потом спрыгнуть в дыру в полу на первый этаж, я обернулась: в дыре двери было видно бледное лицо Меземира, протянувшего руку к окровавленной занозе. Он глубоко вдохнул её запах и спрятал занозу в потайном кармане пальто, отломав её. Стоило поспешить, он почти догнал меня. Убедившись, что Меземир также стал подниматься на второй этаж, я подошла к дыре и присела на край. Точнее, попыталась это сделать. Мои ноги просто заскользили по прозрачной поверхности, и я больно приземлилась на спину, распластавшись звездой на грязном пыльном полу, в глазах заплясали разноцветные мушки. Не прошло и минуты, как надо мной навис Меземир с мрачным выражением лица и поднял меня, крепко держа за плечи. Сопrotивляться не было ни сил, ни возможности – уж очень крепкой была его хватка. Он втолкнул меня в один из бывших кабинетов, и я тут же отбежала в дальний угол помещения. К моему огромному удивлению, кабинет выглядел новым, будто он пропал на время пожара из здания, а потом появился обратно, и его регулярно убирали. Меземир попытался подойти ко мне, повесив мой рюкзак на спинку стула, но я заметалась по помещению, пытаясь не дать ему сократить расстояние между нами.

– Что тебе, чёрт возьми, надо от меня, придурок?! – когда у меня чуть-чуть восстановилось дыхание, отрывисто завиз-

жала я, готовая вот-вот начать биться головой о стены в истерике. От тёмного и давящего взора Меземира холод гулял по моей коже, а ком, не иначе как из колючей проволоки, до темноты в глазах сдавливал грудную клетку.

– Прекрати орать, как будто тебя убивают! – грубо рявкнул Меземир, перекрывая собой проход, когда я в очередной раз попыталась выбежать через него.

– А разве это не так?! – с сардоническим смешком воскликнула я, разводя руки в стороны. Меземир, услышав это, нарочито расслабился и повесил руки вдоль тела, прекратив скалиться. Я же только сильнее напряглась и сглотнула, вжав голову в плечи.

– Я тебе писал.

– Что ты мне писал? – ехидно выделив первое слово, тоненьким голоском сказала я.

– А надо было прочесть! – не выдержал и снова зарычал Меземир, ощерившись, точно волк перед броском на проворного, изрядно поднадоевшего своей прыгучестью зайца. Он снова попытался приблизиться, но остановился, когда я схватила со стола статуэтку в виде какой-то птицы и замахнулась ей на него. Он тяжело вздохнул и помассировал виски, пытаясь успокоиться. Волосы его стали топорщиться в разные стороны, придавая ему совершенно диковатый вид. – Послушай... – Меземир сделал маленький шаг вперёд, но я вновь встала в оборонительно-атакующую позу, подняв над головой статуэтку и широко расставив ноги, и он присел на

стул. – Я понимаю, для тебя всё это – настоящий ужас, и ты не знаешь, как себя вести. В конце концов, твои родители не рассказывали тебе в детстве о магии и о том, что ты сама можешь оказаться ведьмой...

– Ужасом данное известие сделал не сам факт существования волшебства, – презрительно бросила я. – А вы – мерзкие уроды, решившие, что смеете отравлять мою жизнь с самого раннего детства! – не понятно откуда взяв столько смелости, с чистой ненавистью зашипела я. А Меземир даже бровью не повёл на открытое оскорбление, вместо этого продолжив: – ... я же жил среди магии и магов с рождения, и всегда знал своё предназначение. Хоть и надеялся, что коснётся оно не меня, – в какой-то момент я перестала понимать, что он имеет в виду, но всё равно внимательно слушала, надеясь, что это поможет мне в будущем. Когда возникшая пауза затянулась, я решила уточнить, о каком предназначении идёт речь. Он, казалось, только этого и ждал: – Предназначение наше заключается в вечной службе, смерть которой – не помеха. Когда-то давно ряды волшебников сильно поредели из-за инквизиций и простых охот на магов, и наши предки обратились за помощью к тому, кто точно имел силу и резон защищать нас.

Внутри меня похолодело от осознания, но я всё же решила убедиться в правильности хода моих мыслей, а точнее, наоборот, в том, что ошибаюсь: – И к кому же?

– К дьяволу, – тихо, но вполне различимо произнёс Ме-

земир, скрепив руки в замок на коленях и заметно сторбившись. Похоже, эта тема также давалась ему тяжело.

– К...? А я-то тут причём?! Я не собираюсь!.. И вообще, у меня бабушка верующая! – заикаясь от ужаса и хватаясь за волосы, затараторила я. Вот тебе и родственнички! Врагу не пожелаешь! Это что же? Я какая-нибудь нечисть по происхождению или что?! Ох, хоть бы всё это действительно оказалось галлюцинацией, как мы изначально с Верой думали!..

Меземир просто отмахнулся от моих слов: – Ты тут вообще и не причём, но вряд ли тебе позволят принять другое решение. Поверь, Вайноне ничего не стоит запутать тебя и заставить пройти ритуал, во время которого ты подпишешь контракт с самим чёртом, продав ему свою душу взамен на защиту, – он резко поднялся и подошёл к окну, заставив моё сердце больно удариться о рёбра – так сильно меня это напугало.

– Но я не хочу! Пусть лучше меня сожгут на костре, но душа останется при мне, – без доли аккуратности растирая слёзы по лицу, чтобы те не мешали видеть, лепетала я всё тише.

– В таком случае, ты должна принять мою помощь и научиться управлять своей магией, чтобы суметь противостоять Вайноне, – наконец, подвёл к своему предложению Меземир, постаравшись по-доброму улыбнуться. Но он так давно не делал этого, что мне показалось, будто он содрал улыбку с чужого лица и приклеил на своё, хмурое.

– Спасибо, что предупредил, – сказала я, медленно двигаясь в сторону выхода. – Но я вынуждена отказаться. Думаю, что где-нибудь в Белоруссии найду себе новый дом и имя.

– Её звали Лада.

– Кого? – почти с истеричным недоумением приснула я. Чем больше он пугал меня, тем агрессивнее я становилась. Мне всё это решительно не нравилось: ни то, что я оказалась колдуньей, ни то, что это напыщенный индюк взялся меня учить быть ею, причём в тайне ото всех, что только больше напрягало. Кто сказал, что он всё это не выдумал? Может, он и есть главный злодей, откуда мне знать?

– Мою сестру, – глухо бросил Меземир. Неожиданно. У него есть сестра? Хотя, судя по всему, была...

– И, – я немного замялась. – Что же с ней произошло?

– Её убили, – то ли заикнувшись, то ли кашлянув, ответил Меземир. Он отошёл от окна и повернулся ко мне. Лицо его было как никогда бледным, а глаза лихорадочно бегали от моего лица к двери позади меня.

– Кто? – тихо уточнила я, опасливо поглядывая на колдуню и, как я надеялась, незаметно пытаюсь снова подойти к двери.

– Я, – донельзя понизившимся голосом сообщил Меземир. Его зрачки сузились на мне, и мой жалкий рывок в сторону выхода был предупреждён. Дверь захлопнулась; холодный поток воздуха всколыхнул мои волосы, но вместо бодрящего эффекта, будто бы затуманил разум ещё больше. Од-

нако кое-что до меня всё же дошло: я одна, запертая в комнате с психом, в неизвестном месте, о котором не знает никто, кроме этого самого психа. Ах да, ещё я никого не предупредила, что Меземир преследует меня, соответственно, с него в случае чего будут спрашивать в последнюю очередь.

И вот теперь я, чувствуя себя как загнанный к волку в клетку заяц, встречу свою смерть. А если взглядеться в то, как подрагивают пальцы мага и нервно подергивается левый глаз, то можно рассудить, что гибель моя будет мучительной.

Трусливо зажмуриваю глаза, поджимаю губы и вытягиваюсь по струнке, прижимаясь спиной к стене, словно это хоть как-то облегчит мою участь. Я не приняла свою судьбу, но вместо плана побега или идеи, как можно обмануть Меземира, в голове вертеться вопрос: заслужила ли я встретить свою смерть так рано?

– Одной из главных особенностей ритуала является жертвоприношение. Будущий чёртов слуга должен принести тело и душу своего самого близкого человека в жертву дьяволу, – хриплым голосом с надрывом пояснил Меземир.

– И ты согласился? – глупо. Очень глупо с моей стороны было произносить это вслух. Меземир надел на лицо бесчувственную маску и небрежно отмахнулся: – Как я уже говорил, Вайноне ничего не стоит заставить тебя сделать это.

– погоди, – нахмурилась я. – Значит мне придётся?..

– О, да! – перебил меня тот. – Выбирай: мама или папа? Бабушка? Или, может, твоя храбрая сердобольная подруга?

Как её там? Вера, я прав? – он насмешливо изогнул бровь. – Она уже познакомилась с Вайноной, не сомневаюсь, что её глаз уже пал на твою Веру...

– Я понимаю, – с дрожью протянула я и, на миг зажмурившись, чтобы задержать слёзы, спросила: – Но какое тебе дело до моих проблем? Для чего тебе помогать мне? – на этот раз я не сопротивлялась и позволила ему подойти ко мне. Он наклонился и, заглядывая мне не глаза, а прямо в душу, процедил:

– *Месть.*

Глава 6. «Первый урок ворожбы»

В тот день, когда я заключила сделку с Меземиром (чтобы не заключать сделку с дьяволом), он любезно отвёз меня к бабушке. Однако лишь для того, чтобы я собрала свои вещи и вернулась на дачу к родителям и остальным родственникам. Бабушка Иста, конечно же, была недовольна этим решением, которое и мне-то далось с трудом, но, либо я сама приду к Вайноне и заслужу хоть какое-то снисхождение, либо она рано или поздно придёт за мной. И вот тогда-то ни Меземир, ни, тем более, бабушка мне не помогут. Да и для исполнения нашего плана мне необходимо было претворяться покладистой ведьмой, которая так и жаждет научиться тёмной магии и восславить служителей сатаны.

Бр-р! Как же мерзко думать об этом!

С горем пополам, но, выслушав задуманное нами, бабушка отпустила нас, взяв с меня обещание, что я буду периодически звонить ей и докладывать, всё ли в порядке, и, если что, сразу же сообщу ей, и мы покинем город, спрятавшись у кого-нибудь из дальних родственников с её стороны.

– Как ты думаешь, я справлюсь? – взволнованно спросила я у Меземира, когда мы заезжали в дачный посёлок. Он хмуро посмотрел на меня через зеркало заднего вида, и я уж думала, он скажет что-то вроде «у тебя нет выбора», но вместо этого услышала: – Ты со всем справишься. *Мы* справим-

ся, Люда, – он усмехнулся.

– Я же могу тебя так называть?

– Тогда ты отныне будешь зваться Межей, – лукаво прищурившись, сказала я.

– Нет, это же полная потеря субординации! – мне показалось, или он шутит? Что ж, похоже, наше дальнейшее общение не будет столь невыносимым, как я опасалась.

– Тогда дядя Межа, – невинно похлопав глазками, рассудила я.

– Пока сойдёт, – со вздохом согласился он. – Но при Вайноне я колдон Меземир, запомнила? – со всей серьёзностью предупредил Меземир.

– Колдон – это типа колдун и дон? – с недоумением уточнила я.

– Да. Об остальных титулах тебе расскажет либо Вайнона, либо я сам, – он сделал небольшую паузу, размышляя о чём-то. – Сомневаюсь, что к тебе подпустят Всевиду.

– Почему? – удивилась я. Это показалось мне странным, как никак, Всевида была мне бабушкой, и, по логике, если она вообще было у магов, именно она должна была меня обучать.

– Она... немного не в себе, – с сардоническим смешком ответил Меземир, и я решила, что расспрошу его об этом позже.

Если честно, в первые секунды после того, как я ступила на территорию нашего дачного участка, мне хотелось раз-

вернуться и убежать, куда глаза глядят. Пусть даже снова в тот злополучный лес. Но мне этого не дал сделать Меземир, при том, что он не удерживал меня насильно, а наоборот – поддерживал морально. Одного лишь его успокаивающего и уверенного взгляда хватило мне, дабы набраться собственной храбрости и с гордо поднятой головой прошеествовать до дома.

Навстречу мне как ошпаренные выбежали родители и, не дав мне опомниться, заключили в объятия. Слово «заключили», причём, здесь упомянуто в самом из прямых значений. Меня будто ужалили: так неприятно было, что они смеют прикасаться ко мне после того, как сами меня отвергли. Это было сравни предательству, и мне было противно. Я не грубо, но без сомнений брезгливо отодвинула их от себя, что не составило мне никакого труда, т. к. моя физическая сила заметно возросла после слияния с магией. И пусть Меземир объяснил мне, что их страх в ту ночь был вполне обоснован, и мне стоило злиться на родителей. Но я считала их виноватыми в том, что со мной произошло ровно наполовину, а это уже не мало. Кто-то скажет, мы должны быть благодарны нашим предкам за то, что те позволили нам появиться на свет, но я не просила их рожать меня, прекрасно осознавая при этом, что я могу унаследовать, и как это будет меня мучить. Это даже не наследственное заболевание, это – самое настоящее проклятие, которому они позволили продолжиться в моём лице. Немаловажным и ужасным также было то, что

вообще позволили Вайноне приблизиться ко мне. Они могли бы оборвать все связи с ней (всё равно как не волшебники они не интересовали её), но не сделали этого, и вот теперь она знает, что я ведьма, и хочет сделать из меня очередное чудовище.

Я впервые за всю свою жизнь взглянула на родителей свысока – так, что они поёжились, будто я окатила их холодной водой. Однако недолго продлилось это странное чувство превосходства, я всё же была совестливым человеком, и мне стало стыдно. Я поникла, ссутулив плечи и опустив голову, и зашла в дом, тут же направившись в зал, где меня ждала тётка. Она вальяжно сидела на диване и, при этом, умудрялась выглядеть достойно и величественно. Если бы я не знала её гнилую душонку – что звучит весьма иронично, учитывая, что она её продала – то подумала бы, что она не иначе как благородная царица. Сегодня на ней было чёрное траурное платье, украшенное кричаще красными кружевами, а на пальцах зияли перстни с рубинами и красными изумрудами. Кажется, Меземир упоминал о том, что на них также начерчены руны.

– И какого это? – находясь в довольно хорошем расположении духа, с придыханием спросила Вайнона вместо приветствия.

– Что? – поначалу растерялась я.

– Ощущение силы, свободы, полного контроля над собой и своей жизнью, – тётка изящно поднялась с дивана и ста-

ла обходить меня по кругу. Не то чтобы мне нравилось чувствовать её за своей спиной и не видеть, что она намерена делать, но я не показала своего страха, заслужив одобрение в её глазах. Она махнула рукой в сторону двери, велев последовавшим за мной Меземиру и родителям удалиться, и по поджавшимся губам дяди я поняла, что он не очень-то рад такому раскладу, но вынужден повиноваться.

– Ты уже знаешь, кем являешься, – прозвучало скорее утвердительно, чем вопросительно, но я всё же ответила: – Колдон Меземир кое о чём просветил меня.

– Очень хорошо, – крайне удовлетворённо протянула Вайнона и положила мне руки на плечи, сильно впиваясь ногтями. Я вовремя сжала зубы, чтобы не закричать от боли. Либо она не понимала, что причиняет боль, либо намеренно это делала. Второй вариант, к слову, был более правдоподобным. Я стойко перенесла эту пытку, и тётка отпустила мои бедные плечи, возвращаясь в поле моего зрения.

«Ну, у неё и когти!» – мысленно фыркнула я, увидев хищный маникюр Вайноны.

– Следуй за мной, – она поманила меня за собой, и через пару минут я с глубочайшей досадой осознала, что она тащит меня в подвал, где я несколько дней назад проснулась и окунулась во все «прелести» ведьминских будней.

Он был всё таким же тёмным и мрачным (и невероятно душным), но каменное возвышение, на котором я проснулась, успели убрать и заменить огромным письменным сто-

лом со стульями, а на стену повесили на первый взгляд обычную карту, которая при детальном рассмотрении вызывала множество вопросов. Но я не думала, что уже имею право, по мнению Вайноны, их задавать. Возможно, Меземир что-то разъяснит мне, если получится. Единственное, что мне удалось запомнить до того, как Вайнона окликнула меня и пригласила сесть за стол, это парочка наименований над Москвой и Смоленском: «Тревзор» и «Древич». Что это означало, можно было гадать до бесконечности.

Я покладисто села, постаравшись сильно не скрипеть стулом, и стала ждать дальнейших указаний. Вайнона взяла с полы книгу страниц, наверное, в тысячу. Она была в кожаном переплёте металлическими узорами, оплетавшими её, словно броня. Посередине обложки сияли две голубые точки, напоминая глаза, а также покоилась самая настоящая пентаграмма в классическом её представлении.

«Жуть», – подумала я, боясь даже прикоснуться к странной книжке. К счастью, этого делать и не пришлось. Тётка сама открыла нужную страницу и далее сделала то, чего я уж точно не ожидала: она взмахнула рукой, и стол вместе со стулом, на котором я сидела, взмыл в воздух на полметра. Я крепко ухватилась за края сидения, а Вайнона покрутила ладонью, из-за чего стол и стул повернулись к доске для мела, что до этого находилась сбоку от меня. Теперь же я смотрела прямо на неё. Наконец, Вайнона закончила полёт, и я смогла выдохнуть с облегчением. Помня о том, что Ме-

земир советовал время от времени льстить Вайноне, я с восхищением сказала: – Если я когда-нибудь смогу также, то я готова учиться дни и ночи напролёт, – тётка снисходительно рассмеялась, а её бледные щёки впервые у меня на виду покраснели от самодовольства. Но вскоре её лицо приобрело серьёзное выражение, и она, наконец, начала свой вступительный рассказ:

«Тысячи лет тому назад на заре древнейших цивилизаций небеса сжалились над умирающими от войн и болезней людьми и наделили некоторых из них, самых достойных и благородных, великой силой. Это были первые ведьмы и колдуны, верные посланники небес, призванные оберегать род человеческий от бед и несчастий. Они могли вылечить почти все недуги, а одно их слово могло остановить самую кровопролитную войну, и древние вожди стали держать их при себе, чтобы контролировать их силу и помощь, оказываемую людям. Но не все волшебники согласились служить правителям, многие из магов прошлого не стремились к власти и не хотели подчиняться воле государевой, желая помогать народу бескорыстно и безвозмездно... Какими же они были глупцами! Правители видели, что люди гораздо больше любят не требующих плату за добро волшебников, чем своих алчных господ, и боялись, что однажды ведьмы и колдуны объединятся, дабы свергнуть правящие династии и забрать себе всю власть над этим миром. И тогда-то на Великом Тайном Совете они придумали Инквизицию. Нелегко им было внушить

простому люду то, что маги теперь – враги. Они подставляли волшебников, убивая и обвиняя их, подкидывая заражённые тела в селенья, где недавно проходили чародеи, похищая детей и оставляя их на порогах волшебников. Очень быстро народ стал забывать о прежних деяниях ведьм и колдунов. Ненависть, вызванная обманами правителей, заполонила их сердца. Люди начали охоту на волшебников и почти сгубили весь их род. Маги искали помощи у светлых сил, но всё равно массово погибали. Их сжигали на кострах, топили в священных реках или разрубали на куски, пока одна старая и мудрая ведьма не нашла способ спасти своих братьев и сестёр. Поняв, что светлые силы, дары лечения и мира, не способны дать отпор озверевшей толпе, она обратилась к тёмным, чем спасла своё родное волшебное поселение. Она заключила сделку с дьяволом, который до этого считался врагом, продала ему душу, а взамен получила мощь, способную уничтожить толпу воинов. Она передала эти знания своим соплеменникам, и те, пусть и сомневались, но тоже заключили договоры с сатаной, спасая тем самым многих своих братьев. Потом они разбрелись по миру, чтобы уговорить других магов продать свои души и получить за них спасение от казни инквизиторами. Со временем заключение контракта стало традицией, и отныне на следующий день рождения после соединения волшебника с его магией он обязан пройти ритуал и заключить спасительный договор».

Эта история действительно впечатлила меня. Меземир

поведал её мне весьма сжато. Наверное, он хотел, чтобы мои чувства отразились на лице, и Вайнона стала больше доверять мне. Во всяком случае, я даже и не знала, что думать. С одной стороны, я прекрасно понимала волшебников, которые в отчаянии обратились за помощью к тому, кто, грубо говоря, первым предложил, а с другой – я недоумевала оттого, что теперь, когда мы, маги, в безопасности, нас всё равно заставляют проходить этот чёртов ритуал, продавать свои души и убивать близких нам людей! Тут явно есть какой-то подвох, да и очень мне хотелось послушать эту историю с разных точек зрения. Не стоит и сомневаться в том, что Вайнона или тот, кто передал ей и другим магам эту информацию, вывернул её в выгодную себе сторону! А, учитывая то, что доселе я ни разу не получала никакого добра от Вайноны, верить в то, что её мотивы положительные, я не собиралась.

После краткого введения в историю волшебников Вайнона рассказала мне о парочке тонкостей в иерархии магов. На вершине пирамиды стоял, естественно, «Тёмный Владыка», именуемый в простонародье «чёртом» или «лукавым», под ним находился Теневой Князь, посредник между Владыкой и его слугами, далее следовали различные маграфы, чародессы и др. Я, конечно же, с первого раза всех не запомнила, но, по крайней мере, узнала, что Меземир занимает предпоследнюю ступень как колдон. Несложно было догадаться, что Вайнона недовольна тем, что он находится практически

в самом низу их иерархии и не хочет двигаться дальше.

– На сегодня всё. Прочитай первые двадцать страниц к следующему дню, и уже через пару занятий я дам тебе заклинание для ритуала, чтобы ты выучила его наизусть и без запинки, – сказала Вайнона безапелляционным голосом, но я не смогла сдержать удивления: – А... Вы не будете учить меня колдовать? – Меземир сказал, что до ритуала меня должны научить парочке заклятий, чтобы я продемонстрировала свой потенциал.

– О, дорогая! – она схватила меня за подбородок, заставляя посмотреть ей в глаза. – Ты не должна сейчас колдовать. До ритуала твои силы остаются светлыми – не стоит портить твою душу ненужной энергией. Обычно я разучиваю с юными магами до ритуала некоторые чары, но лишь для того, чтобы увидеть их магические способности. Ты же свои прекрасно показала, когда проклинала того мерзкого мальчишку! – Вайнона расхохоталась, как гиена, а я чуть было не уронила челюсть на стол. Это она про Звёздочку, что ли?.. Ох, а я и забыла о нём! Получается, это и вправду я с ним такое сделала?! И его дядя-полицейский не зря меня чуть не прибил в допросной!

– Вижу испуг на твоём лице, – перестав смеяться, низким журчащим голосом произнесла Вайнона. – Не волнуйся, ты научишься контролировать свои силы и больше не будешь мелочиться.

Она отпустила мой бедный подбородок и подошла к вы-

ходу, поманив меня за собой. Я в последний раз посмотрела на карту со странными названиями и вышла.

Стоило Вайноне и родителям покинуть дом и отправиться по делам, мы с Меземиром поспешили в его тайное убежище, в которое он заманил меня в прошлый раз, когда я хотела сбежать от него через заброшенные склады. Способ передвижения был весьма необычным, и мне, на самом деле, очень понравился. Как оказалось, Меземир обладал чем-то вроде суперскорости, при этом, будучи не очень выносливым, но этого вполне хватило, чтобы домчать нас до складов за семь минут вместо сорока. Я, к слову, бежала вместе с ним, а не висела на его спине или руках. К сожалению, среди моих способностей не было сверхскорости, но были инстинкты ведьмы. Моя магия инстинктивно настраивала меня на энергию Меземира, и я каким-то неведомым образом набирала такую же скорость, как и он, никак не вредя себе.

Несмотря на то, что времени у нас было не так уж и много, я никак не могла успокоиться и приступить к первому своему уроку волшебства или, как называл это дядя, уроку ворожбы. Меня всё ещё одолевали восторженные чувства по поводу, по сути, моего первого осознанного волшебства, и, в то же время, я готова была расплакаться. Я рассказала Меземиру о том, как ненамеренно прокляла Веточкина, и мы вместе стали думать, как же решить эту ситуацию.

– И ты говоришь, что его дядя-следователь знает о суще-

ствовании магов? – напряжённо уточнил Меземир.

– Да. Он сказал, что знает, как это бывает. Он уже видел подобное проклятие и его последствия, – я устало прикрыла рукой глаза. Сегодня я опять пропустила школу, чтобы вернуться на дачу к родителям и получить уроки от Вайноны и Меземира, но складывалось ощущение, как будто сегодня было не менее пяти контрольных по физике – так я утомилась.

– У меня есть подозрения, но пока я не готов дать определённый ответ, – задумчиво потирая отросшую бородку, протянул он. – Решено, – он стукнул по столу и заговорщицки улыбнулся. – Это будет твоим первым уроком – снятие проклятий. После того, как мы открыто предадим Вайнону, проклятия будут сыпаться на нас со всех сторон. А раз уж накладывать ты их уже умеешь, то пора бы научиться снимать.

– погоди, ты сказал «открыто предадим»? – я чуть не подавилась воздухом от шока.

– Да, а ты думала, нам удастся убрать её по-тихому? Я уверен она уже пол сестринства Рогнеды, в которое вступила, когда переехала в Скандинавию, пригласила на твой ритуал посмотреть. А мне, кстати, поручила пригласить некоторых магов из братства Тревзора, – так вот что это за надписи. Это названия братств и сестринств! Насколько мне известно, это что-то наподобие объединений ведьм и колдунов, занимающих те или иные области, чтобы контролировать их, отслеживать рождаемость волшебников, судить их на своей тер-

ритории и следить за тем, чтобы простые люди не узнали о нашем существовании. И я, похоже, сдала одного несчастного человека тому, кто может и убить его за осведомлённость в существовании магии...

– Я просто не думала, что всё так глобально, мы будто... хотим противостоять всему миру, – неуверенно, заламывая пальцы, пролепетала я.

Меземир серьёзно закивал в ответ: – Так и есть.

– А как же... мои родители, бабушка, Вера? Мне придётся оставить их и посвятить себя твоим далеко идущим планам по свержению тёмных властелинов? – я нервно хихикнула, поглядывая на дядю исподлобья. Меземир недовольно поджал губы.

– Я вовсе не заставляю тебя следовать за мной. Мне нужна твоя помощь, чтобы одолеть Вайнону во время её уязвимости, т. е. проведения ритуала, а дальше – хоть на все четыре стороны, – он раскинул руки в стороны, неодобрительно смотря на меня. – Вот только не забывай, что одно только твоё присутствие в жизни твоих близких делает их огромной мишенью для твоих врагов, коими уже можно назвать почти половину магов со всех материков! Да и Вайноной, увы, всё не закончится. После неё объявится следующая наша общая родственница или родственник, и тогда-то на тебя найдётся управа, – он уставился прямо в мои глаза, полные ужаса, и немного смягчился: – Есть, конечно, ещё один вариант: убить близкого человека и продать свою душу чёрту.

Но, я полагаю, ты на такое никогда не пойдёшь, – я ничего не ответила, продолжая взволнованно поглядывать на него, и, в конце концов, он изнурённо вздохнул и бросил через плечо у самой двери: – Я вернусь через пару минут.

– Вайнона... Она заставила тебя... Как она это сделала? Это её способность? Убеждение? Контроль сознания? – тихо и невнятно спросила я, но Меземир услышал.

– Что заставила? – он непонимающе нахмурился.

– Убить... сестру, – эти слова дались мне с большущим трудом. Но всю тяжесть их веса я ощутила, когда увидела по-настоящему печальный и скорбный взгляд Меземира.

– Нет, – он отрицательно покачал головой, отворачиваясь. – Это была способность Лады.

Вернулся он не через пару минут, а через десять. Но за это время он успел немного остыть, и уже совсем скоро мы приступили к краткой теории и практике.

– Даже если ты понимаешь, что не сможешь до конца увернуться от проклятия, всё равно пытайся сделать это. Тёмные проклятия имеют большие последствия, когда попадают прямо. Исключения составляют области сердца и головы: там уже вряд ли ты сможешь сама себя расколдовать, если выживешь. Честно признаюсь, в снятии проклятий я не специалист, да и таковых уже века четыре ты не сыщешь, но результаты подросткового бунта устранить я могу и тебя научу, – объяснял Меземир, а затем добавил с хитрецей: – Если ты, конечно, хочешь лечить этого крысёныша.

– Если бы я просто его ударила, я бы не жалела ни капельки, – увернувшись от лёгкого проклятия Меземира, призналась я. – Но тут я ему даже шанса не оставила. Он хоть и не святой, но явно не заслужил такой участи. Есть, знаешь ли, люди и похуже.

– Размышляешь здраво, – согласился Меземир. – Итак, – он выпрямился и достал из скрытого кармана пальто то, за чем, собственно, и выходил. – Я прокляну эту крысу так же, как ты прокляла того мальчишку, а ты попытаешься снять проклятие, основываясь на одних своих ощущениях.

– Это, безусловно, весело, – вовсе не считая это весёлым, саркастически фыркнула я. – Но как ты себе это представляешь? У меня нет ни опыта, ни знаний!

– Ты отказываешься, не попробовав, – оставался непреклонным Меземир. – К тому же, у тебя будет соответствующая мотивация: я не стану расколдовывать зверя, если у тебя не получится. Так что, постарайся хотя бы ради него, – он потряс находящейся в состоянии принудительного сна крысой в воздухе и положил её на стол. Сняв с правой руки перчатку, он прикоснулся ко рту крысы, и тот прямо на глазах стал покрываться корочкой.

Я безглаголиво поморщилась и подошла к столу. Осмотрев лежащую крысу со всех открытых сторон, и, не решаясь прикоснуться, я попыталась включить всю свою фантазию и знания в области биологии, но так ни к чему и не пришла.

– Ты можешь хотя бы намекнуть, что я должна делать? –

раздражённо сказала я.

– Ты, видимо, меня совсем не слушала. Мне на расстоянии нескольких метров слышно, как в твоей голове вертятся шестерёнки, когда как я сказал полагаться на свои чувства, – Меземир подошёл и осторожно взял меня за руку. Переплетя наши ладони, он поднёс их к зверю. – Расслабься, будто готова поведать этой крысе все свои секреты, – я усмехнулась и попыталась сделать так, как он просил. И это, на удивление сработало, мой разум словно стал более чистым и свободным. Его можно было сравнить с душевной комнатой, в которой открыли настежь окно и впустили свежий зимний воздух. Но через несколько секунд это воздух сменился ядовитым зловонием, когда я вспомнила, что мне нужно сосредоточиться на крысе. Похоже, этот ужасный «запах» и был результатом проклятия, о чём я сообщила Меземиру: – Я чувствую, что она проклята, – он сразу же всё понял, и искренне улыбнулся, радуясь за меня.

– Теперь найди источник заразы, – Меземир убрал свою руку, из-за чего мне пришлось перенастраиваться и заново расслабляться, однако после я поняла, что без чьей-то помощи намного легче устанавливать контакт, если уже умеешь это делать. Я прикрыла глаза, предполагая, что так легче будет «последовать за зловонием», но дядя одёрнул меня.

– Нельзя закрывать глаза! Ты должна видеть, что происходит с жертвой проклятия, пока лечишь её, – я не совсем поняла, почему я не могу закрыть глаза, но решила послу-

шаться старшего мага. Внутренне напрягшись, я вцепилась своей энергией в ниточку проклятия и проследовала к самому источнику. Он оказался слабым и незащищённым, пусть и спрятанным, и я оповестила дядю о находке.

– Очень хорошо! Теперь уничтожь источник.

Недолго думая, я решила сдавить источник со всех сторон, что у меня с лёгкостью получилось.

– Отпускай крысу медленно, чтобы не повредить ни физическую, ни ментальную оболочку, – предупредил Меземир, с удивлением разглядывая мою работу. Закончив, я вытерла пот со лба. Постаралась я на славу, и сил почти не осталось, но я в кои-то веки была довольна собой. – Поразительно аккуратная работа для столь юной и вспыльчивой особы, – усмехнулся дядя.

– Благодарю, – похвала хоть и была приятной, но меня больше заботило состояние крысы. Корочки ещё не успели склеить ей рот, но всё же успели появиться и пожелтеть. Но, главное, что этот процесс остановился, а дальше всё сделает регенерация. – Есть ли какое-то зелье, чтобы ускорить выздоровление? – ожидаемо спросила я. Меземир кивнул: – Есть. И ты его сейчас используешь, – он достал из другого кармана маленький пузырёк с болотного цвета жидкостью и пипетку. – По одной капле на каждую губу... – Меземир озадаченно поглядел на крысу, – ... если у неё, конечно же, есть губы.

С филигранной точностью выполнив указания, я с зами-

ранием сердца стала наблюдать, как чешуйки медленно суживаются и отслаиваются, а под ними появляется новая розовая кожа.

– Это ли не чудо? – выдохнул Меземир, тоже наблюдавший за процессом. Краем глаза я заметила тёплую улыбку на его лице и не смогла сдержать своей.

Глава 7. «Да пребудет с нами Господь!»

Данную ситуацию можно было бы назвать комичной, и, вероятно, когда-нибудь я и буду вспоминать её именно в таком ключе, однако в данный момент я готова была плюнуть на всё и увести безмятежно сидящего за бабушкиным столом с ажурной розовой скатертью Меземира из дома Исты и любым способом стереть ему память об этом месте. Всё ещё сложно было с уверенностью сказать, доверяю ли я ему, и если сама я уже не боялась поворачиваться к нему спиной, то видеть, как к нему спиной поворачивается бабушка, которая была обычным слабым человеком, было выше моих сил.

Мы с дядей сидели за столом, в то время как бабушка Иста жарила сырники и расспрашивала нас о том, как идут наши дела и не изменились ли наши планы.

– Значит, вы сбежите ещё до того, как начнётся этот ритуал?

– Да. Но перед этим мы позволим Вайноне начать её обряд как жрицы, во время которого я убью её, и мы сбежим, – уточнил Меземир и сделал пару глотков травяного чая, который любезно налила ему бабушка.

– Вы же понимаете, Меземир, что я доверяю вам самое дорогое, что у меня есть, – строго начала бабушка. От её то-

на Межа даже весь подобрался и выпрямился, внимательно вслушиваясь в каждое слово. – Вы точно уверены в своей силе?

– Я точно уверен в своём уме, – непоколебимо ответил он, и бабушка, кажется, поверила ему, судя по потеплевшему взгляду её карих глаз.

– Что ж! Самое время проверить это! – она выключила плиту, вытерла руки о полотенце и сказала: – У нас кончилась любимая людошкина сметанка и сгущёнка! А ещё куча всяких продуктов! Ни она, ни я одни их не донесём.

– Вы ещё просто не видели настоящей силы вашей внучки, – с некой гордостью, из-за которой я смущённо покраснела, произнёс Меземир. – Но я не против помочь вам, – он поднялся из-за стола, я встала вслед за ним, но была остановлена одним жестом руки. – А ты оставайся. Тебе нужно готовиться к экзаменам.

– Какой смысл? Всё равно в универ я вряд ли поступлю с таким образом жизни, – хмыкнула я. Меземир строго сощурился.

– Чтобы я большего подобного не слышал, юная ведьма! – бабушка вторила ему грозным шиком, но по глазам было видно, что она смеётся.

– Ладно-ладно, – я подняла руки, сдаваясь под их напором. – Но не забудьте купить мне шоколадку.

Провожая их, я всё никак не могла успокоить себя. Почему-то мне казалось, что скоро должно произойти что-то

плохое, но я старалась заставить себя надеяться на лучшее. В конце концов, если у Меземира злые намерения, то что мешает ему расправиться с бабушкой в любое другое время? Фу, даже думать об этом не хочу.

Кое-как отвлечшись на уроки, я и не заметила, как дядя с бабушкой и пришли. Понять, что я уже не одна дома, меня заставил стук в дверь.

– Я ухожу, – это Меземир пришёл попрощаться.

– Далеко? Ты заедешь за мной вечером, или мне своим ходом домой добираться?

– Я заеду, и... возможно, нам вместе придётся кое-куда зайти, – не глядя на меня, задумчиво пробормотал Меземир и, попрощавшись, ретировался.

Я пожала плечами, почти привыкнув к тому, что эти маги постоянно куда-то пропадают, убрала учебники и пошла пить чай с бабушкой.

Не веря в то, что он мог решиться на это, да ещё и так быстро, Меземир остановился около ограждённой ветхим забором территории церкви Святого Уриила или Архангела Уриила и в кои-то веки неуверенно посмотрел вперёд. Обычно он просчитывал каждый свой шаг, и самым спонтанным своим решением за последние двадцать лет он мог назвать разве решение взять Людмилу в ученицы и устроить им обоим фееричный побег, и это при том, что, прежде чем предложить ей этот самоубийственный план, он продумал

все его детали. А теперь получается, что он не только был готов всё порушить и изменить, казалось бы, вполне разумный замысел, но и подвергнуть племянницу сомнительной с точки зрения обычного колдуна авантюре. Но Меземир не был обычным колдуном, он был гораздо умнее и успел повидать на своём веку самые разные чудеса.

«Чему быть – того не миновать», – он глубоко вздохнул, ступил на территорию церкви и широко зашагал ко входу в само здание, минуя небольшой огородик и загончик с козами. Когда он проходил мимо животных, те заблеяли и затопали копытами, норовя выскочить и растоптать его, на что колдон только сардонически оскалился и продолжил путь. У огромных дубовых дверей, над которыми висел крест, Меземир повернулся вокруг своей оси и спиной зашёл внутрь, невзирая на встреченное сопротивление.

Доносившийся до этого хор голосов тут же прекратился. Все служители церкви заохали и заохали несмотря на то, что многие из них не до конца понимали, что же так шокировало вмиг посеревшего батюшку, который пронзительным взглядом пытался не то прогнать незваного гостя, не то выжечь в нём дыру.

– Служение на сегодня закончено, – от ужаса, одолевшего его, отец Антоний позабыл сделать свой голос монотонным и певучим, отчего прозвучал очень тихо, и остальные священнослужители не сразу его расслышали.

– Отец Антоний? – непонимающе зашептали матушки. –

Мы же даже не закончили молитву?

– Не волнуйтесь! Я уверен, Господь услышал нас, – Антоний властным жестом успокоил их и отпустил по домам, переключил своё внимание на того, кого в жизни бы никогда не хотел видеть в своей и любой другой церкви. – Как смеешь ты осквернять своим присутствием Храм Божий? Сгинь, нечистая сила! – епископ взмахнул рукой, полы рясы взметнулись в стороны точно крылья, в то время как юркий для своих пятидесяти лет священник достал из потайного кармана святую воду и брызнул ею в колдуна. Меземир не успел вовремя переместиться за спину епископа, и несколько капель обожгли его левую щёку и часть шеи. Морщась от полученных ожогов, колдон иронично спросил: – Пульверизатор? Серьёзно?

– Последнее предупреждение, и либо ты сгораешь от святой воды, либо дерёмся по-честному вне святых стен храма, если в тебе осталось хоть что-то человеческое! – грозно провозгласил епископ. Его голос эхом разнёсся по всему залу, отчего Меземиру по-настоящему сделалось не по себе, и это мягко сказано. Он готов был хоть прямо сейчас низвергнуться в ад самостоятельно, лишь бы спрятаться от силы этого человека, поэтому он использовал то, что помогает ему чувствовать себя могущественным в любых обстоятельствах – ехидство.

– Как странно: ни магии, ни физических сил, ни бессмертия – простой человечешка, одним словом, но сколько мощи

спрятано в тебе благодаря лишь одной... вере.

– Я считаю до трёх! Во имя отца...

– Нет, погоди, у меня есть к тебе дело!

– ... Сына...

– Мне нужно спасти ребёнка! – наконец, закричал Меземир, и Антоний остановился, выжидающе поглядывая на колдуна, которого по-хорошему следовало бы сразу прогнать, а то и похоронить.

– Ты хочешь, чтобы я помог тебе спасти ребёнка? – спокойно уточнил епископ.

– Да, – медленно кивнул Меземир, в защитном жесте выставив руки вперёд, однако священник увидел в этом угрозу колдовства и приказал опустить руки по швам, что маг поспешил выполнить, хоть ему очень и не нравилась данная ситуация. Он ощущал себя загнанной в угол котом мышью, а кот был весьма и весьма голодным.

– Кого конкретно ты собираешься спасти?

– Мою племянницу. Её хотят обратить. Провести ритуал, – колдун выдохнул, когда понял, что священник слушает его и, в принципе, не настроен настолько негативно по отношению к нему, как Меземир изначально думал. – Я полагаю, ты знаешь, как это бывает...

– Если время обращения пришло, значит, она как минимум подросток, а не ребёнок. Выметайся! – угрожающе воскликнул Антоний, и тень мрачности легла на его лицо.

– Но для меня она ребёнок. По сравнению со мной и с то-

бой, она ещё наивное дитя. И поверь, она гораздо чище каждого из нас, что бы ты не думал о моих сородичах. И самое главное, она сама не хочет проходить ритуал и дорожит всеми своими близкими настолько, что даже ударить их боится, как бы некоторые из них не попытались погубить её душу, – проникновенно произнёс Меземир, сам не ожидая от себя такой искренности.

«Хм, похоже, здешняя атмосфера и прям подталкивает на откровения», – мельком глянув на потолок с изображением библейского сюжета, подумал колдун.

– И причём здесь я, скажи на милость? Позови своих дружков-магов и спаси свою племянницу, в чём проблема? – с виду равнодушно, но на самом деле, с долей заинтересованности спросил епископ. Безусловно, ему было не всё равно на чью-то несчастливую судьбу, но и сделать он мог не так уж и много.

– Таких, как я, единицы. К тому же я рассчитываю на помощь светлых сил, а не тёмных...

– И что же конкретно ты задумал? – с нажимом снова спрашивал отец Антоний.

– Ты крестил её. Лично. Ты понимаешь, что это означает...

– Поверить не могу! Ты...

– Верь. Уж ты-то явно с этим справишься, – нервно усмехнувшись, сказал Меземир.

– Нет.

Меземир уже полчаса наблюдал за Людмилой и Истой через окно. Они пили чай уже, наверное, третий раз за то время, пока его не было, смеялись и смотрели по телевизору какую-то глупую передачу про животных. Как бы он хотел, чтобы всё это не кончалось! Чтобы Люда жила спокойной жизнью обычного подростка, и её единственной проблемой был заканчивающийся переходный возраст. Но теперь уже ничего не будет так, как прежде.

– Прости, но нам пора, – его извинения улетели в вечернюю пустоту. Он извинялся не только перед племянницей, но и перед её бабушкой, и перед жизнью, которую они упускают из-за тьмы, что подобралась к людям слишком близко и мешает им мирно существовать на земле.

Меземир три раза постучал в дверь деревенского дома Исты, забрал Люду и отвёз её в церковь. Да, к несчастью отца Антония, Меземир был очень и очень упёртым. Так он и выживал.

– Что ты делаешь? – недоумённо спросила Люда, наблюдая за тем, как Меземир спиной вперёд входит в церковь.

– Заходи как обычно, на меня внимание не обращай, – как бы невзначай бросил дядя.

– Как обычно? Я здесь ни разу не была, – хмыкнула Люда.

– Ошибаешься, – многозначительно протянул Меземир и с удивлением понаблюдав за тем, как ничто не подозревающая племянница спокойно ступает на порог храма лицом

вперёд и не встречает никаких преград.

– Я же велел тебе не возвращаться! – к глубочайшему шоку Людмилы, ей и дяде преградил путь очень злой священник, который, судя по произнесённым словам, был знаком с Меземиром. – Так и знал, что не стоило отпускать тебя с миром, нечестивый! – услышав последнее слово, Люда подскочила и широко распахнула глаза от шока.

– Межа, что происходит?! – старательно пряча страх, прошипела она, но дядя её проигнорировал и сделал шаг в сторону епископа.

– Ты всё видел своими глазами. Если бы ваш Бог не был на её стороне, она бы не смогла войти в церковь, как человек!

– Господь ни на чьей стороне, он справедлив ко всем! Но лишь верующий сможет найти то, что должно, – не менее упрямо, чем Меземир, продолжал говорить отец Антоний.

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? – не выдержала и воскликнула Людмила, хватаясь за голову.

– Этот человек когда-то тайно по просьбе твоих бабушки и дедушки крестил тебя, и я думал, что он сможет помочь тебе, но... – Меземир разочарованно покачал головой и осуждающе посмотрел на священника. – Он не тот, кто протянет руку помощи нуждающимся. Пошли, – Меземир резковато от досады схватил так ничего и не понявшую племянницу за руку и потащил к выходу. Однако уже на ступеньках их нагнал отец Антоний и толикой сожаления сказал:

– Что бы то ни было, мне жаль. Да пребудет с вами Гос-

подь!

– И мы с ним, – неожиданно для обоих мужчин ответила Людмила и, кивнув в знак прощания, сама пошла прочь из храма к машине дяди.

– Ха, – непроизвольно вырвалось у Меземира, и епископ с угрюмым видом улицезрел на его лице отчасти безумную, отчасти торжествующую улыбку.

– Т. е. ты на полном серьёзе мне сейчас говоришь, что я должна буду притвориться, что читаю заклятие, а на деле читать молитву – и всё это в присутствии Вайноны?! – Люда была готова размахивать руками, так сильно она была возмущена, но Меземир вёл автомобиль, и это было бы весьма опрометчивым поступком, который мог спровоцировать аварию. – Мы же хотели сбежать до этого!

– Есть шанс расправиться не только с Вайноной, но и с остальными магами, которые будут присутствовать на церемонии. Или ты думаешь, что они не пошлют за нами погоню после того, как мы избавимся от одной из высших жриц у них на глазах? – жёстко отчеканил Меземир, и Люда поджала губы, всё ещё сомневаясь в этой затее. – Поверь, колдуя, она даже прислушиваться к твоим словам не будет. Именно поэтому она так сильно гоняет тебя по словам сейчас, потому что исправить тебя там у неё не будет возможности и времени.

– Единственное, что мне остаётся, это довериться тебе? –

устало прикрыв глаза, безнадежно спросила Людмила.

– Нет, не единственное. Но я обещаю, что спасу тебя, – твердо и решительно ответил Меземир, прежде всего, убеждая в сказанном не племянницу, а себя.

Глава 8. «Умение сдерживаться»

Подготовка к ЕГЭ шла полным ходом, забирая всё моё свободное время. Но я в какой-то степени была рада этой загруженности, ведь она не давала мне предаваться лишним размышлениям и волнениям. Хотя порой ночью, когда из-за чересчур нервного дня я долго не могла уснуть, у меня появлялась возможность подумать. По большей части, я просто часы напролёт взвешивала все «за» и «против» не озвученного, но подразумеваемого предложения Меземира пойти вместе с ним после победы над Вайноной. Не то чтобы у меня был выбор... Точнее сказать, выбор-то был, но какой ценой мне достанется тот или иной жизненный путь? Тот, что предлагал Межа, предполагал наименьшие потери для моих близких, но за это придётся заплатить своей свободой и, возможно, жизнью. Ведь пока что я очень слаба по сравнению с теми волшебниками, которые были целью дяди. Вероятно, он и сам это понимал и не собирался сразу лезть в пекло, но... Ох, всё это очень сложно для меня. Ещё недавно я и взрослой себя не считала, хотя мне скоро стукнет восемнадцать, а сейчас мне приходится принимать решения, которые не под силу многим опытным зрелым людям. Ситуация со священником, который отказался нам помогать, также периодически мелькала в моей голове, добивая меня после размышлений о том, что наш план с дядей может про-

валиться. Хотя Межа и не выглядел расстроенным, скорее, задумчивым. Возможно, он узнал то, что хотел, и этого было достаточно. Правда, мне от его тайн и умалчиваний легче не становилось.

Эх, лучше бы я выпила снотворное и успокоительное, чем размышляла над этим в три часа ночи. Как там говорят? Если ты проснулся в три или четыре часа ночи, значит, за тобой кто-то следил, пока ты спал. А мой организм вот решил перестраховаться и переждать опасные часы, игнорируя нашу с ним общую потребность в отдыхе.

Захотелось пить, но кружка на тумбе оказалась пустой. Вставать было неохота, но жажда была сильнее лени. Как можно тише поднявшись с кровати, я надела мягкие тапочки, чтобы меньше топтать, и выглянула в коридор – никого. Понадеявшись, что и на кухне никого не застану, я быстро разочаровалась. За столом в полной темноте, но с раскрытой книжкой в руках сидела Всевида и, по-видимому, читала. Мда. На включение мною люстры она не обратила абсолютно никакого внимания и продолжила бегать стеклянными глазами по напечатанным строчкам. Может, она под гипнозом или ходит во сне? Второе показалось мне более правдоподобным и я, совершенно забыв, что Меземир упоминал о некой странности Всевиды, насторожено кашлянула в кулак. Я знала, что лунатиков нельзя резко будить, а лучше вообще этого не делать, и решила таким образом проверить, всё ли с ней в порядке. Ох, моя сердобольность! Наверняка ею от

Веры заразилась, та тоже всяких чудиков постоянно жалеет.

Всевида неторопливо подняла на меня всё ещё неживой взгляд, и мне удалось разглядеть жуткую неестественно широкую улыбку. Но даже не это шокировало меня: на шее Всевиды были изумрудного цвета перья, которые блестели, как начищенные клинки из стали. Мне стало не по себе, если мягко выразиться, а если по правде – я пребывала в потрясении. Что это за существо?! И я такой же когда-то буду?! Нужно ли мне бежать или звать на помощь?!

– И вам доброй ночи, – я выключила свет и, уже не заботясь о том, что разбужу кого-то, с топотом умчалась в свою комнату и заперлась. Сомневаюсь, что обычная щеколда спасёт меня, если кто-то захочет выломать мою дверь, но так гораздо спокойнее.

Уснуть после такого зрелища у меня не получилось, и я посвятила оставшуюся часть ночи урокам. Всё равно сегодня суббота, и в школу идти не надо. Может, удастся поспать днём или просто лечь пораньше. К счастью, до утра меня никто беспокоил и не пытался устранить как свидетеля птичьего облика, а в восемь ко мне постучались.

– Кто там? – не очень-то и вежливо буркнула я, подходя к двери. От бессонной ночи глаза нещадно щипало, а тело тряслось, как при низком давлении (что было вполне вероятным).

– Это мама, Люся. Открой, пожалуйста, – шепнул мягкий женский голос, и с той стороны дёрнули за ручку.

– Я сплю, – сухо произнесла я, и уже хотела возвращаться за уроки, но мама не готова была отступить.

– Я пришла поговорить, – робко сказала она и исправилась через пару секунд: – Извиниться.

Мысленно досчитав до десяти, я прерывисто выдохнула. Я, конечно, имела полное право не пускать её, и это было бы мудрым решением. Ведь если мы помирился, мне будет намного тяжелее покинуть её, когда я уеду с Меземиром. Да, я полагаю, что, скорее всего, выберу именно этот вариант. Скрыться из города всё равно придётся, чтобы не подставлять близких, а так хоть не одна буду, ещё и магии у него обучусь.

– Уходи, – менее злобно, но также безразлично буркнула я.

– Я просто хочу убедиться, что с тобой всё в порядке, – наседала мама. Меня её слова чрезмерно взбесили, и я чуть не выдернула щеколду из стены, пытаюсь распахнуть дверь.

– Я похожа на того, у кого всё в порядке? – яростно прошипела я ей в лицо, чего никогда раньше не делала. Мама сначала дёрнулась, видимо, от неожиданности, а потом внимательно посмотрела мне в глаза и обхватила горящие щёки ладонями. По цвету её лица я поняла, что мои глаза вновь засветились зелёным. – Заходи, – вывернувшись из её рук, я впустила маму и заперла за ней. Я кивнула в сторону стула, чтобы она села, а сама заняла театрально небрежную позу, опершись на дверь и сложив руки на груди. – Говори, –

кратко бросила я.

– Мы очень волновались за тебя с отцом...

– Тем не менее, его здесь нет, – перебила я.

Мама прокашлялась и продолжила: – Ты же знаешь, как ему тяжело. Представь, что он с раннего детства варится во всём этом. Но проблема даже не в этом. Мы с ним не способны помочь тебе с твоими изменениями. А Вайнона не в первый раз обучает юную ведьму, она знает, как тебе помочь.

– Ты действительно веришь в это? – не сдержавшись, прорычала я. На тот момент мне было всё равно, что, обличая при матери свою ненависть к тётке, я могу подставить Меземира. – Или ты оправдываешь вашу с отцом трусость? Вы ведь могли не общаться с ними, не звать их в гости, каждый раз подвергая меня опасности, и тогда бы они не узнали никогда, что я родилась ведьмой. Или вы могли хотя бы не звонить Вайноне, чтобы сообщить, что превращение уже началось! – я чувствовала, что мои глаза загораются всё ярче. В комнате был полумрак, но я могла разглядеть каждую деталь. Глаза матери еле уловимо дёргались, а щёки втянулись от волнения. Сама она выглядела нездорово, будто последний месяц как минимум плохо питалась и мало спала. Мне было её жалко, но я больше не могла позволять кому бы то ни было помыкать мной и ставить себя выше меня. – Зачем вообще вы меня рожали, понимая, что с огромной вероятностью моя жизнь в один миг может оказаться адом? – я обиженно скривила губы и осуждающе прищурилась.

– Ну, знаешь! – повысив голос, сурово сказала мама. – Это уже перебор! Поговорим, когда ты перестанешь показывать свой характер! – она встала и решительно направилась к двери. Но у самого выхода я остановила её со словами: «Интересно, кого из вас мне придётся убить, когда Вайнона сделает завершающий шаг в моём становлении ведьмой?» – дверь за ней хлопнула, и я внезапно ощутила, будто воздух вокруг меня резко загустел, а где-то в другой части дома что-то заискрилось. «Кто-то проснулся от нашей ругани или это моя собственная злость?»

Всё последующее время до обеда я чувствовала крайнюю степень раздражения из-за этого разговора. Сказалось также и то, что я поспала от силы пару часов, и слабость вперемешку с болью в спине и шее ещё больше ухудшали моё эмоциональное состояние. Именно поэтому к очередному внеплановому уроку с Вайноной я была не готова. Ей было совершенно всё равно на то, что я не способна сегодня на плодотворную работу, и она начала с самого сложного:

– Заклятие для ритуала наизусть, – приказным тоном сказала Вайнона. Я взволнованно выдохнула и начала: – *Malum... vincet, praesidium... delebitur, populus diab... serviet, bonum hominum vetabitur...*

– Это не закливание, а клятва, которая произносится в конце! – грубо заткнула меня Вайнона. Мои губы плотно сжались, дабы не выскочило какое-нибудь резкое словечко в ответ, а сердце застучало в бешеном ритме, не давая нормаль-

но вздохнуть. Было и обидно, и злостно, и страшно.

– Но... это было написано в начале, – всё же попыталась оправдаться я, следя за каждым рваным движением рук и головы тётки.

– Ты не способна отличить клятву от заклатья? Я переоценила твой уровень, – холодно и язвительно сказала Вайнона. – А теперь начни заново и, на этот раз, правильно, – я примерно поняла, что она от меня хотела, но настолько ступевалась от её слов, что не смогла вымолвить и слова. Моё продолжительно молчание крайне вывело её из себя: я еле успела отклониться от стремительно приблизившейся ко мне руки Вайноны, которая хотела схватить меня за горло, но, в итоге, поймала за воротник рубашки и грубо дёрнула.

– Неужели в тебе нет ни капли интеллекта при таком потенциале?! – едко прошипела она мне в лицо, после чего оттолкнула так, что я чуть не свалилась со стула. Я поспешила встать на ноги, чтобы чувствовать себя хоть немного увереннее, и приготовилась к дальнейшему унижению. – Как ты не понимаешь, насколько этот ритуал важен для всех наших братьев и сестёр?! – визгливо возмутилась тётка, круто развернувшись и указав на меня тощим пальцем. Лицо её выражало не то, что ярость – самое настоящее бешенство. И в этот самый момент я окончательно убедилась: она безумна. Все они – безумны. За исключением, разве что, Меземира, хотя и тот не совсем адекватен, видимо, из-за длительного

общения с подобными Вайноне.

– Тёмный Владыка столько для нас сделал! Лишь благодаря ему мы все живы! – всё больше распалаясь Вайнона. Теперь она не визжала, а по-настоящему верещала, как будто её заживо сжигают на костре. – Я думала, что ты, вместе с твоим талантом, способна занять главенствующее место среди его верных слуг – стать новой Княгиней. Но, похоже, что я ошибалась! – она подошла к выходу, по пути припечатав меня об стену магией, и рывкнула: – Пока всё досконально не выучишь – отсюда не выйдешь!

Несмотря на оглушившую меня на пару секунд боль в голове и спине, я не готова была мириться с таким положением. Изнеможённая от отсутствия отдыха, злая от несправедливости и просто взвинченная оттого, что моя жизнь так сильно изменилась, да ещё и не в лучшую сторону, я готова была поставить весь мир на колени (хватило бы только сил на это).

– Нет, – низким голосом рыкнула я, поднявшись с пола. – Вы не имеете права этого делать! – гневно воскликнула я, игнорируя в ужасе от одного взгляда на Вайнону забившееся сердце. Тётка, тем временем, жутко улыбнулась и вальяжной походкой приблизилась ко мне.

– И что же ты сделаешь, чтобы остановить меня? – она посмотрела на меня снизу вверх почти снисходительно и поцокала несколько раз, что только ещё больше разозлило меня. Но последней каплей стали её следующие слова: – Тебя-то

ведь и защитить больше некому. А сама ты – маленькая, жалкая, истеричная сирота, отвергнутая боящимися тебя родителями... – я резко вцепилась ногтями в её лицо, целясь в губы, ощущая практически то же, что и тогда с Веточкиным. Мне хотелось, чтобы она навсегда перестала говорить подобные вещи кому бы то ни было, а лучше – чтобы вообще навсегда замолчала. Но, на этот раз, подобное наказание действительно было заслуженным. По сравнению с Вайноной, звёздочка был тем ещё паинькой! И страшно было представить, сколько людей не то, что умерли, а были отданы на вечные муки в аду просто потому, что Вайнона год за годом заставляла ведьм и колдунов совершать этот ритуал.

От моих действий кожа вокруг губ Вайноны очень быстро покрылась жёлто-зелёной корочкой, словно на этой змеюке начала отрастать чешуя, а из образовавшихся на губах ран засочился гной. Мне стало невероятно противно от самой себя. Месть – это вовсе не приятно, как думают многие. Складывалось ощущение, будто я вляпалась во что-то, причём это «что-то» очень походило на деяния Вайноны. Осознание собственной схожести с ней в настоящий момент заставило меня убрать руки и отступить, тяжело дыша. Я бездумно посмотрела на тётку и увидела в её глазах пугающую пустоту. Её лицо медленно преображалось, становясь таким же, как и раньше. Наивно полагая из-за бездействия Вайноны, что опасность миновала, я ринулась к выходу, но меня внезапно подбросило в воздух и ударило об потолок, после

чего я упала прямо на голый каменный пол. На этот раз я не смогла встать.

– Знаешь, я передумала насчёт запрета использовать магию, девочка, – сардонически ухмыляясь, промурлыкала Вайнона, приподнимая мою окровавленную голову за волосы. Я тихо зашипела от боли. – Используй тёмные проклятия, которые у тебя неплохо получаются, и ты совершишь ритуал уже будучи тёмной. Я думаю, Владыка будет о-очень доволен, – с больной радостью протянула Вайнона и оставила меня, наконец, наедине со своими ранами и ушибами и более невыносимыми, чем они, мыслями.

Хоть я уже и знала заклятие, пусть и не собиралась его применять, Вайнона не выпустила меня из подвала до самого вечера. За это время я успела немного поспать (как странно, что на твёрдом столе с вероятностью упасть с него на каменный пол я уснула быстрее, чем на мягкой кровати), более подробно изучить карту с сестринствами и братствами. Братство Древич правило в Москве, во что, конечно, с трудом верилось, ибо странно, что их ещё не заметили, учитывая современную защиту столицы и Подмосковья. Странно также то, что они, умудряясь оставаться не замеченными, ещё не взяли всю власть под контроль и не взяли в рабство как минимум полстраны. Но об этом я спрошу Межу. У Смоленска стояло братство Тревзор, в котором и состоял Меземир. Нижний Новгород занимало сестринство Огнедар. Это были

одним из самых крупных в Европе. В Азии же, в районе Анандыря – сестринство Вьэгыргын, указанное, судя по всему, на чукотском, и братство Маджо в Японии. Я также постаралась запомнить большую часть кланов Европы и, в особенности, России, что, как мне кажется, у меня получилось. Как жаль, конечно, что мне запретили брать телефон на урок с Вайноной, так бы я сфотографировала карту и легко выучила её. Думается мне, что эти знания будут не лишними, раз уж я решила сбежать вместе с Меземиром.

После сна и изучения карты я решила лишний раз повторить заклятие и клятву, но, по-видимому, зря это сделала. Из-за продолжительной зубрёжки чёртово – причём, в прямом смысле – заклятие набатом стучало у меня в голове, отбиваясь о стенки черепа. Теперь я только и думала, что о нём. Это было сродни надоедливой попсовой песни или мелодии из рекламы, которая не желала покидать мои мысли, вот только что за заклятие, что клятва напрягали гораздо сильнее, чем они. А когда я невольно задумывалась о смысле, вложенном в латинские и русские слова, мне становилось до жути не по себе.

Моё беспокойное расхаживание туда-сюда по подвалу прервал скрип открываемой двери, и я замерла как вкопанная, с глупо приоткрытым ртом взирая на увеличивающуюся полоску света из коридора на полу. К слову, освещение в подвале было довольно тусклым, что в какой-то степени помогало мне чувствовать себе увереннее, а в другой – взвол-

нованнее. Кто знает, что ещё может прятать во тьме, кроме наших тайных страхов?..

– Тебе стоит надеяться, что ты усвоила этот урок, – надменно произнесла Вайнона. К моему удивлению, вслед за ней вошёл Меземир. В его взгляде я не смогла ничего прочитать, но мне стало заметно спокойнее в его присутствии. Пусть и ненадолго, к сожалению... – Иначе мне придётся отстранить тебя от ритуала, и ты никогда не станешь истинной служительницей тьмы, – по мнению Вайноны, это звучало угрожающе для меня. Но на деле же я готова была чуть ли не прыгать от радости от такой новости. Однако тётке не нужно было об этом знать, и Меземир за её спиной сузившимися зрачками намекнул мне на то, что пора продемонстрировать свой актёрский талант. Я наигранно печально поджала губы и опустила виновато заблестевшие глаза в пол. Услышав, как Вайнона усмехнулась, я ощутила её острые когти на своём подбородке. Она подняла мою голову, чтобы я смотрела точно на неё. От её хватки было больно, и бежали колючие мурашки по коже, но я не смела противиться. Итак, уже сегодня набедокурила!

Затем мне приказали рассказать то, что я выучила, и после прочтения заклятия и клятвы повисла гробовая тишина.

«Похоже, я опять что-то сделала не так...» – мысленно вздохнула я, готовясь к очередной вспышке гнева неугомонной тётки. Но её не последовало, вместо этого Вайнона попросила Меземира поделиться мнением насчёт выполнен-

ной мной работы.

– Всё замечательно, но интонация совершенно не убедительная, – как будто отмахиваясь от меня, критично заявил Меземир, и мне стоило больших сил не бросить на него полный возмущения взор. Это так он мне помогает, да? Подставляет ещё больше? – Если к Тёмному Владыке обратиться с такой неуверенностью в голосе, он засомневается в нашей преданности, – его никто не просил, но он пояснил своё утверждение. Вот чёрт...

– О, над *интонацией*... – Вайнона с довольным шипением в голосе выделила последнее слово, – ... мы поработаем в следующий раз. Но это не столь важно! – торжественно провозгласила она. Я с плохо скрываемым шоком посмотрела на неё. – Людмила сегодня в очередной раз показала, что обладает невероятным потенциалом! Она ещё не прошла тёмный ритуал, а уже полноценно использует тёмные чары. Твои ученики когда-нибудь демонстрировали столь стоящие результаты? – надменно поинтересовалась Вайнона, оборачиваясь на Меземира. Тот отрицательно качнул головой, а когда она с гордым видом отвернулась, он закатил глаза.

– Сегодняшний урок окончен. Меземир, сопроводи Людмилу на прогулку по лесу и покажи ей растущие здесь зелёные травы, – приказала Вайнона и с то ли улыбкой, то ли оскалом посмотрела на меня. – А ты, моя дорогая, не забудь одарить его парочкой подарков за его *любезность*.

Я кивнула, скривив улыбку, хотя и не поняла, что она име-

ла в виду. Меземир пропустил меня вперёд, я накинула ветровку, т. к. ближе к ночи становилось прохладно, а дядя – неизменное пальто. Мы покинули дом, но, к счастью, не пошли в лес. Покинув посёлок, мы сели в стоящую на окраине машину Меземира, и поехали в одному ему известном направлении. Я с удовольствием откинулась на спинку мягкого сидения и наполовину прикрыла глаза, периодически недовольно прожигая ими дядю.

– Есть хочешь? – не отвлекаясь от дороги, спросил тот.

– Глупый вопрос, – фыркнула я, намекая на то, что я целый день провела в подвале. Последовавшая реакция Меземира меня, мягко говоря, шокировала. Мы проезжали лес, и он вдруг резко повернул руль вправо, со скрипом останавливая автомобиль на обочине в опасной близости от ветхих стволов и небольшого обрыва.

– Надо уметь сдерживаться, Людмила, – с каменным лицом процедил Меземир, хотя грудь его беспорядочно вздымалась. Я от неожиданности вжалась всем телом в сиденье и бездумно кивнула. – Вайнона ведь могла и не обрадоваться твоему проклятию, а сломать тебе позвоночник на месте.

– Эта сумасшедшая мало того, что спровоцировала меня... – злобно зарычала я, – ... она заслужила это! И даже больше!

– Не нам решать, кто и чего заслужил, – покачал головой Межа. – Никто и никогда не сможет ответить на этот извечный вопрос, но одно я знаю точно... – он в упор и со всей

серьёзностью посмотрел на меня. – Ненависть, прежде всего, сжигает того, *кто* ненавидит, а не *кого* ненавидят, – я обиженно засопела, а Меземир устало вздохнул. – Не хотел я тебя мучить сегодня, но, видимо, время пришло. Возьми из бардачка бутерброд.

Я как голодный волк набросилась на хлеб с колбасой и сыром, не придавая особого значения словам Меземира по поводу «пришедшего для чего-то времени». Но еда закончилась как раз в тот момент, когда мы подъехали к хорошо знакомому мне дому. Дому, где, как я по несчастью знала, живёт Вячеслав Веточкин, случайно проклятый мною.

– Нет...

– Да! – как отрезал Меземир, отстёгивая ремень безопасности.

– Я же ещё не готова!

– Я помогу тебе, – с нажимом протянул дядя, разжимая мой невольно сжавшийся до хруста кулак. Руки у него были холодными, как у покойника, и я вздрогнула, заставляя его отпрянуть. На ватных ногах я всё-таки последовала за Меземиром, откуда-то узнавшим не только дом, но и номер квартиры, в которой проживал Звёздочка вместе со своей семьёй. К слову, нам без лишних слов, только лишь услышав имя Меземира, открыла дверь в подъезд и квартиру женщина с дрожащим несчастным голосом. Это была мать Вячеслава. Женщина, поспособствовавшая тому, что её сын превратился в ту ещё сволочь. В коридоре нас также встретил молча-

ливый отец семейства Веточкиных. Вид у него был жалким, и теперь мне стало понятно, откуда столь низменное желание доминировать над слабыми зародилось в Звёздочке.

– Где у вас можно помыть руки? – не здороваясь, сухо спросил дядя. Отец Вячеслава не слишком вежливо указал на дверь ванной. И когда я проходила мимо, ощутила исходящую от него ненависть ко мне и страх к моему дяде. Я невольно схватилась за крепкую руку Меземира, опасаясь этого человека.

Позже нам предложили чаю, но мы, естественно, отказались. Не чаёвничать мы сюда пришли! И вот нас, наконец-то, пустили к больному. Он лежал неподвижный на пропахшей нездоровым потом постели, неосмысленным взглядом взирающий на стену впереди. Лицо Вячеслава было белым, как мел, за исключением губ и щёк: по ним расползались чешуйки, из-под которых сочился зелёный гной. Они покрывали даже щель между губами, что не давало ему возможности есть, поэтому у кровати стояла капельница. Если бы я не знала всей ситуации, то подумала бы, что передо мной лежит уже разлагающийся труп. А он ведь просто подросток ещё. Противный, жестокий, но получивший за свои проступки такое наказание, какое не получают даже самые кроважидные убийцы. И я действительно усомнилась в справедливости этого... но я всё ещё помнила, с каким наслаждением он издевался над нами. Я медленно подошла к нему, присела на край кровати, обращая его вмиг загоревшийся от при-

ближения живого человека взгляд на себя, и приложила ладонь к его лбу.

– Ты это заслужил... – он посмотрел на меня с такой тоской, в ней не было ни капли ненависти. У него был сильнейший жар, он просто не понимал, кто перед ним стоит. Просто чувствовал, что кто-то живой, и тянулся к нему, как к последней ниточке, связывающей его с собственной быстро угасающей жизнью.

– Ты это заслужил! – зажмурившись, горько прошипела я и поджала трясущиеся губы. Моего плеча легко коснулась холодная рука: это был Меземир. Только у него в этой квартире могли быть мертвецки ледяные ладони.

– Но ты ли вправе вершить его судьбу? – сказал он ровно и беспристрастно. Будто вся сложившаяся ситуация ни коим образом его не волновала.

– Я видел много угасающих душ... У него ещё не всё потеряно, – Меземир плавно отодвинул меня в сторону и немного склонился над лежащим Вячеславом, протягивая к тому руку. Вячеслав тут встрепенулся и испуганно отпрянул, прижимаясь плечом к стене. Он начал дрожать, словно его окатили ведром воды на морозе. Сердце сбилось с ритма: что он собирается делать? Чтобы прекратить или хотя бы замедлить не понятные мне действия мага, я задала вопрос: – Не всё потеряно: значит, мне не нужно его лечить, он сам справится?

– Нужно, – Меземир кинул на меня короткий строгий

взгляд и отвернулся. – Я имел в виду угасание не тела... – он резко ткнул длинным бледным пальцем в грудь Вячеслава, туда, где находилось сердце. Юноша тут же заметался от боли, а итак покорёженные губы его посинели там, где всё ещё видны были голые участки кожи. Я не выдержала это зрелище и крепко-крепко зажмурилась на несколько секунд.

– Я его прокляла, мне и лечить, – твёрдо сказала я, почему-то полагая, что мои чары будут не так болезненны для Вячеслава. Меземир послушно прекратил свои манипуляции и отошёл в сторону. Я, мысленно пытаясь обратиться к тем ощущениям, что испытывала во время лечения несчастной крысы, опустила ладонь на грудь Веточкина и погрузилась в поиски источника проклятия. Мне было не так сложно найти его, как в первый раз, но трудность заключалась в том, что проклятие слишком долго пожирало Веточкина и беспрепятственно вытащить его не представлялось возможным.

– Оно цепляется, словно живое, – чувствуя липкую вязкость на своих пальцах, хоть те и были чисты, сообщила я.

– Оно не живое, – ответил Меземир, подходя к нам и вновь склоняясь над больным. – Но и не мёртвое.

– Как вирус, – безрадостно усмехнулась я.

– Сначала тебе нужно подавить силу проклятия, и, когда оно ослабнет, вытащить источник, – заключил Меземир, проведя раскрытой ладонью над лицом дёрнувшегося от страха Веточкина.

– И как его ослабить? – я непонимающе нахмурилась.

– Светлыми чарами, конечно же, – как само собой разумеющееся ответил дядя.

– Но Вайнона сказала, что я колдую... по-тёмному. Ты сам слышал! Да и видел... – с отвращением к самой себе выплюнула я, убирая руку от Вячеслава. Послышался болезненный стон.

– Все мы иногда совершаем неправильные поступки. И то, что ты пару раз оступилась, не означает, что ты плохая, – мягко произнёс Меземир. По его глазам я поняла, что он пытался внушить эту мысль не только мне, но и себе. И это заставило меня взять себя в руки.

– Что конкретно мне нужно сделать? – твёрдо отчеканила я.

Дядя объяснил мне, как собрать часть энергии в шар и направить его точь-в-точь в эпицентр проклятия. С огромными усилиями я сумела-таки сделать так, как он сказал, после чего выполнила уже знакомые действия и достала источник, после чего без опаски уничтожила его. Затем Меземир достал из кармана зелье, и я пару раз капнула его на губы Вячеслава, не без удовольствия замечая, как корочки стали отходить от его лица, пусть и гораздо медленнее, чем у крысы.

– У-у-х, – я утёрла пот со лба, глубоко вздыхая. Межа проверил состояние уснувшего Вячеслава и широко улыбнулся, довольный результатом.

– Пойдём, тебе стоит отдохнуть, – с искренней заботой сказал дядя, подхватывая вконец ослабшую меня под руки.

Но тихо и мирно уйти нам не дали. Путь оказался преграждён мечущимся туда-сюда по коридору следователем Игорем Витальевичем, присутствие которого Меземир почувствовал ещё на выходе из комнаты. – Оставайся пока здесь, – мрачно наказал он, кивая на комнату Вячеслава.

– Ещё чего! – бойко фыркнула я, крепко вцепившись в дядин жилет. Вскоре следователь и, по совместительству, дядя звёздочки заметил нас и был готов наброситься то ли на нас, то ли исключительно на меня, но его остановила показавшаяся из ранее не замеченной нами комнаты Василиса.

«Ох, я и забыла, что она тоже тут живёт», – подумала я.

Василиса не выглядела напуганной, скорее, обеспокоенной. И, судя по всему, она прекрасно знала, зачем мы здесь, потому что кинула на меня взор полный благоговения и волнения.

– Я надеюсь, твоё вызывающее поведение означает успех, и ты нашёл нужную мне информацию, – холодно произнёс Меземир. Он прошёл немного вперёд, уверенно закрывая меня своей спиной.

– Сначала вылечи моего племянника, а потом будет тебе информация, – брызжа слюной и глядя исключительно на меня, высунувшую голову из-за плеча дяди, прорычал Игорь Витальевич.

– Зачем мне лечить его? – сардонически усмехнувшись, протянул Меземир. Но, не дав открывшему от шока рот следователю произнести и слова, добавил: – Ведь моя племян-

ница уже вылечила его, – и Игорь, и Василиса ошарашенно захлопали глазами и метнулись в комнату к Вячеславу, попутно зовя его родителей. Мы еле успели отскочить от входа, чтобы нас не снесли всей дружной семьёй. От раздавшихся криков радости и всхлипов Меземир раздражённо потёр переносицу.

– Ему нужен покой, идиоты... – прошипел он, но не был услышан. Подождав пока родственники Вячеслава более-менее успокоятся, дядя схватил следователя за руку и оттащил в сторону для разговора. Я не стала подслушивать, а, вместо этого, позвала Василису. Она подошла ко мне, невесомо ступая по поскрипывающему паркету.

– Давно не виделись, – внезапно заговорила она, стеснительно улыбнувшись. Я, ожидавшая того, что она теперь боится меня, сначала была сбита с толку, но очень быстро оправилась.

– Давно, – кивнула я. – Тебя здесь не обижают? – со строгим выражением лица кивая в сторону Вячеслава и его родителей, поинтересовалась я.

– Нет, – Василиса отрицательно замотала головой. – На самом деле, я зря боялась рассказать дяде и тётё о поведении Славы, – поделилась она. – Они сами были ошарашены, когда я рассказала о причине проклятия. И они никогда не признают, но они понимают, что избаловали его.

– Ну, что ж, – я неловко кашлянула. – Рада, что всё закончилось относительно хорошо. И, ты не думай, что я постоян-

но делаю что-то такое, просто... так получилось, – закончила совсем скомкано, но Василиса и бровью не повела, лишь доверительно кивнула мне и прошептала «спасибо».

Закончив разговор с заметно побледневшим следователем, грозно выглядящий Меземир поманил меня за собой, и мы поспешили уйти, так и не отблагодаренные никем, кроме Василисы.

Глава 9. «Отдых»

Майские праздники! Что может быть лучше, чем они? Солнце греет, но ещё не настолько, чтобы было жарко, прохладный ветерок бодрит, а зелень пахнет свежестью и молодой жизнью. Я не любила шашлыки, поэтому спряталась, как только о них пошла речь. Меня хотели запрячь в помощники отцу у мангала, но работать с ним не было ни желания, ни сил. В конце концов, за эти полтора месяца со мной произошло столько, сколько не произошло со мной за всю мою прошлую жизнь.

Меземир, как оказалось, тоже не горел желанием праздновать, и никто этому не удивился. Он всегда был более закрытым, чем остальные наши родственники. Я была этому рада, т. к. у меня появилась ещё одна возможность узнать от него что-то новое, хоть я и устала от зубрёжки и уроков.

– Дядя, – я возникла за его спиной, внезапно выглянув из-за поворота, и колдун вздрогнул, сжав кулаки и мигом развернувшись ко мне.

– Никогда, слышишь? Никогда не смей так ко мне подкрадываться! – рассерженно прошипел он, угрожающе показывая на меня пальцем.

– А что? Боишься расправы? – съехидничала я.

– Боюсь убить одну маленькую дурочку щелчком пальцев, – сказал он, оскалился и резко щёлкнул пальцами у меня

перед носом. Я ожидаемо вздохнула и зажмурилась, а распахнув глаза, встретила с его еле заметной довольной улыбкой. – Чего хотела?

– У меня вопрос...

– Задавай, – устало вздохнув, дал разрешение он.

– Что, если на меня кто-то нападёт? Как я тогда буду защищаться?

– Я тебя защищу, не волнуйся, – коротко и уверенно ответил он и хотел было уйти по своим делам, но я остановила его.

– А если на нас армия нападёт? Кто прикроет твою спину? – и это заставило его призадуматься.

– Я понимаю, о чём ты говоришь. Но ты же помнишь, что твоя сила в свете, а атакующая магия, в основном, имеет тёмное начало?

– Ну, так научи меня азам – самозащите, так сказать, – продолжала настаивать я. Меземир внимательно посмотрел на меня, почесал подбородок и, наконец, ответил:

– Ладно. Но дождёмся вечера, когда эти... – он кивнул в сторону двора, где остальные наши родственники жарили шашлыки, -... станут достаточно пьяными, чтобы не заметить нашего отсутствия или просто не обратить на него внимания.

Проскользнуть мимо пьяных родственников? – Да запросто! Тем более, когда твой дядя колдун. Чтобы не тратить

попросту силы, мы добрались до логова Меземира в заброшенном здании на машине. Правда, я была очень удивлена тем, что он выбрал именно это место. Конечно, здесь нас никто не заметит колдующими, но... а драться-то где? Мы же все склянки зелий разобьём... Хотя, может, этот гад решил меня погонять по теории, а практике и не собирается обучать?

– Мы здесь заниматься будем? – с почти не скрываемым пренебрежением спросила я.

– Я похож на идиота? – издевательски изогнув бровь, едко бросил Меземир, повернувшись ко мне. Я промолчала, обидевшись, и стала ждать, пока он что-то предпримет. Дядя подошёл к старому, но с виду надёжному сейфу, на который я раньше не обращала внимание, и, набрав пароль, открыл его, чтобы достать оттуда тетрадь в плотной обложке и книгу в бордовом кожаном переплёте с золочёными углами.

– Я, признаться, давно никого не учил боевой магии, – он протёр книгу от пыли рукавом обычно свежего и чистого пальто, на котором теперь красовались серые полосы.

– А ты в принципе кого-то ещё учил, кроме меня? – я шокировано распахнула глаза и уставилась на него.

– Было дело, – коротко ответил Меземир, и судя по тому, как он дёрнул плечом, как бы невольно отмахнувшись от меня, опыт был не самый удачный.

– Надеюсь, хоть я как ученик стану кем-то большим, чем разочарование, – преувеличенно самоуверенно заявила я,

скрести руки на груди и беззаботно опершись о стену плечом. На деле же я сильно волновалась о том, как бы наши старания (а в особенности, старания Межи) не обернулись крахом и смертью, а то и хуже – вечным служением дьяволу.

– У меня никогда не было «разочарований», – горько усмехнулся он, – И ты уж точно им не станешь, – он посмотрел на меня свысока, но показывая своё превосходство, а как бы говоря, что я ещё слишком юна и мала, чтобы увидеть то, что видит во мне. Не сумев сдержать чувства, я смущённо покраснела до кончиков ушей и опустила голову, скрывая довольную мину.

– Пойдём, – он поманил меня за собой.

Мы покинули логово, и дойдя до следующего здания, повернули направо и таким образом прибыли к заросшей двери в какой-то подвал или подземный гараж. Меземир почти сразу нашёл ручку и открыл проход. От пыли и грязи мы оба закашлялись, но несколько витиеватых пасов Меземира, и дышать стало значительно легче. Всё же это был подземный гараж, вот только ни машины, ни привычного в моём понимании гаражей хлама здесь не было. Разве что, пара стульев и разбитых зеркал.

– Я долгое время не знал, что делать с этим местом, но решил «отложить его до лучших времён», – объяснил такую скудную обстановку Межа, а затем прошёлся по гаражу и зажёл керосиновые лампы. – Встань вон в том углу комнаты, – указал он, а сам встал посередине помещения. – А теперь

обрати внимание на язык моего тела, – и он принялся демонстрировать различные боевые и защитные стойки, попутно объясняя, какие мышцы нужно напрягать, в каком порядке надо выполнять те или иные действия, а также «куда следует девать руки». Когда же пришла моя очередь быть в центре, я заметно разнервничалась, ибо не имела такой же пластики и силы, как дядя, и идея научиться боевому искусству уже не казалась мне такой уж гениальной.

– Для начала глубоко вдохни... – заметив мои метания, сказал Межа, – ... и выдохни. Выпрями спину... Нет, плечи назад, живот втяни. Да, вот так. А теперь расслабь все свои мышцы, чтобы начать управлять ими, а не просто напрягать их, как будто у тебя не руки и ноги, а железные штыри, – я старалась изо всех сил, и, наверное, уже вся пропахла потом, да и Меземир тоже наверняка устал, но он не жаловался, поэтому я тоже пыталась держать себя в руках. Что, по правде, выходило с трудом.

– Ой, всё, я не могу... – захныкала я, ссутулившая плечи.

– Давай отдохнём, и приступим к заклинаниям, – упрямо продолжал тянуть меня дядя. И я, честно, была ему благодарна за это.

Попив воды и посидев прямо на полу, мы снова поднялись, готовые продолжить занятие.

– Итак, прими защитную позу, – приказал Межа, и я, как могла, встала боком, выставив левую ногу вперёд, опёршись на правую, и скрестив над собой руки. – Так, хорошо... Не

прижимай руки друг к другу, чтобы было место для выполнения сопутствующих потоку энергии движений, – он встал передо мной, отошёл на несколько шагов назад и зажёл в ладони пламя.

– Эй! Ты чего! – испуганно залепетала я, но стойку сохра-

нила.

– Почувствуй угрозу, исходящую от огня, – монотонно произнёс он. – Увидь нити, идущие угрозой в твою сторону, и... срежь их! – под конец он крикнул и бросил в меня огненный шар, а я, в свою очередь, снова прижала руки друг к другу, да ещё и села на корточки, спрятав голову в колени. – Ну... – недоумённо протянул Меземир, будто не ожидавший от меня такой реакции, – ... уворачиваться ты умеешь. Это уже хорошо.

Режь нити!

Угроза! Отрежь ей путь!

Поруби её на части!

– Да иди ты к лешему! – психанув, я резко махнула рукой, словно желая отрезать не нити энергии, а Меземира от себя, и огненный шар рассыпался на бледные искры прямо в воздухе, но радоваться было рано.

– Ай, – демонстрируя мне свой рассечённый рукав и красную полосу на руке, на которой уже начали скапливаться алые бусинки, с претензией выдохнул Межа.

– Блин! Прости! – схватившись за волосы, я затараторила извинения и подбежала к дяде, чтобы осмотреть нанесённый мною ущерб, и так бы и продолжала лепетать над ним, если бы не услышала сначала глухой и тихий, а потом глубокий, хриплый и звучный мужской смех. – Да ну тебя! – наигранно обидевшись, а шлепнула по плечу довольного нашим оче-

редным успехом дядю, и, снова не сумев сдержать чувства, тоже счастливо рассмеялась.

–Люда! Вставай! Уже час дня! – да уж. Долго я проспала.

– Я не могу! У меня всё болит, – заныла я, зарывшись с головой под одеяло.

– Вы посмотрите на неё! Весь день дома пробездельничала, а у неё «всё болит»! -наперебой стали ругать меня родители, но я не обращала на них внимание. Я просто проживала свой заслуженный отдых, заткнув уши наушниками и включил любимые рок-песни о колдунах, странных лесниках и таинственных графах.

Глава 10. «Тучи сгущаются»

Рано или поздно это должно было случиться: признаться честно, я, наверное, впервые была настолько рада пойти в школу. Если бы не остановивший меня одним тяжелым взглядом Меземир, я пошла бы туда на час раньше, хотя любила спать подольше, особенно в последнее время, готовясь к ЕГЭ.

Взявши в привычку подвозить меня (или же по приказу Вайноны), Меземир высадил меня около школы и не уезжал до того, как я вошла в здание. Всю недолгую дорогу я чувствовала его присутствие и постоянно оборачивалась, из-за чего, скорее всего, привлекла внимание прохожих, но меня это мало волновало. Мне всё ещё было трудно доверять этому ч... колдуну несмотря на то, что он поведал мне свою историю. Кто знает, насколько он хороший в плане лжи, ведь Вайнону и своё братство он как-то обманывает же. Однако уроки, которые он преподавал мне, были гораздо полезнее пустой теории, которой пичкала меня тётка. Благодаря нему я теперь могу как проклясть, так и вылечить, пусть и не на уровне сверхцелителя. Конечно, это не спасёт меня от вероятного предательства со стороны Меземира или разоблачения Вайноной, но в будущем наверняка поможет мне развивать свои навыки. Весьма оптимистичные мысли, однако большего я не имела.

Смешно, но я только сейчас заметила, что мой поход в полицию и «нападение» на Веточкина не остались незамеченными. И это явно не было паранойей, потому что трудно не заметить сотни глаз, обращённые прямо на тебя, пусть и на какую-то долю секунды. Да и одноклассники стали общаться со мной значительно холоднее и опасливее, не считая Веру и тех людей, которым всегда и на всех было всё равно. Не то чтобы раньше я дружила с каждой душой в этой школе, но даже на простой вопрос о сегодняшних «заменах» теперь мог вызвать у моих одноклассников, людей, с которыми я росла, ступор или желание глупо улыбнуться и медленно ретироваться по различным выдуманым причинам.

«Ладно», – думала я.

«Мне осталось учиться с ними всего пару месяцев... даже меньше, если не считать время экзаменов!» – но я зря себя успокаивала. Оказалось, что кто-то, точнее, один определённый «некто» пустил обо мне слух или просто не смог держать язык за зубами. Неприятную весть мне принесла Вера, после чего принялась рассуждать и пытаться узнать у меня хоть что-то:

– Уж не знаю, что сейчас происходит у тебя с твоими родственниками, но, похоже, кое-кто считает тебя и твоего дядю чернокнижниками, – я вздрогнула от последнего слова, т. к. в одной из книг видела, чем занимаются чернокнижники на пару с некромантами.

– Не томи, Вера, прошу тебя! Но если это какая-то глупая

сплетня младшеклашек, можешь даже не начинать! – буркнула я, хотя вовсе не хотела грубить подруге.

– Младшеклашек или не младшеклашек, но наша Звёздочка поправился, и почти все наши сверстники считают тебя ведьмой, которая сначала прокляла его, а потом расколдовала, – обиженно пробубнила Вера, кивая в сторону столпившихся в коридоре одиннадцатиклассников. Сами мы сидели в классе на последнем ряду и ждали начала урока.

– Вот идиот... – гневно прошипела я, медленно закрывая глаза и пытаясь успокоиться, представив что-то приятное. На ум приходила только картина его хладного трупа и Вайноны за компанию.

– Я вот одного не понимаю: один раз нарвался – получил, неважно от кого, но всё же... отделался легко и вылез почти, что сухим из воды, так зачем искушать судьбу? – возмущалась Вера, совсем забыв о мой грубости и переключившись на Веточкина. Я не поддержала новую тему, но и не стала перебивать. Учебный день прошёл как в тумане, к тому же отменили последний урок, и я, к несчастью, совсем не отдохнула от домашних проблем, а только больше в них погрузилась.

«Вот так вот живёшь, пусть и не в самой благополучной семье, но более-менее нормальной, строишь планы, а потом в тебе происходят изменения, из-за которых у тебя портятся отношения почти со всеми близкими и знакомыми. И самое главное, ты не можешь даже толком ответить, плохо это или

хорошо, ведь, как там говорят? Друг познаётся в беде? Вот и все лжедрузья и лжеродственники явили свои истинные обличия... Бр-р-р, некоторых я бы предпочла никогда не видеть!» – я вновь вспомнила птицевидную Всеvidу и чуть было не выругалась несмотря на то, что принципиально не использовала нецензурную лексику.

Уроки закончились, мы с Верой собрали вещи, убедились, что точно можно уходить и не будет никакого «а я вас не предупреждала об отмене урока, значит, вы должны были прийти», и вышли из здания.

– Давай поторопимся, можем на автобус успеть, – смотря на расписание на смартфоне, сказала Вера.

– Меня забрать должны, – неуверенно протянула я, ибо машины Меземира во дворе не обнаружила, а он никогда не опаздывал. Может, я что-то прослушала? – Если хочешь, можем тебя подбросить... Нет-нет, это плохая идея, прости! – было неудобно перед Верой за вылетевшие невзначай слова, а потом и за последнюю фразу, прозвучавшую, будто я не хочу ей помогать, но рисковать не стоило. Кто знает, вдруг Вайнона может учуять, что Вера была в машине Меземира, и у неё возникнуть вопросы и подозрения?

– Ладно, я тогда с тобой подожду, а потом на такси. Если честно, мне сегодня неохота трястись в общественном транспорте, – ничуть не показав своего удивления, Вера махнула рукой и встала вместе со мной в тень за школой. Я благодарно улыбнулась поддерживающей меня подруге и прикрыла

глаза от палящего солнца.

– Эй, Потворская! – вслед за окликом послышался весьма не уважительный «пацанский» свист.

– Ой, да ладно... – цокнула языком Вера. Я же мрачно посмотрела на приближающихся местных «спортсменов» и отпрянула от холодной стены, на которую до этого опиралась.

– Чего надо? – точно также ответила я, складывая руки на груди.

– Правильно-правильно, держи свои ручонки подальше! – гоготнул Юлик Еремеев и снова присвистнул. Мы с Верой заметили на руках одного из его друзей то ли массивные кольца, то ли кастет и сделали пару шагов назад. – Чего это вы? Страшно? А когда ты, Потворская, на мальчика набрасывалась, тебе страшно не было? – явно чувствуя себя великим защитником всех униженных и оскорблённых, Юлик обнажил кривые жёлтые зубы, портящие всё впечатление о нём, как о парне, ведущем здоровый образ жизни. Тело у него было спортивным, а вот лицо со впалыми щеками, красными глазами, а также зубы выдавали в нём заядлого курильщика.

– Если бы она действительно напала на него, то она бы сейчас была в полиции, – вздёрнув нос, сказала Вера, но голос её дрогнул и осип.

– Кто давал тебе право обсуждать и осуждать меня? В какой бы подворотне ты бы не услышал это, более виноватой я от этого не стану, – я сжала кулаки и выпрямилась, скривив губы. Пусть я и понимала, что не стану применять колдов-

ство, т. к. это слишком опасно делать при стольких свидетелях, но одно осознание того, что я могу защитить и себя, и Веру (от хулиганов-то точно) придало мне сил и уверенности.

– Поверь, у меня свои связи в полиции, – гадко усмехнулся Юлик, думая, что выглядит как минимум опасным и крутым в наших с Верой глазах.

– Распространение конфиденциальной информации – это статья, мой дорогой, – не своим голосом процедила я и стиснула зубы, ощутив прилив энергии и... невероятной злобы.

Нет, то была самая настоящая ярость! И я совершенно перестала её контролировать, что, видимо, заметила Вера и положила мне руку на плечо, прошептав «пойдём отсюда».

– Ты мне ещё угрожать смеешь, – Юлик, судя по всему, перестал стесняться и приблизился к нам вместе с одним из друзей. Третий же достал телефон и начал снимать на видео.

«Теперь точно не поколдуешь... Не думала я, что учусь в одной школе с такими ничтожествами», – а ведь я даже не подозревала, что рядом со мной есть люди, готовые избить кого-то на камеру. Я многого раньше не подозревала. Вера вскрикнула и инстинктивно вцепилась мне в предплечье, оттягивая назад.

– У них все мозги в подготовку к экзаменам ушли! Нам здесь делать нечего, – судорожно зашептала мне Вера. Вид у неё был, мягко говоря, испуганный. В глазах вместо солнца отражался ужас, а белёные волосы развевались и подпрыги-

вали на холодном ветру, будто тоже от страха. Оценив ситуацию здраво, я согласилась с ней, и мы побежали, однако это было последним нашим разумным решением, ведь побежали мы не в людное место, а дальше за школу и за гаражи. Там же кроме алкашей нас добить могли и бродячие собаки.

Светло-зелёную листву деревьев и кустов, посаженных у школы ещё нашими дедами, сменил пейзаж из ржавых покрышек, разорванных шин и зелёных бутылок, а запах поздней весны – вонь от мусора и керосина. Портфели давили к земле, наверное, психологически, ибо учебники мы все уже сдали, а неудобная школьная обувь стирала пятки в кровь. Юлик и его друзья были спортивнее и быстрее нас, несмотря на прокуренные лёгкие и пропитые мозги, и если я ещё держалась, то Вера внезапно остановилась, будто бы воздух в один миг в ней закончился, и парень в полосатых штанах сбил её с ног. Проехавшись коленками по песку и камням, Вера взвыла. И она бы получила ботинком по лицу или животу, если б я не схватила рядом лежащую палку и не хлестанула ею малолетнего бандита по голове. Тут же подоспели Юлик и парень с телефоном, подхватывая завизжавшего друга, и ярость вновь пробудилась во мне.

У меня не было времени на то, чтобы прочувствовать сполна все изменения, но плечи мои расправились, а кровь прилила к лицу и, в особенности, к глазам. Мышцы в конечностях напряглись, и, казалось, только активные действия смогут расслабить их. Я видела кровь на земле и на ногах

Веры, и что-то внутри меня будто бы закричало «почему это её кровь, а не их?!».

Парням не посчастливилось посмотреть в мои глаза, и больше оторваться они уже не смогли. Теперь они были испуганны намного больше, чем до этого мы с Верой, будто бы только что увидели свой главный страх, и я не сомневалась, что они видят светящиеся потусторонним изумрудным светом омуты, затягивающие их во всё большую пучину мрака. С каждым шагом я становилась всё злее и, приблизившись, схватила парня в полосатых штанах за толстовку и приподняла над землёй. В тот момент я не удивилась своей силе, хотя тот весь порядка ста килограмм, меня волновало совершенно иное.

– Ты ответишь за свои действия! – я перехватила одной ладонью запястья его рук, которыми он толкнул Веру, и сжала почти до хруста. Юлик и парень со смартфоном отшатнулись и попытались убежать, но их остановила невидимая сила, придавив к земле лицами.

– Стой, где стоишь! – в небо было выпущено две пули, которые привели меня в чувства, и я перестала шептать проклятие, которые отскакивали у меня от зубов, при том, что я сама не осознавала в полной мере ни одного слова. Сила, державшая хулиганов, перестала давить, и они все, спотыкаясь, умчались куда глаза глядят. Смартфон, благополучно отброшенный мной подальше, остался лежать в пожухлой траве.

– Люда! – жалобно вскрикнула Вера, предупреждая меня.

– Вот ты и попалась, ведьма! – я не увидела, но почувствовала, как Игорь Витальевич направил мне пистолет прямо между лопаток. – Опять бедный люд мучаешь, тварина!

– Какой же хороший из вас полицейский, раз вы молча смотрели на то, как двух девушек избивают, а как только девушки дали отпор, вы решили вмешаться, – неожиданно резко для неё зашипела Вера. Я с изумлением и одновременно одобрением обернулась на неё, и следователь снова рывкнул на меня, побуждая поднять руки к небу.

– Так, ты подбирай свои сопли и вали отсюда, – плюнул он в сторону Веры, боящейся хоть немного пошевелить протёртыми до мяса ногами и ладонями. – А ты! – он многозначительно ткнул пистолетом в мою сторону. – Садись в мою машину и не смей выкидывать никаких фокусов, иначе пристрелю!..

– У меня есть встречное предложение, – утробно рыкнув, пробасил Меземир, ткнув острым ногтем в затылок следователя, пустив поток энергии, из-за которой того свела судорога. Конечно же, о приближении дяди я не стала предупреждать Игоря Витальевича, и победоносно улыбнулась, когда тот сразил этого психа одним прикосновением. Но улыбку сменили мурашки по коже оттого, что Вера видела... в общем-то всё.

– Что ж, похоже, я тоже... того! – Вера издала какой-то неестественный полукрякающий свист и «прилегла» прямо

там, где стояла на корячках. Меземир, отвлекшись на неё, отпустил следователя, и его безвольное тело мешком ударилось о землю.

– Не то, чтобы мне было его жалко, – с презрением глядя на лысеющий затылок Игоря, лениво протянул Межа. – Но нам всё-таки нужно разузнать все подробности его «дела», – я понятия не имела, о чём он говорит, но кивнула, сдувая с потного лица выбившиеся из кос волосы. – Значит так, я понесу его, а ты – свою чересчур чувствительную компаньонку, и поживее! Скоро сюда сбегутся всякие зеваки, а нам свидетели не нужны, – он быстро мотнул головой в разные стороны, зажмурился и глубоко вдохнул, чем напомнил мне волка или лису. – М-м-м, очень ско-оро...

– И как я, по-твоему, смогу поднять Веру? Она весит, ну, может, на пять кило меньше меня, а тяжелой атлетикой я не увлекаюсь, если ты не заметил! – иронично хмыкнув, я присела на корточки и перевернула Веру на бок, сняла с её плеч рюкзак, после чего сначала легонько пошлёпала по щекам, а потом вылила на неё её же бутылку воды, но придти в сознание она не хотела.

– Она не очнётся, пока мы не окажемся в безопасном месте, – довольно расплывчато сказал Меземир. Я недоумённо посмотрела на него. Вера не выглядела так, будто вот-вот испустит дух, дыхание и пульс были в норме, насколько я могла оценить, но она буквально не желала придти в себя! К своему неудовольствию я мысленно отметила, что это сейчас

в какой-то степени нам на руку. Мне, конечно же, хотелось, чтобы Вера поскорее очнулась, но и момент объяснений хотелось отложить на потом. – А ты не придуривайся. Сейчас ты сильна как никогда! – поймав мой, судя по всему, всё ещё искрящийся взгляд, Меземир торжествующие ухмыльнулся и тут же, сморщившись, отвернулся, будто ему было больно смотреть в мои глаза.

«Хм-м... А это уже интересно!» – пришедшая в голову мысль была отложена на потом. Сейчас было не место и не время.

Благодаря указаниям дяди я смогла аккуратно поднять Веру на руки и почти не почувствовала её веса! Похоже, в этот раз «состояние ведьмы» решили остаться подольше, потому что в иное время я не замечала за собой того, что могу поднять то, что по логике должно быть тяжёлым для меня. Или же я просто не пыталась этого сделать. Надеюсь, Меземир разъяснит мне всё это.

Поначалу я удивилась тому, что мы поехали не в наше «логово» в заброшенном здании, а в какую-то лесную хижину или старый сарай, но потом поняла, что это для нашей же безопасности. Игорь с лёгкостью мог бы устроить в будущем нам засаду и разрушить всё, что мы с Меземиром так тщательно готовили, и среди этого были не только наши планы и упражнения, но и зелья, которые я периодически готовила под присмотром дяди. Веру мы положили на диване

и укрыли пледом, а следователя усадили на стул и связали, точнее, Меземир связал его, применив магию. Верёвка, будто самая настоящая змея, проскользнула вокруг тела мужчины и крепко стиснула запястья, щиколотки, завязалась вокруг талии, придавив его к спинке стула. Затем дядя спустил его в подвал, который, как мне казалось, вот-вот мог обвалиться, и я готова была даже потребовать от Меземира, чтобы он оставил Игоря в основной комнате, но вспомнив о состоянии Веры, вернулась к ней. Я взяла нашатырь и поднесла к носу Веры пахучий ватный диск. Она очнулась и, пусть и с неохотой, но открыла глаза. Недоумённо похлопав ресницами несколько раз, Вера скосила взгляд в сторону Меземира, потом посмотрела на меня и открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыла обратно.

– Только не говори, что твой мрачный дядя похитил нас, чтобы съесть вместе с остальными твоими больными на голову родственниками, – с округлёнными глазами пробормотала Вера. Глянув на Межу, я увидела иронично изогнутую бровь и крайнюю степень возмущения на его обычно бесстрастном лице, после чего, не сдерживаясь, громко расхохоталась. Чуть позже, вытирая слёзы, я сказала: – Только лучшая подруга скажет всю правду в лицо!

– Всё ясно. Похоже, тебя уже чем-то накачали...

– На самом деле, всё намного хуже, – мгновенно посерьёзнев, сказала я.

– Я видела, – кивнула Вера. – И сейчас вижу, – она нахму-

рилась и дёрнулась носом в сторону моего лица. – Твои глаза горят точно адским пламенем.

– Адское пламя синее, а не зелёное и уж тем более не красное, – поправил её Меземир и приблизился к дивану, склонившись над ней и проведя рукой над её головой. – Проверь состояние подруги, – обратился он ко мне. Я повторила его действия и почти в полной мере ощутила, как быстро и резко колотится напуганное сердце Веры, и лёгкую слабость вместе с ноющей болью в области колен и ладоней.

– У тебя есть с собой что-то, чтобы обработать раны? – спросила я. Даже не дослушав, дядя выудил из кармана пальто два пузырька, в которых в бордовой жидкости плавали листочки и лепестки. Вытащив пробку, я поднесла зелье к правой ладони Веры, но та одёрнула её и по-детски замотала головой.

– Щипать будет?

– Нет.

– Врёшь!

– Всегда по понедельникам, – я усмехнулась и, быстро перехватив её запястья, облила ладони зельем. Бордовая жидкость вспенилась, а листья с лепестками стали стягивать и восстанавливать пострадавшую кожу прямо на глазах. К концу восстановления, когда на месте кровавых и грязных ран остались лишь немного напоминающие о них фрагменты нежной розовой кожи, вытянувшееся в изумлении лицо Веры можно было описать одним словом «шок».

– Это как это... Как так получилось? – с глуповатой, но искренне радостной улыбкой вопрошала Вера, но буквально через несколько мгновений её положительный настрой угас, и она пасмурно взглянула на подругу исподлобья. – Что они сделали с тобой? – с неприсущей ей ненавистью прошептала она.

Я подавилась воздухом, не сразу обратив внимание на содержание её вопроса, а когда поняла, что и к чему, то ответила: – Пока ничего.

– Что значит «пока»?

– Это значит, что твоя подруга в большущей опасности, девочка, – пояснил Меземир и как-то странно посмотрел на меня. В его взгляде была смесь то ли из грусти и безнадёжности, то ли из издёвки и наигранности, что мне крайне не понравилось.

Вера, будто бы только-только осознав, что один из моих «родственничков» находится с нами в одном помещении и слышит каждое слово, стиснула зубы и гневно на него посмотрела, что выглядело несколько комично, учитывая её, в целом, ангельскую внешность.

– Всё нормально, успокойся. Меземир, он... – я кинула неуверенный взор на дядю и быстро отвернулась, – ... помогает мне.

– Но один я вряд ли справлюсь, – делано вздохнул он. Я недоумённо нахмурилась. Что ещё за выкрутасы? – Понимаешь ли, их – ведьм, колдунов – много, а я один, – он при-

сел на одно колено и сочувственно кивнул в мою сторону, обращаясь к Вере. Я чуть снова не поперхнулась воздухом, догадываясь о том, чего он добивается. – Да ещё и ритуал... В нём слишком много переменных для нас двоих с Людмилой...

– Люда? Что ещё за «ритуал»?

– Тот самый, про который я тебе рассказывала, когда сама ещё не понимала, что это такое, – расплывчато ответила я, не желая втягивать подругу во всё это. Хотя что-то глубоко внутри подсказывало мне, что уже поздно пытаться оградить её от моей проклятой родни и их планов.

– А если поподробнее? – с нажимом спросила Вера, но, к счастью, отвечать мне не пришлось, т.к. следователь начал приходить в себя.

Мы спустились в подвал: множество перебитых банок с огурцами и помидорами, а также странные пятна на стенах и полу навевали ужасающие догадки о причине того, почему хозяева когда-то покинули этот дом. Я передёрнула плечами и постаралась сосредоточиться на просыпающемся Игоре. Следователь громко закричал и дёрнул связанными руками, после чего резко распахнул глаза и уставился расширенными зрачками прямо мне в душу.

– Немедленно развяжите меня, нехристи! – захрипел Игорь Витальевич.

– Нехристи? – с издёвкой повторил Меземир и с какой-то нечеловеческой грацией приблизился к следователю, чтобы

угрожающе нависнуть над ним. – Ты не представляешь, как близко ты попал, – дядя сильно зажмурился, после чего распахнул свои глаза, но те были уже не обычными синими – они светились потусторонним фиолетовым светом. Но больше меня напугали изменившиеся зрачки, которые сузились и стали похожи на змеиные, а также бугры, покрывшие его лоб, будто прямо сейчас из них вылезут рога. Освещение было никаким, но можно было заметить изменения в оттенке кожи, и удлинившиеся ногти на руках. Одним словом, это был уже не человек. Я невольно сделала пару шагов назад, то ли от неожиданности, то ли от страха того, что меня ждёт нечто подобное в случае нашей неудачи. А ведь это лишь вершина айсберга...

Игоря Витальевича, похоже, подобная картина поразила не меньше, к тому же, он рассматривал её «из первых рядов». Он ахнул, и вжался в спинку стула, пытаясь отодвинуться от колдуна как можно дальше. В конце концов, не выдержав не мигающего пронзительного взгляда Меземира, Игорь зажмурился и, кажется, принялся читать молитву, однако никакого результата это не принесло. Меземир лишь хищно улыбнулся и выпрямился, отходя назад и заложив руки за спину.

– Я ведь предупреждал тебя, что тебе не стоит лезть по всё это! Твой племянник полностью здоров, что тебе ещё нужно, идиот?! – совершенно другим тоном вдруг зарычал Меземир. Ехидство и издёвка пропали из его голоса, оставив

после себя только злость и искреннее непонимание.

– Я...

– Что? – нетерпеливо протянул Меземир.

– Я хочу, чтобы вы, нечисть проклятая, немедленно убралась из моего города! – осмелев от бездействия и более-менее спокойного тона дяди, крикнул следователь и вжал голову в плечи, ибо Меземир вновь склонился над ним, но, на этот раз, его лицо выражало гнев и желание прибить этого глупого человека.

– Людмила, выйди, – коротко и неоспоримо бросил дядя.

– А? Что? – погрузившись в размышления о странном поведении Меземира и следователя, я не сразу поняла, что обращаются ко мне.

– У твоей подружки всё ещё раны на коленях, иди и обработай их, – приказным тоном сказал Меземир, и я действительно не стала спорить с ним, но одарила взглядом, означающим, что я потом не отстану от него и выведаю всё, что нужно.

Уже перед тем, как прикрыть за собой люк, я услышала обрывок Меземира фразы: «...тебе мало того, что произошло в 94-м?»

Задержав свою ладонь на люк дольше положенного, я быстро одёрнула её и прижала к груди, тяжело дыша. От чего я вдруг выдохлась или разволновалась, трудно было сказать, но новые догадки атаковали меня с новой же силой. Если изначально у меня складывалось впечатление, что дядя и сле-

дователь знакомы просто из-за моей собственной паранойи и посвященности следователя в том, что магия существует, то сейчас можно было сказать, что все доказательства налицо.

– У вас там всё в порядке? – огорошила меня Вера своим вопросом, хотя говорила она довольно тихо. Видимо, я слишком глубоко ушла в себя.

– Да, просто взрослым надо переговорить, – я пожала плечами и чуть приподняла уголки губ.

– Да-а. Знаешь, не хочу показаться жестокой, но я даже не против того, чтобы твой дядя его немножко побил, – призналась Вера и нервно хихикнула. – Это же тот самый следователь, что допрашивал тебя в участке, да?.. К тому же он спокойно смотрел, как нас хотят побить, но когда ты стала обороняться, тут же выпрыгнул из кустов.

– Согласна, он не самая приятная личность, – я тяжело вздохнула и села на край дивана, сложив руки в замочек. – Но с некоторых пор я за то, чтобы по возможности решать всё мирным путём.

Вера понимающе кивнула и в знак сочувствия сжала мои скрепленные ладони своими.

– Ты не виновата в том, что случилось...

– Порою мне кажется совсем иное, – самоуничижительно произнесла я.

– Ну, так расскажи мне всё, а я уж выскажу своё мнение, – искорка хитрости промелькнула в её взгляде, и я, сдавшись, кратко поведала ей то, что знала о ведьмах и колдунах, а

также о настоящей причине срочного приезда Вайноны, Всевиды и Меземира.

– А ты можешь просто отказаться от прохождения этого «ритуала»? – скривившись от одного упоминания того, что меня хотят заставить продать душу, поинтересовалась Вера. Ох, а ведь я ещё не рассказала ей о жертве, которую нужно принести. И, наверное, не буду, чтобы не пугать её ещё больше.

– Тех, кто отказывается, убивают или ещё чего хуже, – мда, всё-таки я испугала её. Не надо было говорить про убийство.

– Звучит правдоподобно, учитывая повседневное поведение этих маньяков, – пробормотала Вера и боязливо вздрогнула, скривившись. Решив не терять времени, я стала обрабатывать её колени, вылечить которые оказалось гораздо сложнее, чем ладони, ибо раны были глубже и грязнее, и отвечать на последовавшие вопросы Веры.

– Но если эти маги такие сильные, и их много, то, как вы собираетесь противостоять им? Одно дело – обмануть, другое – драться с толпой обученных чародеев, – Вера задала вопрос, который ни разу не приходил ко мне в голову, но очень озадачил меня сейчас. Т. к. я сама не знала ответа на него, то решила перевести тему: – Я вижу, ты очень быстро приняла существование магии и то, что я ведьма.

– Люда, – по-доброму усмехнувшись, протянула она. – У тебя глаза светились, точно пламенем, а твой дядя-фокус-

ник одним прикосновением усыпил здорового мужика. Про это, – она демонстративно раскрыла зажившие ладони, – Я вообще молчу!

Что ж, хоть кто-то из нашего дуэта принял существование магии более менее здраво. Потому что я до сих пор иногда вздрагиваю от одной мысли, что в нашем мире живёт целая орда сатанистов со сверхъестественными способностями, члены которой ненавидят человечество и служат некому «Тёмному Владыке», иначе именуемому дьяволом или лукавым, а помимо них в лесах и, я уверена, прудах, болотах и прочих местах обитает нечисть, которая не прочь полакомиться человеческой плотью. От всех этих мыслей я на время перестала дышать, а когда глубоко вдохнула, то заставила Веру волноваться обо мне ещё больше.

– Люда, если я могу помочь тебе хоть как-то...

– Нет! – слишком резко оборвала я. Пусть лучше это будет кто-то из родителей. Они ведь сами заварили эту кашу, да и приносить никого в жертву я не собираюсь, так пусть хоть это урок им преподнесёт... Кого я обманываю! Как представлю маму на каком-то алтаре в окружении сатанистов вроде Вайноны, так сразу плакать хочется. Ну, никто на этой земле не заслужил быть принесённым в жертву дьяволу, никто! И душа должна принадлежать лишь одному человеку, но точно не «Тёмному Владыке»!

– Чем меньше людей в этом замешано – тем лучше, – безапелляционно отрезала я, заставив Веру досадливо поджать

губы.

Когда доносившееся из подвала гудение мужских голосов прекратилось, я в нетерпении вскочила и подбежала к люку. Первым на свет вышел Меземир, сразу за ним – Игорь. Исходя из того, что дядя позволил следователю находиться за своей спиной, я решила, что тот либо доверяет ему, либо не считает за угрозу. И то, и то было мне непонятно.

– На этом, я думаю, наш конфликт можно считать разрешённым, – остановившись посреди комнаты с гордо выпрямленной спиной сказал Меземир, обращаясь отошедшему от него на несколько метров Игорю.

– Я обещаю больше не лезть в ваши... – следователь брезгливо скривился, – ...дела. И клянусь никоим образом не препятствовать вам самим.

– Вот и славно, – удовлетворённо кивнул Меземир. – Иди прямо по лесной дорожке, и она выведет тебя к магазину, где ты сможешь вызвать такси, – после этих слов Игорь досадливо фыркнул, поняв, что они, видимо, не в основном логове, раз колдун позволяет ему запомнить путь до домика, и, не попрощавшись, ушёл.

Не выдержав, я отвела дядю в сторону и яростным шёпотом стала допрашивать: – Немедленно признавайся, откуда ты знаешь этого следователя, и что ты вообще задумал по поводу Веры?

– Ты должна ясно осознавать, что в мире очень... нет, слишком много людей, которые пострадали от рук колдунов

и ведьм, и этот человек – не исключение. Более того, на нашем пути нам не раз ещё встретятся люди, которые пострадали конкретно от твоих близких и дальних родственников...

– Кто и как умудрились навредить этому Игорю? – прервав, казалось, бесконечную тираду Межи, со сталью в голове спросила я.

– Проклятье, обычное проклятье, – попытался заверить меня дядя, но в тот момент, похоже. Я видела его насквозь. – Тебе не понравится то, что ты хочешь услышать.

– Не делай из меня дуру! Скажи честно, кто-то умер? – под конец мой голос дрогнул. Почему обычно безжалостно равнодушный Меземир решил позаботиться о моих чувствах и не открывать мне какую-то страшную тайну? Или он заботится о своей репутации?

Кинув красноречивый взгляд в сторону старательно смотрящей куда угодно, кроме как на нас Веры, Меземир наклонился к моему уху и еле слышно прошептал: – Мать Игоря каким-то образом оскорбила Вайнону, и та прокляла её рот. Через месяц она умерла.

– Прокляла... так же, как я её внука, получается? – сглотнув, прохрипела я. В ответ дядя тяжело вздохнул и кивнул. Схватившись за голову, я отошла на пару шагов, а потом, почувствовав слёзы на щеках, выбежала из дома и умчалась в лес, не разбирая дороги.

Честное слово, в тот момент я была, как громом поражённая. Голова гудела, я сердце больно ударялось о рёбра, норо-

вя выпрыгнуть из груди. Ком в горле мешал нормально дышать, и я остановилась, но на этом мои терзания не закончились. Я ударила по дереву кулаком, и по тому поползла трещина. Громко и протяжно заревев, я села прямо там, где стояла, не думая о том, что испачкаю одежду, или о том, что лесные жуки могут заползти на меня. Мне не хотелось думать ни о чём. Было ужасно больно осознавать, что я так похожа на Вайнону несмотря на то, что всегда придерживалась иных жизненных принципов и моральных устоев. Хотя кого я обманываю? Мой отец же из семьи эти уродов! Может, он и привил мне что-то ненормальное, нечеловеческое, воспитывая меня. А я и не заметила! Дура! Реальная дура! Ещё и человека чуть не погубила!

Тяжесть в груди, напоминающая изжогу, заставила меня подавить очередной всхлип и стон, и в удивительно оглушающей тишине леса я услышала рычание невдалеке от себя.

– Не-ет, – отчаянно протянула я. – Только не ты! – я попыталась быстро вскочить на ноги, но из-за неудобной позы конечности затекли, и я, запутавшись в своих же конечностях, упала носом в грязь и через несколько секунд почувствовала капающую на мою макушку слюну.

– **Я давно жду тебя**, – еле разобрала я. Голос, прозвучавший надо мной, больше напоминал звериный рык, исходящий из сломанного динамика с песком внутри.

«ОНО ЕЩЁ И ГОВОРИТ!» – мысленно закричала я и рефлекторно дёрнула головой вверх, случайно ударя монстра

по подбородку и заставляя взвыть от боли. Он отшатнулся, прикрывая когтистыми лапами лицо, а я, не теряя времени, поднялась, чуть снова не упав из-за скользкой грязи под руками, и побежала, но на этот раз, намного быстрее. Видимо, силы ведьмы вновь проснулись во мне и решили в кои-то веки действительно помочь, а не подставить.

Волк-леший не долго медлил и ринулся следом. У него было значительно преимущество: мускулистые лапы помо-

гали с лёгкостью перепрыгивать все кочки и поваленные деревья, а змеиные глаза видели гораздо лучше моих даже на такой скорости, когда пейзаж вокруг проносится, как кадры на старинной плёнке. Он рычал и рвал когтями землю, а я еле сдерживалась от крика, хотя делать это, наверное, всё-таки стоило, ведь меня тогда было бы проще найти, но я берегла воздух в лёгких и силы. В какой-то момент, когда даже ведьмина выносливость перестала работать, я вдруг подумала: «А почему я не могу дать ему отпор так же, как людям?»

Я остановилась, резко повернулась и направила на монстра руку так, как учил Меземир, когда с неохотой показал мне парочку проклятий. Этот волк, больше похожий на человека в костюме медведя со змеиными жёлтыми глазами, упал и проехался брюхом по земле назад, но потом резво вскочил на лапы и с ещё большим остервенением бросился на меня. Вместо того, чтобы отпрыгнуть или попытаться ещё раз отбросить его, я закрыла лицо руками и зажмурилась, но удара так и не почувствовала. Зато услышала, как начало потрескивать пламя, пронёсшееся мимо меня и попавшее в монстра, который издал болезненный вой и, поскуливая попытался отползти, с ужасом поглядывая мне за спину. Обернувшись, я увидела Меземира и, облегчённо вздохнув, снова посмотрела на чудище. Под ним наливалась лужа крови, от вида которой меня затошнило, но я не смогла отвести глаз до тех самых пор, пока дядя не убил его, отправив второй огненный шар, но намного больше предыдущего. Запах па-

лёной плоти вот-вот был готов добить меня, а вид сворачивающейся в трубочку кожи отрезвил меня и заставил отвернуться.

Взгляд Меземира был ещё более озверевшим, чем у только что убитого монстра. Таким ошалелым я его ещё никогда не видела. Стало поистине страшно.

– Ты!.. – взревел он. – Идиотка!.. Ты же угробишь себя раньше, чем это сделает Вайнона или Тёмный Владыка!..

– Тебе-то какая разница?! – я не стала молчать. Вдруг вспомнилась причина, по которой я убежала. Я боялась самой себя, и не хотела быть такой же, как большинство моей родни. – Вам всем всегда было плевать на меня! Так зачем же тебе сейчас помогать мне?!

– Потому что никто не помог мне! – намного громче меня, с надрывом, крикнул Меземир и глубоко задышал в попытке уговорить усиленно застучавшее сердце. Я посмотрела на него, он посмотрел на меня: оба мы были красные, вспотевшие и уставшие, только я, правда, была ещё и грязной, а на пальцах дяди чернел пепел. – Можешь считать меня эгоистом, но стоило мне услышать от Вайноны, что мы едем за тобой, чтобы обратить тебя, я вспомнил себя – такого же юного и наивного, вот только мне так никто и не помог. Лада не думала о том, на что обрекает и меня, и себя, и теперь нам обоим уготован ад. Ей как жертве, а мне как продавшему душу, – его плечи опустились, и сам стал казаться каким-то маленьким и беспомощным, благодаря чему мне с лёгкостью

удалось представить его моим ровесником, таким же неуверенным и потерянным от навалившейся ответственности за дар, который ни он, ни я не просили. – Я всё ещё ясно помню, какой ты была в детстве, и как над тобой издевались и Вайнона, и твои родители, – Меземир сглотнул, его кадык подпрыгнул, а я так и вовсе перестала дышать. – И помню, что не сделал ничего, чтобы помочь тебе. Я просто не считал этой проблемой, не мог даже подумать, что может быть иначе! Я был молодым и глупым!.. Но сейчас я осознаю, что, если бы я попробовал вмешаться раньше и уговорить твоих родителей в случае обнаружения у тебя магии, то они бы увезли тебя далеко, и Вайнона бы никогда тебя не нашла.

– Звучит слишком оптимистично, – хмыкнула я, опустив голову и прикрыв глаза, но, почувствовав дождевые капли на макушке, я подставила лицо под них, чтобы ощутить приятную и бодрящую прохладу на лице. – Знаешь, самое обидное заключается в том, что не ты должен говорить мне все эти слова утешения и извинения. Да и они сами могли подумать об этом, – я не уточняла, но Меземир и без моих слов вполне мог догадаться, что речь идёт о родителях. Ха... а я ведь пообещала их так больше не называть, но всё равно что-то мешает отпустить их.

– Они все сначала ведут нас на этот ритуал, а потом... – он поморщился и обнажил клык, – ... отвергают. Моя мать повесилась через неделю после моего ритуала, а в записке написала, что я монстр. Хорошо, хоть не стала продавать мою

душу по роду.

– Твоя мать что?.. Или нет, лучше расскажи про последнюю, что ты сказал, – меня настолько шокировала его последняя фраза, что я эгоистично решила не выказывать ему свои соболезнования. Глаза Меземира округлились не меньше моих, и он виновато поджал губы.

– Похоже, я кое-что упустил... Пойдём, – Межа поманил меня рукой, и я без сомнения последовала за ним. Стоило мне подойти, как он накинул на меня свой плащ, и повёл в сторону домика, в котором нас ждала Вера. – Нужно успокоить твою подругу. Я уверен, она места себе не находит.

– Да-да, а теперь выкладывай про «продажу души по роду», – грозно спросила я, и меня не смогла заглушить даже молния, испещрившая небо трещинами.

– Это редко проводится. Как правило мы не тревожим Тёмного Владыку «по пустякам», – попытался отмахнуться Меземир, но, увидев мой серьёзный взгляд, со вздохом продолжил: – На самом деле, своей душой можешь распоряжаться не только ты, и я сейчас имею в виду не Бога и не твоего Ангела Хранителя. Твои родители – не важно, благополучная ли у вас семья, и кто тебя воспитывал – могут почти полностью распоряжаться твоей душой. Ты могла слышать подтверждение этому из различного рода городских легенд, быличек и сказок. Когда мать или отец со злости проклинаят нашкодившего ребёнка, велят Лешему или ещё какому-нибудь нечистому его забрать, ребёнка и правда кто-то похи-

щает. Вернёт нечисть ребёнка или нет – зависит от слов проклявшего родителя и от кровожадности нечисти. Это своего рода сделка. Если бы родители не распоряжались душами детей, то нечисть вне зависимости от того, кого прокляли, забирала бы либо самого сквернословия, либо его супруга или супругу.

– Ты сказал «почти полностью». Что это значит? – зацепившись за единственный светлый проблеск в этом океане безумия, нетерпеливо поинтересовалась я, еле дождавшись, пока дядя закончит говорить.

– Если твои родители согласятся отдать твою душу Тёмному Владыке, то он и его приспешники смогут чувствовать твоё присутствие, пока ты не научишься толково прятаться, но для этого нужно быть мастером в чарах сокрытия. Но ты можешь не беспокоиться: мы обсуждали с Вайноной и Всевидой, нужно ли это делать, и пришли к выводу, что это пустая трата времени, – честно признаться, он не сильно успокоил меня, но я постаралась сделать более непринуждённый и спокойный вид. Не факт, что он поверил мне.

– Что ж, будем надеяться, что тараканы не решат станцевать чечётку в голове этих ведьм, и те не передумают, – мрачно усмехнулась я, и дядя рассмеялся в ответ. Мне редко когда удавалось запечатлеть на его лице улыбку, а про смех я и вовсе молчу, так что это весело подняло мне настроение. Однако перед входом в хижину я вдруг вспомнила ещё один момент, который мучал меня: – Скажи честно, что ты заду-

мал по поводу Веры?

– Я-то ничего, а вот Вайнона явно нацелена на то, чтобы использовать её в качестве жертвы в твоём ритуале, – Меземир вмиг посерьёзnel и будто бы состарился в лице и во взгляде. – Твоя бабушка Иста – не вариант, т. к. подобные жертвы, старые и мудрые, не нужны Тёмному Владыке, через родителей на тебя можно будет продолжать давить и влиять. Остаётся твоя молодая и жизнеспособная лучшая подруга, с которой вы близки как сёстры.

– Звучит очень цинично, – угрюмо заметила я, поглядывая на дядю исподлобья.

– Тем не менее, Вайнона руководствуется именно такой логикой, – смиренно опустил глаза, как бы оправдываясь тот. – И именно поэтому мы должны уговорить Веру помочь нам... – заметив то, что я собираюсь возразить, Меземир повысил голос: – Ей даже ничего не придётся делать. Разве что покорно лежать без сознания на алтаре до того, как мы вытащим её.

– Если мы вытащим её, – пессимистично добавила я. – Почему мы не можем просто спрятать её?

– Во-первых, это невозможно, потому что мы вряд ли сможем донести до её родителей всю важность её и желательно их отъезда. Они просто не поверят нам. А во-вторых, это будет выглядеть подозрительно для Вайноны, она начнёт проверять нас, следить за нами, и, в конце концов, докопается до истины, – я помолчала минуты две, раздумывая над его

словами.

– Скажи, а... дедушка со стороны отца... муж Всевиды. Он?.. – неожиданно начала я и прикусила язык. Вспоминая о том, что мой отец почти не помнил отца, а о причине его смерти я ничего не знаю, разные мысли посещали мою голову.

– И как ты догадалась? – тяжело вздохнув, спросил Межа.

– Значит он был принесён в жертву Всевидой, да? – мрачным тоном уточнила я. Меземир сочувствующе кивнул. Я снова замолчала на какое-то время, а потом также не говоря ни слова зашла в хижину и столкнулась нос с носом Веры.

– Где вас носит, господь всемогущий! – Вера возмущённо всплеснула руками, после чего уперла кулаки в боки, а я не могла не заметить, как колдун поморщился при «упоминании господя».

– Я немножко психанула и убежала в лес, как ты, наверное, уже знаешь, – я не хотела рассказывать ей о том, что вновь повстречалась с тем чудищем, чтобы не волновать её ещё сильнее, ибо жалость, которая могла проснуться в ней по отношению ко мне, могла подтолкнуть Веру согласиться помочь нам спасти мою душу, рискуя своей.

– И «удачно» наткнулась на лесного монстра, – ехидно добавил Меземир, со злорадством отмечая моё неудовольствие от произнесённого.

– Опять?! – шокировано воскликнула Вера, сдавая меня с потрохами.

- Опять?! – ничуть не сдержаннее удивился дядя.
- Похоже, я кое-что упустила...

Глава 11. «Путь»

Вера не могла просто так оставить свою подругу в беде. Они дружили уже слишком долго, чтобы она могла с лёгкостью закрыть глаза на измученный вид Люды, которая, к тому же, отказывалась от какой-либо помощи. Единственное, что было ей известно (со слов Меземира), так это то, что день так называемого «ритуала» приближался, по мере чего опасность, нависшая над Людой Потворской, увеличивалась в геометрической прогрессии. Поэтому Вера начала следить за её родственниками, что у неё, несмотря на принадлежность к обычным людям, очень даже получалось. Меземир намекнул ей, где можно встретить Вайнону и Всевиду, чтобы лишний раз помелькать у них перед глазами, но также и предупредил её о том, что не стоит делать это слишком часто.

«Не буди Лихо, пока оно тихо», – приняла для себя Вера.

С виду Вера была хрупкой и неуверенной в себе, но стоило ей чем-то загореться, и она сделает всё ради достижения своей цели. В этом, наверное, они и сошлись вместе с Людой.

Она отследила одно из странных и не подчиняющихся логике передвижений Вайноны, всё ещё пытаюсь разгадать план её действий. Это не входило в её задачи, но любая информация может оказаться не лишней. Вдруг она увидит, как ведьма покупает что-то странное, и Меземир узнает в

этом, например, рецепт какого-то очень опасного зелья? Однако в прошлый раз тётка Люды посетила – всего-то! – мясную лавку, в позапрошлый – гипермаркет, а до этого – обычный продуктовый. В свободное время она также успела побывать в парке и на почте, что крайне отличалось от поведения «злой ведьмы». Вере всё казалось, что она что-то упускает, но это «что-то» постоянно ускользало от её сознания. Ну, не могла же эта ведьма, в конце-то концов, как нормальный человек закупаться едой, бытовыми товарами и получать самую обыкновенную почту? Вера считала, что нет, но, в то же время, толком не могла это аргументировать кроме как привитыми мультфильмами и книгами стереотипами о ведьмах. Впрочем, ведьмы вроде Вайноны не так уж далеки были от вымышленных образов.

Задумавшись над реальной причиной посещения Вайноной находящегося на отшибе киоска с газетами, Вера не заметила, как ведьма уже купила «нужный» ей журнал и скрылась за поворотом. Но совсем скоро вместе с осознанием очередного провала в голову Веры прилетел меткий удар силовой энергии, направленной непосредственно Вайноной, заметившей слезку ещё в самую первую её попытку. Ей всего лишь было необходимо убедиться, насколько упорно девочка будет пытаться спасти свою подругу, что, естественно, продемонстрирует уровень её привязанности, которая – старая ведьма не сомневалась – является взаимной. К несчастью обеих, Люда и Вера стали сёстрами, готовыми пойти на

всё друг для друга. Но Вайнона считала, что сумеет помочь Людмиле избавиться от нелепой девчонки и обрести настоящих сестёр. Ибо никто ещё на её веку не отказался от великого соблазна стать последователем Великой Тьмы, дающей безграничную власть умеющим управляться с нею ведьмам и колдунам. А у Людмилы, к тому же, был огромный тёмный потенциал, который в нужный момент направит её в правильное русло.

Ох, знала бы отчаянная Вайнона, что Люда уже была направлена туда, куда нужно. И даже близящаяся с каждым днём гибель не способна была обратить её во зло. Никогда.

Или же?..

Ровно неделя прошла с тех пор, как я сдала свой последний экзамен. Однако вместо того, чтобы волноваться о баллах, которые вот-вот должны были появиться на сайте, давно оставленном в закладках браузера, я медитировала. Или что-то вроде того. Межа назвал это «слиянием внутренней и внешней природы» или же «души и тела». К моему удивлению, он признался, что часто практикует это, но как любитель. Никто не учил его этому, нынешним колдунам был выгоден хаос, поэтому единственным источником информации слияния послужила старинная книга, которую Межа надёжно спрятал у себя дома, недалеко от оплота братства Тревзор.

– На сегодня достаточно, – утерев пот с лица, Меземир поднялся и снова принял невозмутимый вид, однако я уже

успела увидеть изнурение на его лице.

– Я не устала, могу ещё посидеть, – честно призналась я. – Я бы даже сказала, что впервые смогла нормально отдохнуть после того, как началась вся эта заварушка с экзаменами и ведьмами, – лёгкое удивление промелькнуло во взгляде Межи, но его тотчас же сменила крайняя степень довольства. Я недоумённо изогнула брови, и он объяснился: – Значит, в тебе больше светлого, чем тёмного. От рождения в человеке всегда есть и свет, и тьма, но после продажи души остаётся лишь тьма, – он печально вздохнул и отвернулся к окну. Был уже вечер, но солнце продолжала светить. Приближался день летнего солнцестояния – самого длинного дня и самой короткой ночи. Для большинства людей – это будет самый обычный день, но для меня он будет решающим. Страшно представить, но, если у нас с Меземиром ничего не получится, нас обоих, скорее всего, убьют, как и моих родных, и Веру, в том числе. И даже хуже – Меземир-то не просто умрёт, а попадёт прямо в лапы к Тёмному Владыке, который вряд ли просто так отпустит его грешную душу. Вечные муки – вот, что его и, возможно, меня ждёт.

– Я хотела спросить... – неуверенно начала я и, получив кивок в ответ, продолжила: – Что означают эти «тьма» и «свет»? Просто для меня эти понятия всегда означали «зло» и «добро», но ты-то ведь не злой, и, при этом, утверждаешь, что в тебе много тьмы.

– Это сложно объяснить, – Меземир устало потёр виски

и опёрся спиной о стол. – Представь, что есть энергия, которая заполняет всё твоё существо, и от её насыщенности зависит сама твоя жизнь. Как правило, тёмная энергия больше всего сказывается на теле, а светлая – на душе. Я же продал душу, поэтому любые мои добрые дела не засчитываются, да и смысла в этом нет. Душа ведь уже в аду, хотя и зла я много принёс людям, когда выполнял приказы братства, – он старался говорить спокойно, но чувство собственной обречённости всё же было ощутимо. Он сквозило в смысле слов и наигранной безэмоциональности в голосе, а ещё – в блестящих тоской глазах. Меземир вдруг сардонически усмехнулся и добавил: – Может, это и есть мой шанс хоть когда-нибудь увидеться с сестрой.

Повисла не то, чтобы неловкая, но очень не приятная тишина. Я чувствовала, будто от меня требовались какие-то слова утешения, но подобрать их я не могла. В голове был колтун из мыслей, мне одновременно стало и грустно за судьбу Межи и его сестры, и страшно, ведь я сама могла повторить её, только вместо сестры моей «жертвой» могла стать лучшей подруга, что стала мне родной. Увидев мои беззвучные страдания, Меземир поспешил разглядить обстановку: – А-а, я слышал, что у тебя выпускной на носу. Двадцать четвёртого июня, да? Платье уже выбрала, надеюсь? После срыва ритуала у тебя вряд ли будут силы бегать по магазинам.

– Фу, не люблю носить платья, – показательно фыркнула я. – Родители поставили ультиматум: либо я надеваю платье

и иду на выпускной, либо остаюсь при своём мнении и сижу дома, – я сжала колени пальцами, чтобы скрыть дрожь. Так трудно было говорить о родителях сейчас, после их предательства, и пытаться не заплакать. – Последний срок оплаты – завтра, а я всё ещё при своём мнении.

– Я понял тебя и очень уважаю твоё мнение, – серьёзно заявил Меземир. Я смущённо улыбнулась в ответ, благодарно кивнув, и встала на ноги.

– Я, конечно, не прочь помедитировать ещё, но уже пора ужинать, а мы ещё даже не обедали.

– Верно. Переодевайся, я жду внизу.

Надеясь на то, что остальные жители дома уже давно поели и закрылись в своих комнатах, мы с дядей вошли в дом. Он направился в свою спальню, чтобы положить свои вещи и по дороге закинуть в комнату мою спортивную сумку, а я сразу пошла на кухню. Однако и этой ночью мне было суждено там встретиться с Всевидой. Хвала небесам, на этот раз она была в человеческом облике (если это всё не было иллюзией).

– Ты где так долго гуляла? – до жути доброжелательно и заинтересованно спросила Всевида. Её улыбка была сильно растянута, а глаза распахнуты, будто век у неё и вовсе не было. Мой взгляд невольно так и норовил посмотреть на оголённую шею в поисках перьев. И хоть её внешний вид сейчас не должен был пугать, но смесь её скрипучего высоковатого

голоса и моего воображения выбили из меня весь дух. К счастью, моё молчание не успело стать подозрительным, ведь на кухню вошёл Меземир, отвечая на вопрос: – Документы из школы забирала, а я подвозил.

Он совершенно невозмутимо подошёл к холодильнику и достал оттуда контейнеры с картофельным пюре и котлетами, которые он же и приготовил. В последнее время, мать делала какую-то странную еду из водорослей, потрохов и всевозможных ножек, плавников и других отходов, т. к. это всё очень нравилось Вайноне. К моему счастью, Меземир был этим так же недоволен, как и я, и у него периодически появлялось время либо приготовить что-то самому, либо заехать за гостинцами к бабушке Исте.

– А выпускной когда будет? А вручение аттестатов? Мы могли бы прийти и поддержать тебя, – Всевида продолжала навязчиво сыпать вопросами, отчего у меня загудело в голове, но я постаралась не морщиться и ответить предельно вежливо: – У нас в школе маленький актовъ зал, и нас просили по возможности даже родителей не приглашать, всё равно нанятый фотограф все нас пофотографирует. А на выпускном я не собираюсь долго присутствовать, не люблю шумные мероприятия, – Меземир одобрительно кивнул мне и спрятал улыбку за сжатыми губами. Благодаря этому я смогла немного расслабиться и перестать ожидать того, что из-за моих же неправильных действий эта недоптица заклюёт меня. Признаться честно, она до сих пор казалась мне не

менее жуткой, чем то чудище из леса. И, исходя из того, что она сказала далее, не зря, не зря: – Твой дар убеждения, возможно, сумеет переубедить этих людей. Мне бы о-очень хотелось посмотреть на детишек вблизи, – услышав это, я не сразу поняла, что меня тревожит в её словах. Потом до меня стало доходить, но я всё ещё надеялась, что это чёрный юмор вновь проснулся во мне, или же просто виноват стресс, однако же выражение лица Меземира подтвердило мои ужаснейшие догадки. На этот раз я ничего не смогла выдавить из себя, поражённая не в сердце, но в голову.

– Глупости, – шипяще буркнул Межа. – С чего ты взяла, что у неё дар убеждения? – он благоразумно решил перевести тему, с грохотом ставя передо мной тарелку с едой. Но есть мне перехотелось оттого, что в голове мелькали непрошенные картинки, полные крови и разрушений.

– У нас в роду были подобные таланты, – елеино улыбнулась Всевида. – К тому же, стала бы Вайнона так с ней возиться, будь её дар заурядным? А ты стал бы? – с хищным прищуром прошипела она, а я была в шаге оттого, чтобы вскочить с места и убежать как можно дальше. В груди защемило, а пальцы вцепились на обивку дивана, которая вот-вот могла начать трещать по швам. Безумные мысли заполонили разум: «может, стоит прямо сейчас убить её и бежать вместе с Меземиром?» или «может, стоит подкрасться сегодня сзади к Вайноне и покончить со всем этим?»

– Даже Вайнона не может предвидеть дар, – сказал, как

отрезал Меземир, высокомерно поглядывая на Всеvidу. – Я же лишь выполняю её приказы и свой долг. И поверь, шутить с этой девочкой не стоит, иначе твой клюв вскоре найдут отдельно от туловища, – по-звериному наклонив голову набок, почти шёпотом произнёс колдун и растянулся в удовлетворённой ухмылке. Осознав, что речь идёт обо мне, я подняла шокированный взгляд и встретилась глазами с изучающей моё лицо Всеvidой. И она, видимо, увидела нечто такое в моих глазах, что не могла увидеть я сама, и что невероятно испугало её. Может, мои глаза вновь зажглись потусторонним зелёным светом, но стала бы ведьма пугаться подобного?

– Всем доброго дня, – сухо поприветствовал нас мой отец, когда вошёл на кухню. Накладывая себе еду, он из вежливости поинтересовался: – О чём спор?

– Да вот Людмила рассказывает о своей школе, когда будут выпускной и вручение аттестатов, – снова расплылась в жуткой улыбке Всеvida, обернувшись на сына. И, наверное, только тогда я в полной мере смогла понять, что мой отец рос вместе с этой страшной женщиной, и каким-то образом даже смог чего-то добиться в жизни.

– Ах, да! Опять эта шарманка! Да тебе самой там делать нечего, а родители должны присутствовать! Мы ж на твои оценки и экзамены работали! Если бы не мы, ты бы эти свои пятёрки и четвёрки в жизни бы не получила... Тьфу! Современные дети учителей слушать не могут, репетиторов им по-

давай и всю жизнь на них батрачь!.. – гневная тирада была явно обо мне, и я подняла измученный взор теперь уже на отца, не в силах слушать эту повторяющуюся из года в год речь. Настало время ему испуганно отшатнуться, будто он вспомнил, что они с матерью теперь боятся и избегают меня. Забыв о еде, он спешно покинул кухню бледный, как простыня.

– У меня живот болит, я потом поем, – отодвинув нетронутую тарелку в сторону, я ушла к себе в комнату и не выходила до утра, листая книгу об истории ведьм и колдунов. Меня интересовали одни из самых сильных и известных даров, один из которых мог проявиться и у меня. А станет он для меня проклятьем или же благословением, оружием или лекарством – я решу сама. И, надеюсь, верный наставник в лице дяди подскажет мне правильный путь.

Глава 12. «Время пришло»

Было позднее утро, почти обед, но я не собиралась выходить из комнаты, несмотря на невыносимое чувство голода. Осталось меньше дня до ритуала, и я пыталась дозвониться до Веры, чтобы узнать, как она себя чувствует, и лишний раз постараться отговорить её от помощи нам, но она, взрачивая во мне тревогу и отчаяние, не отвечала. И вот, после, наверное, пятидесятого звонка, мне позвонила её мама, одним гудком подкрепив во мне все самые ужасные опасения:

– Здравствуй, Люда. Вера случайно не у тебя?

– Здравствуйте... – я на миг умолкла, не зная, соврать или сказать правду. Подобный расклад мы не обсуждали с Верой и Меземиром. – А она не вернулась домой?

– Нет, сегодня как вышла за мороженым в десять, так и не пришла... – прозвучал обеспокоенный голос матери Веры.

– Может, телефон сел?.. Если смогу до неё дозвониться, я сразу же с вами свяжусь! – чуть ли не выдавливая из себя слова из образовавшегося в горле комка, протараторила я. Было и стыдно, и страшно, и больно оттого, что я своим существованием подвергаю подругу опасности, а её близких заставляю волноваться. Была бы моя воля, я бы стёрла всем людям память обо мне и спряталась бы где-нибудь далеко-далеко, чтобы больше не мешать никому жить!

Мы попрощались, и спустя минут десять ко мне посту-

чался Меземир. Прикрыв за собой дверь, он очень тихо, но слышимо для меня прошептал: «Они взяли Веру и спрятали в подвале». Я тут же вскочила и хотела было умчаться к подруге, чтобы проверить её состояние, но дядя мигом остановил меня и пригрозил пальцем.

– Всю операцию нам сорвёшь!.. Всё с ней в порядке! – он утёр пот со лба, прикрыл глаза, дабы успокоиться, потом сказал: – Ты-то сама как? Готова?

– Молитву я выучила, помедитировала, но... – я подняла на Межу загнанный взор. Мой голос дрожал, как и всё тело. Ещё несколько секунд, и я могла свалиться в обморок. – Что если у нас ничего не получится? – и неожиданно он обнял меня, крепко прижимая к груди, в которой билось и билось живое человеческое сердце, отбивая какой-то невообразимый ритм. Дядя боялся, боялся точно так же, как и я, и не был готов ответить на мой каверзный вопрос, но, не знаю какими усилиями, он заставил себя твёрдо и уверенно посмотреть мне в глаза и сказать: – Ничего. Если у нас не получится, для нас уже ничего не сделаешь. Но, Люда, я обещаю тебе сделать всё, что в моих силах. Пообещай и ты мне.

– Я обещаю сделать всё, что в моих силах, чтобы спасти нас, – решительно проговорила я и, не сумев совладать с эмоциями, снова сжала тощее тело Межи, обхватив руками. Через некоторое время, Меземир, как бы незаметно для меня стёр влагу с глаз, и, отпрянув, произнёс: – Пора готовиться. Вайнона ждёт нас.

Как бы Меземир не хотел поехать сразу вместе с Людой, Вайнона поручила ему вместе с Всевидой закончить сбор вещей, в число которых входили укрепляющие зелья, которые должны понадобится новоиспечённой служительнице ада после ритуала. Компания Всевиды всегда была тягостной колдону, но он уже привык игнорировать её попытки разозлить и задеть его. Он понимал, что бабка Люды просто завидует тому, что он сильнее её, и ритуал не принёс ему такого же «побочного эффекта» в виде полугарпиевидного состояния, как ей. Да и, к тому же, старой карге хватило птичьих мозгов, чтобы увидеть, что её талантливая в магии внучка больше ценит его общество, а не её, хоть это и её вина. Никто не заставлял её позволять Вайноне издеваться над бедной маленькой Люсей, и посещать ей лишь тогда, когда ей хочется попьанствовать с остальными родичами в квартире или на даче сына.

Осторожно складывая бутылки и склянки в сумку, Меземир незаметно припрятывал некоторые себе в потайные карманы, понимая, что в спешке они с племянницей могут потерять сумку и лишиться всех запасов снадобий разом. Однако в процессе сборов он заметил некоторые странности и решил не молчать о них, не сразу догадавшись, что и к чему:

– Половины зелий не хватает, а ещё вчера они были здесь. Может, Вайнона уже сама всё собрала и забыла? Хотя это звучит, как б..! – повернувшись в сторону Всевиды, он об-

наружил распушившую свои перья старуху, которая, не забыв также отрастить клюв на уродливой морщинистом лице, приготовилась к атаке со спины. Увидев обращённый на неё яростный взгляд осознания, она засвистела и закричала, как павлин, т. е. противно и протяжно, и задними лапами, которые отныне тоже были птичьими, попыталась схватить Меземира за лицо, но ей удалось лишь оцарапать его.

– Ах ты мерзкая тварь!.. – зарычал не хуже зверя из леса колдун и направил на обращённую ведьму столп пламени, не жалея деревянный дом. Лак на стенах оплавился, но огонь лишь немного опалил крыло Всевиды. Она выпорхнула из комнаты, а Меземир – вслед за ней. Он, не осторожничая, принялся палить из стороны в сторону, но, услышав кашель из спальни родителей Люды, застыл на время. Распахнув магией дверь, он выбил окно в их спальне и крикнул: – Выметайтесь! – супругам Потворским и делать-то ничего не оставалось, кроме как послушаться его и спрыгнуть на козырёк веранды, чтобы сбежать из горящего дома.

– Предатель! – снова заняла сиреной Всевида, и толкнула его на торчащие куски стекла на окне, но Меземир сумел вильнуть в бок и удариться лишь о стену.

– Кто бы говорил, чудовище! – он снова зажёл огонь, но на этот раз не в руках: пара искр на держателе люстры, и та упала на Всеvidу, но ведьма быстро скинула её с себя.

Поняв, что с помощью магии ему придётся долго с ней возиться, Меземир воспользовался минутным замешатель-

ством Всевиды от удара, и придавил её к полу, наступив ногой на живот. Ведьма стала судорожно дёргать лапами и крыльями, в ужасе вереща и проклиная колдона, но вскоре на веки замолчала: её голова откатилась в угол, в то время как Меземир брезгливо обтирал кинжал о простыню от крови.

Кинув обречённый взор на тёмное небо, он хрипло прошептал: – Чёрт! Я не успею...

Руки дрожали; я медленно шагала к капищу, окружённо-му четырьмя столбами, изображающими искажённые в гневе, страхе, печали и отвращении лица. В центре ритуального рисунка, выведенного мелом, прямо на горячем камне лежала бессознательная Вера. Её брови были нахмурены, а губы сложены в нервную улыбку, ноги и руки были раскинута в разные стороны. Приблизившись, я смогла увидеть еле заметные в пока ещё тусклом лунном свете металлические об-ручи на её запястьях и лодыжках, от которых тянулись тонкие, но крепкие цепи до столбов. Я взволнованно потёрла свечу, которую несла всё это время, и невольно оглянулась: его нигде не было, зато вокруг собралась просто уйма колдунов и ведьм, одетых в безразмерные балахоны. Видимость всё ещё была ужасной, но я готова была поклясться, что у многих из них на лицах застыли жестокие хищные оскалы, а в глазах не было ни капли жалости и света.

Вместе со мной, но с противоположной стороны, на платформу с капищем взошла Вайнона, неся в руках...

– Ох! – из меня невольно вырвался ошарашенный вздох. Тётка притащила целое ведро мёртвых тушек грызунов и раскидала их по каменной платформе. Все они казались очень тощими и сухими, будто из них выкачали всю кровь. И, судя по тому, что вскоре два мага притащили огромную золотую чашу с алой жидкостью и водрузили её около головы Веры, я не была далека от истины.

– Дорогие братья и сёстры! – начала приветственную речь Вайнона, и я оторвала взгляд от Веры, переведя его в ту сторону, куда обращалась тётка. – Этой ночью мы примем в свои круга новую ведьму, чей потенциал уже предвещает нам небывалую мощь! – толпа довольно заулюлюкала и захлопала. – С силой моей племянницы Людмилы мы, наконец-таки, сможем явить своё существование всему миру и восстановить свою власть и власть нашего Повелителя! – я еле удержалась от ещё одного шокированного вздоха, но всё же посмотрела на тётку. Сознание отказывалось принимать её безоговорочную веру в то, что дьявол восстановит справедливость на планете. Это же полный бред! Какие там справедливость, спасение, если мы ради него должны убивать дорогим нам людей?! Причём таким мучительным способом!

«Ну же, Меземир, миленький! Самое время появиться и помочь мне спасти мою подругу... и заодно отколошматить парочку чернокнижников», – мысленно взмолилась я, сильно стискивая свечку в руках. Под ногтями успело скопиться огромное количество воска.

Не мог же он меня предать! После того, что дядя мне поведал и, если это правда (а я почему-то почти не сомневалась в его искренности), он просто обязан помочь мне и вместе с тем восстановить настоящую справедливость, наказав виновных в смерти сестры.

– Но лишь уничтожив свою слабость, Людмила сможет достигнуть пика своих сил и стать навеки преданной Тёмному Владыке! Восславим же бессмертный ритуал! – торжество вскричала Вайнона последние слова вступительной речи. Ведьмы и колдуны радостно засвистели и захохотали, хлопая в ладоши или стуча посохами о камни. Луна засияла почти над моей головой.

Я ещё раз оглянулась в поисках Меземира. Не найдя его, я мысленно пообещала себе, что если не получится спасти Веру, то я паду вслед за ней. Другого не дано. За свои ошибки нужно платить.

Вдох-выдох.

– Перед началом моего посвящения мне хотелось бы сказать пару слов, – резко и быстро начала я под нетерпеливым взглядом Вайноны. Я ответила ей коварной ухмылкой, и в её глазах загорелся неподдельный интерес. – Долгое время я считала себя слабой, беззащитной. Я готова была опуститься до угроз младшим, лишь бы почувствовать хоть толику превосходства! – толпа недоумённо замолкла. Для них было нормой издеваться над детьми. Отвратительно. Я тяжело вздохнула и продолжила: – Теперь же я смотрю на всех вас и

понимаю, как же я ошибалась. Я всегда была и буду сильной, покуда в меня верят, и я верю в саму себя, ибо от меня зависит слишком многое, чтобы проиграть из-за простой неуверенности в себе... Настало время избавиться от моей слабости! – воскликнула я. Шум вернулся вместе с моими последними словами. Я медленно обернулась и подошла к Вере с правой стороны, делая вид, что отчаянно не пытаюсь обойти разбросанные тушки грызунов. С левой стороны подруги Вайнона положила бычий череп. Его пустые глазницы были направлены прямо на меня и, кажется, сверкнули красными огоньками. Сглотнув, про себя обругала Меземира всеми возможными оскорблениями, припомнив его родственников до седьмого колена, и, обхватив покрепче свечку, которую подменила самой обычной, без белладонны и пепла внутри, зашептала молитву, которую передал мне Меземир по совету бабушки. Злорадная нечисть вокруг не слышала, что я говорю, наивно полагая, что это слова заклинания. Впопору было победно улыбнуться, но моё настроение резко ухудшилось от его появления – это был следователь Игорь Витальевич, пытающийся пробраться сквозь толпу к капищу. Из маскировки на нём был схожий с ведьминскими балахон.

«Меземир же просил его не приходить!» – с горькой досадой мысленно возмущалась я, чуть не сбившись при произнесении последних строк.

– Святой Ангел, охраняющий мою бедную душу... – заглушаемая воем ветра произнесла я. Свеча в моих руках ста-

ла теплее, а бледность словно стала медленно сходиться с лица Веры. Ох, прости меня, дорогая подруга. Видимо, по-доброму поступить не получится. Я не останавливалась, всё продолжала и продолжала, а собравшиеся здесь маги, казалось, ничего не замечали. – ... не дай окаянному демону властвовать надо мной... веди меня на путь спасения... защити меня и сохрани меня от всякого искушения... Аминь.

По плану после прочтения молитвы, вместо заклинания, и открытия Вайноной портала в мир грешников, из толпы должен был выпрыгнуть Меземир, ослепив всех, кроме меня, магией. Далее нам нужно было бы забрать Веру и быстро умчаться отсюда, пока ад не начал засасывать тёмных магов, не получив обещанной жертвы. Однако, судя по всему, придётся воспользоваться планом Б, и Б, в данном случае, означает «Безрассудство».

Вайнона протянула мне кинжал, которым необходимо было убить свою «слабость» и сбросить её в открытый после этого портал. Я замороженно и, в то же время, с ужасом поскребла по старинной рукояти ногтем. Когда-то именно эти кинжалом были убиты мой дед, сестра Меземира и возлюбленный Вайноны, а также множество других жертв несправедливости. Я подняла глаза на тётку, будто пытаюсь выследить хоть толику грусти по потерянной любви в ней. Она же, будто услышав мои мысли, посмотрела на меня гордо и беспристрастно.

– А ну! Не с места! – ошалело заорал следователь, пустив

в небо три пули. Вот идиот... Но нужно его спасать. Быстрым и отточенным движением я воткнула кинжал Вайноне в грудную клетку, зная, что не серебряный кинжал не убьёт её, но сильно ослабит и затормозит. Пока собравшиеся ведьмы и колдуны застыли в ступоре, я подбежала к Игорю Витальевичу и спросила:

– Вы на машине? – тот серьёзно кивнул. – Тогда забирайте её и уезжайте скорее! Я их задержу! – кивнув на Веру, я круто развернулась к пытающейся вытащить из себя нож тётке и толпе повыскакивавших с мест нечестивых. Те сбросили с себя мешающие плащи и встали в не удобные для обычного человека позы, хищно изогнув спины с выпирающими позвонками. Их пасти широко раскрылись, обнажая огромные желто-чёрные клыки, а глаза налились кровью. Не скажу, что это меня вовсе не испугало, но я взяла себя в руки, зажгла в руке огненный шар и швырнула его в сторону, откуда до этого пришёл Игорь. Часть тех, кто стоял там, упали наземь, пытаясь потушить загоревшиеся тела, а другая отпрыгнула, попутно сбивая своих сородичей. Но мои проклятия были не так сильны, как могли бы быть. В конце концов, я выбрала свет, и моей сильной стороной являлись лечащие чары.

– Бегите! Бегите! – скомандовала я застывшему с Верой на руках следователю.

– А ты? – сипло выдавил из себя дрожащий от страха мужчина.

– А она не одна, – рядом со мной затормозил Меземир,

одетый в места порванный синий плащ. В его руках также загорелся огонь, но голубого цвета.

Игорь Витальевич кивнул и поспешил уйти отсюда через сделанный мною «проход». Некоторые ведьмы, конечно, попытались ухватить его за ноги, но тут же лишились своих рук точными ударами дяди. И вот, наконец, битва началась. Вайнона медленно с противным хлюпаньем вытащила из себя перепачканный в чёрной жиже кинжал и швырнула его мне в голову с криком, достойным банши.

– Не зевай, – пожурил меня Меземир, отбивая кинжал в плечо какого-то седого колдуна. По команде Вайноны – широкому взмаху руки – маги перестали медлить и стали закидывать нас всяческими проклятиями. Но мы легко отбивали все атаки, да ещё и парочка десятков нечистивых навеки получали от меня жуткие ожоги, как от светлого чародея. Однако моей первостепенной задачей было защищать дядю с тыла и залечивать его раны, чтобы он мог дальше продолжать сражаться.

Первоначальная тактика служителей Тьмы определённо не работала, а Вайнона никогда не славилась терпением. Ещё один замысловатый жест, и ведьмы и колдуны просто бросились на нас, видимо, желая нас раздавить. Я швырнула комком сонной пыльцы, которую прятала в кармане, в тётку, ненадолго выводя ту из игры, а Меземир, тем временем, возвёл над нами защитный купол, принявший на себя первые физические удары магов. Укрепив купол своими чара-

ми, недовольно сказала:

– Долго же ты летел.

– Мне пытались помешать, – без капли раскаяния ответил Меземир. – Зато я принёс это, – он вынул из-под плаща икону Божьей Матери и протянул её мне обуглившимися пальцами. Я удивлённо уставилась на него, и он поспешил пояснить: – Твоя бабушка передала, – кивнув, я приняла столь ценный дар и тут же спрятала его под кофтой. Сразу стало как-то спокойнее и... теплее на душе.

– Что будем делать дальше? – скрипя зубами от напряжения, я рвано выдохнула. Силы кончались, что было неудивительно. Сдерживать такое количество нечисти вдвоём – та ещё работёнка.

– Нужно резко расширить купол, чтобы оттолкнуть их как можно дальше, – сказал Меземир. Крупная капля пота упала с его лица, и я почти услышала, как он устал.

– А потом – что?

– Потом – валим отсюда, – истерично выплюнул дядя. Если честно, впервые видела такой каскад эмоций на его лице. – Раз...

– Два...

– Три! – мы оба резко вытянули руки над головой и опустили купол, как только ведьмы и колдуны разлетелись во все стороны. Мы хотели было рвануть, но ушли одного: мы перестали следить за действиями Вайноны. А она, тем временем, открыла врата в преисподнюю прямо рядом с нами.

Из-за близости нахождения с порталом, дядю как уже посвящённого в тёмные начало быстро втягивать в него, за неимением поблизости жертвы. Я вовремя успела среагировать и схватила его за рукав, упёршись ногами в камни. Меземир приложил усилия, и ему удалось ухватить меня обеими руками за запястья. На его лице отражались неприкрытые паника и отчаяние.

– Не отпускай! – нервно крикнул дядя. – Прошу... – умоляющим голосом протянул он. Я судорожно вертела головой, пытаюсь найти, за что зацепиться или чем бы «отвлечь» врата. Как назло, ничего магического не попадалось, а ведьмы и колдунов мы откинули слишком далеко, чтобы ими можно было на время заменить дядю в голодном портале.

– Каков трус, – делано разочарованно цокнула Вайнона и, к нашему глубочайшему удивлению, подошла к нам, не боясь попасть в портал. Ноги почти перестали держать нас, даже с помощью магии, и мы с дядей медленно и со скрипом стали приближаться к чёрно-голубой воронке. – Мог бы и отпустить руки, зачем губить девчонку вместе с собой? – эти слова заставили меня нахмуриться, а Меземира – крепче вцепиться в мои запястья. Признаться честно, они начали неметь от его крепкой хватки.

– В семье друг друга не бросают, – без отвращения к ней, но с полным чувством правоты твёрдо сказала я. Мне уже было не страшно оттого, что эта женщина стояла рядом со мной и в любой момент могла нанести решающий удар.

Страх ничего не изменит, а Вайнона и ей подобные уже проиграли, когда решили, что зло победит. Рано или поздно этот пир на костях кончится, и такие, как мы с Меземиром, восстанут против них. Главное, что мы положили этому начало и спасли Веру.

– Да? А я слышала: если любишь – отпусти, – кровожадно ухмыльнувшись, Вайнона посмотрела прямо Меземиру в глаза.

– Что?.. – не успела я ничего понять, как дядя кинул на меня обречённый взгляд и тепло улыбнулся, причём, лично мне, а не воспоминаниям о сестре или нашим общим успехам. А затем он... отпустил. – Меземир! Не-ет! – истошно закричала я и прыгнула вслед за скрывшимся во тьме дядей, но была схвачена за ногу Вайноной. Несмотря на мои сопротивления, она почти с лёгкостью притянула меня обратно и ударила затылком о камень. Но мне было плевать на физическую боль, когда её перекрывала душевная. И она требовала окончания потери близких мне людей.

Вайнона протянула ко мне руки, сковала заклинанием и стала качать из меня магию.

– Нет! – против воли закричала я. – Кто-нибудь! Помогите мне!.. – я хрипло закашлялась и с ужасом обнаружила, что ведьмы и колдуны – те, что остались живы – стали подниматься и со смесью гнева и злорадства на лице двигаться в мою сторону. Но тут произошло самое удивительное, самое невероятное из того, что мне довелось повидать в жизни.

Из-за моей спины вдруг полился яркий-яркий свет и ослепил всех, кроме меня. Этот свет сжигал тела нечистивых, оставляя лишь пепел да следы на земле, но Вайнона продолжала сопротивляться и скрываться за куполом из тёмной склизкой субстанции. Я боялась обернуться, хотя и догадывалась, что оказавшийся за моей спиной владелец этого чудодейственного света не желал мне зла, иначе бы уже воспользовался моей беспомощностью. И вместо ещё большей боли, он стал глушить прежнюю. Жаль только, что душевными переживаниями управляла лишь я сама...

Почувствовав прилив сил, я, пошатываясь, поднялась и,

всё также не оборачиваясь, направила ладони на Вайнону и разрушила её купол белым пламенем. Его изменившийся цвет поразил меня, но времени на размышления не было, поэтому я решительно стала накапливать в руках негативную энергию, чтобы проклясть Вайнону, но меня остановила тёплая и крайне тяжёлая рука, лёгшая мне на левое плечо. Невольно полуобернувшись, я увидела лишь тот же белый яркий свет, почти прозрачную золотую руку и огромные крылья, чьи перья струились в разные стороны точно лучи солнца. Рука отпустила моё плечо и указала тонким длинным пальцем на Вайнону. Тётка ехидно ухмылялась и копила в руках самые тёмные чары, чтобы убить меня одним косым попаданием. Это привело меня в ярость, но я постаралась уничтожить в себе это чувство. Холодный ум – настоящий помощник в бою, а не пелена ненависти. Сила Вайноны была велика, раз она почти не боялась того, кто стоял за мной, но у меня было преимущество – свет.

Я собрала в кулак всю свою самую чистую энергию, вспомнила все свои самые светлые моменты в жизни, дорогих мне людей и направила этот пучок прямо тётке в сердце. Все её чары защиты рухнули, и её потянуло во врата в ад, но она, конечно же, продолжила сопротивляться и начала пытаться улететь отсюда, из-за чего завертелась вокруг портала, как на карусели. Я попыталась быстро попасть в неё ещё одним пучком света, но не смогла. Тогда, сосредоточившись, я вспомнила следящее заклинание Меземира и напра-

вила его за Вайноной. Очень скоро оно нашло ведьму и выстрелило ей в спину. Вайнона упала на камни лицом, и из её носа потекла чёрная вязкая жидкость. Я доковыляла до неё, дабы простым пинком отправить в ад, ибо сил на колдовство вообще не осталось, но Вайнона, умудрившись найти в себе крохи энергии, вцепилась в мои ноги со словами:

– Не стоит рано радоваться, овечка! Твои родители уже продали часть твоей души дьяволу, скоро он доберётся и до остальной, – я же выполнила свою задумку и отправила тётку туда, где ей самое место, тут же падая на колени и окончательно разбивая их. Не успела я подумать о том, как же я буду закрывать врата, проблема решилась сама собой.

– Ну, вот, – отдышавшись, горько хмыкнула я. – Всё и закончилось, – с громким всхлипом продолжила. – Меземир! – закрыв лицо испачканными в грязи, копоты и крови ладонями, я зарыдала. И вот я вновь почувствовала ладонь на моём плече, но та лишь заботливо погладила меня и вскоре исчезла вместе со своим хозяином.

Не знаю, сколько я там просидела, но на мой новый бессловесный зов о помощи так никто и не пришёл. Кое-как успокоившись и перестав жалеть саму себя и горевать о потерянном дяде, я открыла опухшие глаза и, проморгавшись, увидела перед собой подпаленный с одной стороны листок. Поднеся его к лицу, я увидела фото: на нём были сестра Меземира Лада и часть его самого, не уничтоженная заставшим фотографию сизым пламенем.

Эпилог

Тёплый июльский ветер шумел у меня в волосах, перекидывая не заплетённые пряди с одного плеча на другое. Я прикрыла глаза, наслаждаясь пёстрым запахом летних цветов и древесной коры, но на губах моих всё ещё была грустная подрагивающая улыбка.

– Ты уверена, что тебе стоит уехать? – сконфуженно высказала свои сомнения Вера. – Одной... будет тяжелее, – она пыталась не напоминать мне о потере дяди, но и молчать не могла.

– Да, – посмотрев на неё, спокойно согласилась я. – Но теперь, кроме вашей и моей безопасности, – я поочерёдно взглянула на бабушку и подругу, – У меня есть ещё одна причина пуститься в бега, – я достала из сумки сложенную вчетверо пожелтевшую от времени карту, которая также была исписана со всех сторон. К ней прилагался блокнот с исследованиями и теориями дяди. – Я нашла это в личных вещах дяди, когда отбирала нужные мне книги в дорогу.

– И чем же эта карта лучше навигатора? – скептически поинтересовалась Вера. Ох, и зря я научила её язвить...

– На ней отмечены предполагаемые местонахождения Кровавого договора, – сказала я. – Если я уничтожу его, все человеческие души, которые ещё можно спасти, снова станут свободны. И главное, никто больше не сможет продать чу-

жую душу, будь он хоть Князем, хоть кровным родителем, – бабушка и Вера шокировано уставились на меня. Они, наконец, поняли, почему я не позвала родителей на прощание со мной. – Вайнона не солгала: я уже чувствую, как дьявол и его слуги следуют по моим пятам. Мне не стоит долго останавливаться на одном месте, иначе я рискую и собой, и вами. Если что, сразу же звоните мне. Меземир успел меня кое-чему научить, поэтому с парочкой Рыцарей Мрака я точно смогу справиться, – я усмехнулась, внутренне надеясь на то, что тёмные маги сосредоточатся на моих поисках, а не на выискивании улик в моём городе рядом с моими близкими. – А теперь просите.

– Что просить? – недоумённо спросила Вера.

– Кому – шелка? А кому – цветочек аленький? – я широко улыбнулась, еле сдерживая смех.

– Да ну тебя! – наигранно обидевшись, Вера скрестила руки на груди, но вскоре не выдержала и прыснула от смеха.

– Людочка, – бабушка взяла меня за ладонь, осторожно погладила по ободранным костяшкам и сказала: – Могу просить лишь об одном: береги себя, – я решительно кивнула в ответ, со всей серьёзностью посмотрев на неё и Веру.

– Присоединяюсь к просьбе, – моя подруга поджала губы, на этот раз, силясь не заплакать.

После продолжительных крепких объятий я заставила себя попрощаться с ними и зайти в глубину леса. Не самое лучшее место, чтобы разогнаться, но скоростной Меземира дол-

жен был смягчить удар, если я таки врежусь в дерево или иное препятствие. Заняв стойку профессионального бегуна, я ещё раз проверила крепление скорохода на рукаве. Заряжённый энергией, он должен был имитировать сверхскоростного волшебника рядом со мной, чтобы мои инстинкты сработали и убыстрили мой бег. На счёт:

Раз. Два. *Три...*

Посмотрим, продолжится ли эта история. Ну, а если продолжится, я глубоко надеюсь, что конец её будет счастливым.

